

июль – август
4 (108) 2022 год
Научный журнал

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ

Содержание

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРЫ	6	СЛЕПОКУРОВ В.С.
РЕГУЛЯТИВНАЯ ФУНКЦИЯ КУЛЬТУРЫ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПОИСК НОВЫХ ОРИЕНТИРОВ
	15	АСТАФЬЕВА О.Н., МАЛЫГИНА И.В.
РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ
ДИНАМИКИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ
	27	ПРЖИЛЕНСКАЯ И.Б.
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЖИЗНЕННОГО МИРА В ПРЕДМЕТНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ
	35	ПУГАЧЕВА Л.Г.
КИБЕРКОММУНИКАЦИЯ В ОБРАЗОВАНИИ: «БЕСТЕЛЕСНАЯ»
ЛИЧНОСТЬ И «ОБЕЗЛИЧЕННОЕ» МЫШЛЕНИЕ
	42	ВАРАВА В.В.
ЭТИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ
	48	ШМАКОВА О.В.
ПОТЕНЦИАЛ ОТРАСЛЕВОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ В РЕАЛИЗАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ
ТЕОРИЯ ИСКУССТВА	55	ФАРИТОВ В.Т.
ФАУСТ АЛЬФРЕДА ШНИТКЕ: «ОСТАВШЕЕСЯ
ВРЕМЯ» ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
	65	ВИПУЛИС И.В.
ИНИЦИАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ:
СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ
К ИССЛЕДОВАНИЮ

- 71 КАЗУРОВА Н.В.**
ТЕЛО КАК АРТ-ОБЪЕКТ В СЕРИИ ФОТОГРАФИЙ ИРАНО-АМЕРИКАНСКОЙ ХУДОЖНИЦЫ ШИРИН НЕШАТ
- СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ**
- 81 СУМИНОВА Т.Н.**
АРТ-МЕНЕДЖЕР В СПЕКТРЕ РИСКОВ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
- 88 ШАРКОВСКАЯ Н.В.**
ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК КВИНТЭССЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ ИНДУСТРИИ ДОСУГА
- 96 КУЗЬМИНА Н.В.**
ПАРТНЁРСТВО КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ И НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ
- 102 МАТВЕЕВА Е.В., САТ А.В.**
ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИК КАК СИНТЕЗ ТРАДИЦИОННОГО И СОВРЕМЕННОГО
- ПЕДАГОГИКА КУЛЬТУРЫ**
- 109 КОНДРАШКИНА А.А.**
СОТРУДНИЧЕСТВО МУЗЕЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧАЩИХСЯ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
- 119 МИШИНА М.М.**
ЭТНООРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД В СОВРЕМЕННОЙ ПЕДАГОГИКЕ
- 125 РЯБОВА Т.В.**
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУБЪЕКТОВ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ
- 131 КУЗНЕЦОВА М.С.**
ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ РУССКОГО НАРОДНОГО ТАНЦА
- НОВЫЕ КНИГИ**
- 138 РЕЦОВА К.М.**
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ М. ОЖЕ «НЕ-МЕСТА. ВВЕДЕНИЕ В АНТРОПОЛОГИЮ ГИПЕРМОДЕРНА»

July – August
4 (108) 2022
Scientific
Academic Journal

The Bulletin

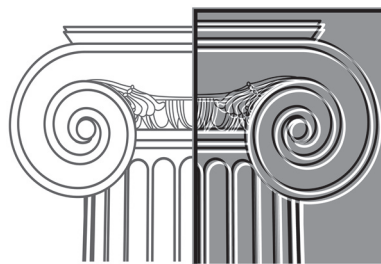
OF MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS

Content

THEORY AND HISTORY OF CULTURE	6	SLEPOKOUROV V.S. THE REGULATORY FUNCTION OF CULTURE IN MODERN RUSSIA: THE SEARCH FOR NEW LANDMARKS
	15	ASTAFYEVA O.N., MALYGINA I.V. RUSSIAN CULTURE IN THE CONTEXT OF THE DYNAMICS OF ECONOMIC STRATEGIES
	27	PRZHILENSKAYA I.B. LIFE WORLD AND ITS CONCEPTUALIZATION IN THE SUBJECT SPACE OF CULTURAL KNOWLEDGE
	35	PUGACHEVA L.G. CYBERCOMMUNICATION IN EDUCATION: «DISEMBODIED» PERSONALITY AND «IMPERSONAL» THINKING
	42	VARAVA V.V. ETHICAL AND ANTHROPOLOGICAL FOUNDATIONS OF MODERN EDUCATION
	48	SHMAKOVA O.V. THE POTENTIAL OF SECTORAL CULTURAL STUDIES IN THE IMPLEMENTATION OF STATE CULTURAL POLICY
THEORY OF ART	55	FARITOV V.T. ALFRED SCHNITTKE'S FAUST: THE «REMAINING TIME» OF EUROPEAN CIVILIZATION
	65	VIPULIS I.V. INITIATION IN ARTISTIC CULTURE: MODERN APPROACHES TO RESEARCH

- 71 KAZUROVA N.V.**
THE BODY AS AN ART OBJECT IN A SERIES OF PHOTOGRAPHS
BY IRANIAN-AMERICAN ARTIST SHIRIN NESHAT
- MODERN SOCIO-CULTURAL PRACTICES**
- 81 SUMINOVA T.N.**
ART MANAGER IN THE SPECTRUM OF RISKS
OF INFORMATION CIVILIZATION
- 88 SHARKOVSKAYA N.V.**
MULTIFUNCTIONAL MANAGEMENT ACTIVITIES
AS THE QUINTESSENCE OF THE DEVELOPMENT
OF THE LEISURE INDUSTRY
- 96 KUZMINA N.V.**
PARTNERSHIP OF CREATIVE INDUSTRIES
AND NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN THE
CONTEXT OF TERRITORIAL DEVELOPMENT
- 102 MATVEEVA E.V., SAT A.V.**
THE PHENOMENON OF POLITICAL CULTURE OF NATIONAL
REPUBLICS AS A SYNTHESIS OF TRADITIONAL AND MODERN
- PEDAGOGY OF CULTURE**
- 109 KONDRASHKINA A.A.**
COOPERATION OF THE MUSEUM AND EDUCATIONAL
INSTITUTIONS AS A FACTOR OF FORMATION
AND DEVELOPMENT OF CULTURAL COMPETENCE
OF STUDENTS: SUMMONSES AND PERSPECTIVES
- 119 MISHINA M.M.**
ETHNOORIENTED APPROACH
IN MODERN PEDAGOGY
- 125 RYABOVA T.V.**
EDUCATIONAL ACTIVITIES
OF SOCIO-CULTURAL SUBJECTS
- 131 KUZNETSOVA M.S.**
ETHNO-PEDAGOGICAL TECHNOLOGY
OF TEACHING TECHNIQUES OF REGIONAL
FEATURES OF RUSSIAN FOLK DANCE
- NEW BOOKS**
- 138 RETSOVA K.M.**
REVIEW OF THE BOOK BY M. AUGER
«NON-PLACES. INTRODUCTION TO THE
ANTHROPOLOGY OF HYPERMODERNITY»

ТЕОРИЯ
И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

РЕГУЛЯТИВНАЯ ФУНКЦИЯ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПОИСК НОВЫХ ОРИЕНТИРОВ

УДК 158.942 : 009

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-6-14>

В. С. Слепокуров

Московский государственный институт культуры, Химки, Московская область, Россия

e-mail: slepokurov.v@yandex.ru

Аннотация: Автор исследует регулятивную функцию культуры в современной России в контексте государственной культурной политики. В качестве эмпирического материала проанализирована Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года. Методика исследования опирается на культурологическую атрибуцию наиболее существенных рисков культурного развития в рамках предпринятой в стратегическом документе типологии вероятных сценариев. Инерционный сценарий реализации государственной культурной политики выглядит наиболее реальным. Однако он остается наиболее затратным и наименее рентабельным, поскольку не гарантирует возврата государственных инвестиций в форме обеспечения единства и культурного суверенитета российского общества. Переход к новой модели культурной политики, подразумевающей её многосубъектность, не исключает планомерного централизованного характера инфраструктурных преобразований. Ведущим ориентиром культурной политики является задача создания условий для обмена положительным опытом и коллабораций деятелей культуры всех возможных форм созидания национального культурного продукта.

Ключевые слова: культурная политика, регулятивная функция культуры, самоорганизация культуры, стратегия культурной политики, культурологическая атрибуция, российская культура.

Для цитирования: Слепокуров В.С. Регулятивная функция культуры в современной России: поиск новых ориентиров // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №4 (108). С. 6-14. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-6-14>

THE REGULATORY FUNCTION OF CULTURE IN MODERN RUSSIA: SEARCH FOR NEW REFERENCE POINTS

Vitaly S. Slepokurov

Moscow State Institute of Culture, Khimki City, Moscow Region, Russian Federation

e-mail: slepokurov.v@yandex.ru

СЛЕПОКУРОВ ВИТАЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ – первый проректор, проректор по учебно-методической деятельности, доктор философских наук, профессор, Московский государственный институт культуры
SLEPOKUROV VITALY SERGEEVICH – First Vice-Rector, Vice-Rector for Educational and Methodological Activities, Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State Institute of Culture

© Слепокуров В.С., 2022

Abstract: The author explores the regulatory function of culture in modern Russia in the context of state cultural policy. As an empirical material, the Strategy of the state cultural policy for the period up to 2030 is analyzed. The research methodology is based on the culturological attribution of the most significant prospective risks of cultural development within the framework of the typology of probable scenarios undertaken in the strategic document. The inertial scenario for the implementation of the state cultural policy looks the most realistic. However, it remains the most costly and least profitable, since it does not guarantee the return of public investment in the form of ensuring the unity and cultural sovereignty of Russian society. The transition to a new model of cultural policy, which implies its multisubjectivity, does not exclude the planned centralized nature of infrastructural transformations. The leading reference point of cultural policy is the task of creating conditions for the exchange of positive experience and collaborations of cultural figures of all possible forms of creating a national cultural product.

Keywords: cultural policy, regulatory function of culture, self-organization of culture, strategy of cultural policy, cultural attribution, Russian culture.

For citation: Slepokourov V. S. The regulatory function of culture in modern Russia: the search for new landmarks. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 4 (108), pp. 6-14. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-6-14>

Современная ситуация характеризуется турбулентностью процессов во многих сферах жизнедеятельности общества: ростом неопределенности, усилением рисков и угроз [8]. Теоретики как в России, так и за рубежом обращают внимание на ускорение течения социального времени, обуславливающее усиление неопределенности [10; 16; 17]. В связи с чем поиск новых точек опоры и ориентиров, позволяющих с уверенностью смотреть в будущее, планировать и осуществлять деятельность, требующую коллективных усилий, актуализируется как важнейшая управленческая задача. Обостряется необходимость целерационального использования одной из фундаментальных функций культуры – способности посредством нормативных систем регулировать общественные отношения, долгосрочно предопределять тенденции общественного развития.

Рассмотрим регулятивную функцию культуры в современной России в контексте государственной культурной политики.

Объект нашего внимания, государственная культурная политика¹, является одним

¹ Основы государственной культурной политики, Стратегия государственной культурной политики России на период до 2030 г., государственные программы Российской Федерации «Развитие культуры и туризма» на 2013–

из элементов нормативной системы современной российской культуры. Особая специфика документов государственного стратегического планирования состоит в определении общих целей и задач. Фундаментальная цель – преодоление общих угроз – диктует наиболее актуальные задачи, решение которых нормирует взаимоотношения субъектов культурной политики. Успешность государственной политики определяет не масштаб отдельного её субъекта, а консолидация субъектов различного уровня и масштаба, – синергетика общих усилий. Так устанавливается наивысшая ценность стратегического документа, его нормирующая, регулятивная функция: он устанавливает ориентиры достижения наибольшего синергетического эффекта в развитии общественных отношений. В ус-

2020 годы, «Информационное общество (2011–2020 годы)», «Внешиполитическая деятельность», «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы, «Развитие образования» на 2013–2020 годы, Концепции долгосрочного развития театрального дела в Российской Федерации на период до 2020 года, Концепции развития циркового дела в Российской Федерации на период до 2020 года, Концепции развития образования в сфере культуры и искусства в Российской Федерации на 2008–2015 годы, Концепции развития концертной деятельности в области академической музыки в Российской Федерации на период до 2025 года и др.

ловиях усиления турбулентности социальных процессов и асинхронии течения социально-го времени нацеленность каждого субъекта культурной деятельности на решение общих злободневных задач является единственно возможной стратегией преодоления кризиса атомизации общества.

Необходимо рассмотреть, каким образом регулятивная функция культуры в современной России снижает обозначенные риски. К примеру, как один из значительных рисков, связанных с тенденцией нарастания гуманитарного кризиса, в Стратегии обозначена «атомизация общества», означающая риск разрыва устойчивых «социальных связей (дружеских, семейных, соседских), рост индивидуализма и пренебрежения к правам других». В этом смысле стратегический документ в плане описания основной функции культуры в полной мере согласуется с передовыми позициями деятельностного, системного и ценностно-нормативного подходов отечественной теории культуры [7; 9; 14]. Поэтому Стратегию государственной культурной политики России на период до 2030 года [11] рассмотрим в качестве основного эмпирического документа, позволяющего определить основные точки опоры и ориентиры культурного развития российского общества на текущий момент.

Методика исследования опирается на культурологическую атрибуцию наиболее существенных перспективных рисков культурного развития в рамках предпринятой в Стратегии типологии вероятных сценариев. Поскольку этот исключительно культурологический метод остается не в достаточной степени отрефлексированным, отметим, что его выделяет в рамках культурологической типологизации А. Я. Флиер [12; 13] и развивает Г. В. Бакуменко [1; 2; 3]. А. Я. Флиер в целом выделяет культурологическую («культурную») атрибуцию – как метод фиксации распределенности свойств культурной системы на составляющих её элементах. Г. В. Бакуменко разграничивает, с одной стороны, повседневную культурную атрибуцию – как практику доопытного отбора инструментов

деятельности по распределенности в их совокупности необходимых для деятельности свойств и, с другой стороны, культурологическую – как теоретический, метатеоретический и междисциплинарный метод, преимущества которого раскрываются в установлении неочевидных культурных порядков.

Безусловно, общепризнанные статистические методы обработки данных, лежащие в основе Стратегии государственной культурной политики России, позволяют точнее представить текущую ситуацию и прогнозировать развитие перспективных тенденций. Между тем культурологическая атрибуция позволяет устанавливать неочевидные связи элементов культурной системы, а следовательно, (хоть и менее точно, т. е. в общих чертах) интерпретировать причинно-следственную логику происходящих изменений.

Так, к примеру, в теории и практике управления качеством распространен прием предварительного анализа системы управления организации для определения критических точек несоответствия её деятельности стратегическим целям, предшествующий детальному погружению в проблему, а также – дальнейшему организационному аудиту и реинжинирингу. Сошлемся на высказанную Г. В. Бакуменко мысль: «От культурологической атрибуции происходящих в современных культурах изменений на различных уровнях (индивидуальный, организационный, институциональный, национальный, межнациональный) и в различных сферах деятельности зависит скорость социокультурного развития общества: с одной стороны, – скорость его адаптации к изменениям, а с другой – способность, сохраняя и усиливая свою системную сложность, созидать новое и обуславливать посредством инноваций процессы, поддающиеся контролю и управлению» [1, с. 57]. И выскажем вполне обоснованное предположение, что культурологическая атрибуция позволяет более оперативно реагировать на происходящие изменения, определяя критические точки развития, требующие дальнейшего детального анализа. Особенно

очевидно обозначенное преимущество нового метода в непосредственно оперативной работе отдельного субъекта культурной деятельности, когда исчерпывающая необходимая статистика еще не собрана, а принятие оперативных решений требует научно-методических оснований. Представляется, что в условиях усиления турбулентности социокультурных процессов это преимущество культурологической атрибуции происходящих изменений – оперативность реагирования – весьма существенно.

Необходимо отметить, что Стратегия государственной культурной политики России до 2030 года (далее – Стратегия) опирается на потенциал регулятивной функции культуры в плане формирования и укрепления гражданской идентичности, обеспечения единства российской нации, сохранения единства культурного и языкового пространства народов Российской Федерации. В документе культура понимается не как отрасль услуг, а как область общих интересов, обеспечивающих системную целостность общества. Соответственно, она оказывается непосредственно связана с государственным суверенитетом и способностью общества отстаивать свои коллективные интересы перед лицом перспективных рисков и угроз.

В Стратегии четко обозначены наиболее опасные для перспективного развития России проявления назревающего гуманитарного кризиса (для удобства анализа присвоим им цифровые обозначения):

- (1) снижение интеллектуального и культурного уровня общества;
- (2) девальвация общепризнанных ценностей и искажение ценностных ориентиров;
- (3) рост агрессии и нетерпимости, проявление асоциального поведения;
- (4) деформация исторической памяти, негативная оценка значительных периодов отечественной истории, распространение ложного представления об исторической отсталости Российской Федерации;

- (5) атомизация общества – разрыв социальных связей (дружеских, семейных, соседских), рост индивидуализма и пренебрежение к правам других.

Сложность представляет тот факт, что стратегия государственной политики является лишь одним, хоть и существенным, нормирующим фактором социокультурного развития. Остальные регулятивы культурной системы (мораль, традиции, обряды, обычаи, образцы поведения и пр.) могут либо стимулировать реализацию стратегических нормативов, либо, напротив, тормозить процесс достижения поставленных целей вплоть до невозможности решения отдельных запланированных задач в реальной ситуации конкретного региона нашей великой страны. Учитывая многофакторность социокультурного развития, культурные особенности регионов и оставаясь взвешенным документом Стратегия предполагает три сценария перспективного развития: инерционный, инновационный и базовый.

Хотя инерционный сценарий в целом не предполагает существенного ухудшения зафиксированного положения (2014), в регионах и муниципальных образованиях он сопровождается оптимизацией культурных учреждений (в первую очередь в сельской местности), предполагая региональную обеспеченность организациями культуры в соответствии с социальными нормативами лишь на 40%. При этом «доля региональных объектов культурного наследия, находящихся в руинированном и неудовлетворительном состоянии, будет увеличиваться, региональные диспропорции будут сохранять тенденцию к росту, продолжится отток профессиональных кадров из села и малых городов в центральные регионы» [11, с. 20–21].

Для наглядности результаты культурологической атрибуции наиболее существенных рисков инерционного культурного развития представим в виде таблицы (см. Таблица 1).

Вполне очевидно, что, за исключением естественного физического износа культурной инфраструктуры и объектов культурного

Тенденции	Риски
Сохранение основных тенденций в культурной сфере, проблем и уровня финансирования	1, 2, 3, 4, 5
Нехватка средств и механизмов для достижения качественных, количественных и инфраструктурных изменений, предусматриваемых Основами государственной культурной политики	1, 2, 3, 4, 5
Сокращение численности занятых в сфере культуры к 2030 г. на 12–15 %	1, 2, 3, 4, 5
Физический износ культурной инфраструктуры и объектов культурного наследия, ухудшение состояния объектов культурного наследия вплоть до их невозможной утраты	1, 2, 4
Оптимизация (сокращение) объектов культурной инфраструктуры	1, 2, 3, 4, 5
Отток профессиональных кадров из села и малых городов в центральные регионы	1, 2, 3, 4, 5

Таблица 1. – Культурологическая атрибуция рисков инерционного развития

наследия, все намеченные тенденции провоцируют усиление риска гуманитарного кризиса. Инерционный сценарий предполагает сохранение основных тенденций в культурной сфере относительно проблем и уровня финансирования. В связи с чем встает уместный вопрос: если прежде были созданы предпосылки для усиления наиболее опасных рисков назревающего гуманитарного кризиса, насколько соответствует культурная политика регионов основной задаче государственного стратегического планирования – преодолению общих угроз?

Прокомментируем, к примеру, тенденцию сокращения численности занятых в сфере культуры к 2030 г. на 12–15 %. Без дополнительной информации серьезность риска развития и усиления этой тенденции не очевидна.

Отечественные и зарубежные аналитики выделяют отдельную отрасль культурных индустрий [5; 6; 18]. По статистике ЕС, к примеру, в 2002 г. количество предприятий креативной индустрии в европейских странах превышало в 8,6 раз количество предприятий машиностроения, в 44,4 раза – химической промышленности, в 82,8 – автомобилестроения, в 93,7 – энергетики [5, с. 13]. Уровень занятости европейцев в культурной индустрии свидетельствует, с одной стороны, о трансформации европейской экономики [15], а с другой – указывает на источник куль-

турного доминирования Запада. Флагманами культурной экспансии являются крупнейшие транснациональные компании ИТ и медиа (Apple, Amazon.com, Samsung Group, AT&T, Alphabet и др.) [5, с. 23], успешно соперничающие «с ведущими державами за перераспределение ресурсов человеческого капитала, преуспевая в интеллектуальной сфере» [4, с. 281].

Таким образом, пессимистический прогноз снижения занятости россиян в сфере культуры на 12–15 % предполагает значительное усиление к 2030 г. внешней культурной экспансии. Если уже к 2014 г. она представляла собой значительную внешнюю угрозу [11, с. 7], то какова её сила станет при изменении ситуации в худшую сторону? Ведь регулятивная функция культуры не предполагает директивного наращивания культурного производства в сжатые сроки. Этот ресурс накапливается поколениями при условии постоянного сохранения и актуализации имеющегося культурного наследия, а не ухудшении его состояния вплоть до невозможной утраты. Проще увеличить производство в сфере ИТ или аэрокосмической отрасли, нежели наверстать упущенное в культуре.

Каковы же могут быть ориентиры для преодоления риска осуществления пессимистических прогнозов?

В положениях Стратегии заложено определяющее базовое отличие современной модели культурной политики от её аналога со-

ветского времени. Стратегический документ утверждает многосубъектность современной модели: «В Российской Федерации (в отличие от советской модели культурной политики, в которой государство являлось ключевым и часто единственным субъектом культурной политики) существует закрепленное нормами права многообразие субъектов культурной политики» [11, с. 16]. За счет многосубъектности предполагается значительное увеличение инвестиций в область культуры и усиление в этом направлении государственно-частного партнерства. С одной стороны, предложенная модель соответствует задачам диверсификации рисков и реинжиниринга системы управления, предполагая формирование многоканальной системы финансирования культуры. С другой – она содействует расширению участия населения в культурном производстве. На последнем аспекте следует акцентировать внимание.

Со ссылкой на базовое законодательство, под субъектами государственной культурной политики в Стратегии понимаются не только субъекты Российской Федерации, но и любой деятель культуры, включая меценатов и волонтеров. Базовый и инновационный сценарии реализации Стратегии предполагают значительное увеличение участия россиян в культурном производстве. Особое внимание уделено качеству культурного продукта, который противопоставлен низкопробной продукции массовой культуры потребительского общества. Соответственно, любая культурная деятельность, нацеленная на производство и пропаганду уникального отечественного продукта уровня мировой художественной культуры, наделяет субъекта этой деятельности статусом субъекта государственной культурной политики. Здесь возникает, по меньшей мере, два существенных вопроса, связанных с оценкой качества культурного производства.

Первый вопрос носит организационный характер.

В этом году, как известно, серьезному испытанию подверглась вся отечественная наукоемкая промышленность в силу беспреце-

дентных ограничений в индустрии трансфера технологий. И сразу же стала вполне очевидной пагубность ориентации в оценке качества научных исследований на зарубежные институты научно-технической информации. Министерство образования и науки, взаимодействуя с Российской академией наук, предпринимает сегодня шаги по восстановлению отечественной системы контроля качества исследований для обеспечения технологического суверенитета страны.

Ситуация в культуре в этом отношении менее очевидна. Но она в определенной степени гомогенна ситуации с качеством научного знания, которое наряду с другими формами культурных продуктов является неотъемлемой составной частью культурного наследия. Следует обратить внимание на слабость российских общественных институтов оценки качества культурного продукта. Наряду с восстановлением отечественного института качества научных исследований необходимо ставить задачу и о восстановлении или реинжиниринге института обеспечения культурного суверенитета страны.

Из организационного вопроса вырастает и вопрос компетенции подобного института.

Опыт советского времени вакцинировал российскую художественную жизнь прививкой от цензуры, однако не следует предаваться иллюзии о невозможности рецидива. Наблюдая очевидную необходимость института контроля качества культурного продукта, подчеркнем исключительно компетентностную его природу: он может быть организован по типу института публичного научного рецензирования, исключая саму возможность чиновничьего произвола в области социокультурной, просветительской и художественной деятельности. Речь идет о совершенно ином уровне фестивально-выставочного движения, когда высокие достижения деятеля культуры на выставках и фестивалях становятся основанием для оценки качества культурного продукта и принятия управленческих решений, а не наоборот.

Подождоживая, отметим...

Во-первых, хотя инерционный сценарий реализации Стратегии и выглядит наиболее реальным в ситуации усиления неопределенности, он остается наиболее затратным и наименее рентабельным, поскольку не гарантирует возврата государственных инвестиций в форме обеспечения единства и культурного суверенитета российского общества. Реализация инерционного сценария, по существу, означает вложение инвестиций в усиление риска гуманитарного кризиса. Рентабельнее выглядит организация институтов контроля качества региональной культурной политики и усиление постоянно действующего института повышения квалификации работников сферы культуры, которые обеспечивали бы в каждом регионе если не инновационные, то хотя бы базовые показатели культурного развития.

Во-вторых, несмотря на вполне обоснованный переход к новой модели отечественной культурной политики, подразумевающей её многосубъектность, инфраструктурные преобразования могут и должны носить планомерный централизованный характер, исключая произвол и низкий уровень компетенции управления культурой на местах. Расширяя многоканальность в финансировании культуры, следует ставить вопрос о необходимости общественного компетентного института контроля качества культурного продукта, обеспечивавшего бы культурный суверенитет государства и его регионов, а также – эффективность государственных инвестиций в эту область.

Обратим внимание также, что регулятивная функция культуры не реализуется сама по себе. Культура не является запрограммированной машинерией. Она зависит от живого участия человека, от его созидательной творческой деятельности. В современной России остается не в полной мере востребован потенциал инициативной художественной, просветительской и социокультурной деятельности. Наряду с пользующимися господдержкой организациями культуры существуют малые творческие коллективы, театры, частные музеи и галереи. Эти малые коллективы, ориентированные исключительно на энтузиазм и меценатство небольших социальных групп, решают порой задачи культурной политики гораздо эффективнее, нежели обладающие организационными и финансовыми ресурсами государственные учреждения культуры. Следовательно, ведущим ориентиром является задача создания условий для обмена положительным опытом и коллабораций деятелей культуры всех возможных форм созидания национального культурного продукта. Тогда, вероятно, можно будет ставить вопрос не о доли участия культуры в валовом внутреннем продукте, а наоборот – о доли ВВП в отечественной культуре. Тогда, вероятно, и вопрос о чужеродной культурной экспансии потеряет свою актуальность ввиду крепкого культурного суверенитета страны и населяющих её народов.

Список литературы

1. Бакуменко Г. В. Междисциплинарный потенциал культурологической атрибуции // *Культурология в теориях и практиках: к 30-летию кафедры культурологии МПГУ*. Москва, 2022. С. 50–61.
2. Бакуменко Г. В. Метатеоретический аспект культурологии // *Культурное наследие – от прошлого к будущему*. Москва, 2021. С. 39.
3. Бакуменко Г. В. Ценностная динамика символов успеха: на материале статистики кинопроката. Москва: Сам Полиграфист, 2021. 276 с.
4. Бакуменко Г. В., Лугинина А. Г. Виртуализация социокультурного фронта «Tertius Romaе» // *Журнал фронтальных исследований*. 2022. Т. 7. № 1 (25). С. 265–293.
5. *Культура и культурные индустрии в РФ 2016–2018: Результаты комплексного исследования* / Е. Сафронов, Н. Галиулова, А. Тихонов [и др.]. Москва: InterMedia, 2019. 42 с.

6. Культура и культурные индустрии в РФ: аналитика 2018–2020. Результаты комплексного исследования / Е. Сафронов, Н. Галиулова, А. Тихонов [и др.]. Изд. 6-е, испр. и доп. Москва: InterMedia, 2020. 88 с.
7. Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации / А. Ф. Андреев, И. В. Бернацких, А. С. Богданов [и др.]. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2021. 604 с.
8. Путин заявил о возрастании турбулентности геополитических процессов [Электронный ресурс] // Известия, 23 июня 2021. URL: <https://iz.ru/1182870/2021-06-23/putin-zaiavil-o-vozrastanii-turbulentnosti-geopoliticheskikh-protcessov>
9. Региональная культурная политика: Методология, институты, практики (Ценностно-нормативный подход) / И. И. Горлова, Т. В. Коваленко, А. В. Крюков [и др.]. Москва: Институт Наследия, 2019. 206 с.
10. Синецкий С. Б. Универсальные приоритеты и цивилизационные парадигмы культурной политики в XXI в. // Политика и культура: проблемы взаимодействия в современном мире: сборник статей. Будапешт–Киров, 2019. С. 8–17.
11. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420340006>
12. Флиер А. Я. Культурная атрибуция как метод исследования // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 6 (68). С. 24–30.
13. Флиер А. Я. Культурная атрибуция как метод исследования // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 4. С. 139–144.
14. Флиер А. Я. Системный характер нормативной теории культуры // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 2. С. 147–156.
15. Mazzucato M. The Value of Everything. PublicAffairs Books, 2020. 384 p.
16. Rosa H. Alienation and Acceleration. Towards a Critical Theory of LateModern Temporality. Aarhus University Press, 2010. 111 p.
17. Rosa H. Resonanz: Eine Soziologie der Weltbeziehung. Berlin: Suhrkamp, 2016. 816 p.
18. Sun M. K-pop Fan Labor and an Alternative Creative Industry: A Case Study of GOT7 Chinese Fans // Global Media and China. 2020. Vol. 5. No. 4. Pp. 389–406.

References

1. Bakumenko G. V. Interdisciplinary potential of culturological attribution // Culturology in theories and practices: to the 30th anniversary of the Department of Cultural Studies of the Moscow State Pedagogical University. Moscow, 2022. pp. 50–61. (In Russ.)
2. Bakumenko G. V. Metatheoretical aspect of cultural studies // Cultural heritage – from the past to the future. Moscow, 2021. pp. 39. (In Russ.)
3. Bakumenko G. V. Value Dynamics of Symbols of Success: Based on Film Distribution Statistics. Moscow: Sam Polygraphist, 2021. 276 p. (In Russ.)
4. Bakumenko G. V., Luginina A. G. Virtualization of the Socio-Cultural Frontier “Tertius Romae” // Journal of Frontier Research. 2022. V. 7. No. 1 (25). pp. 265–293. (In Russ.)
5. Culture and cultural industries in the Russian Federation 2016–2018: Results of a comprehensive study / E. Safronov, N. Galiulova, A. Tikhonov [and others]. Moscow: InterMedia, 2019. 42 p. (In Russ.)
6. Culture and cultural industries in the Russian Federation: analytics 2018–2020. Results of a comprehensive study / E. Safronov, N. Galiulova, A. Tikhonov [and others]. Ed. 6th, rev. and additional Moscow: InterMedia, 2020. 88 p. (In Russ.)

7. Foreseeable challenges and threats to the national security of the Russian Federation and directions for their neutralization / A. F. Andreev, I. V. Bernatskikh, A. S. Bogdanov [and others]. Moscow: RGGU, 2021. 604 p. (In Russ.)
8. Putin announced an increase in the turbulence of geopolitical processes [Electronic resource]// Izvestia, June 23, 2021. URL: <https://iz.ru/1182870/2021-06-23/putin-zaiavil-o-vozzrastanii-turbulentnosti-geopoliticheskikh-protsessov> (In Russ.)
9. Regional cultural policy: Methodology, institutions, practices (value-normative approach) / I. I. Gorlova, T. V. Kovalenko, A. V. Kryukov [and others]. M.: Heritage Institute, 2019. 206 p. (In Russ.)
10. Sinetsky S. B. Universal priorities and civilizational paradigms of cultural policy in the XXI century. // Politics and culture: problems of interaction in the modern world: Sat. articles. Budapest; Kirov: B.I., 2019.pp. 8–17. (In Russ.)
11. Strategy of the state cultural policy for the period up to 2030 [Electronic resource]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420340006> (In Russ.)
12. Flier A. Ya. Cultural attribution as a research method // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2015. No. 6 (68). pp. 24–30. (In Russ.)
13. Flier A. Ya. Cultural attribution as a research method // Knowledge. Understanding. Skill. 2011. No. 4.pp. 139–144. (In Russ.)
14. Flier A. Ya. The systemic nature of the normative theory of culture // Knowledge. Understanding. Skill. 2019. No. 2.pp. 147–156. (In Russ.)
15. Mazzucato M. The Value of Everything. PublicAffairs Books, 2020. 384 p.
16. Rosa H. Alienation and Acceleration. Towards a Critical Theory of Late Modern Temporality. Aarhus University Press, 2010. 111 p.
17. Rosa H. Resonanz: Eine Soziologie der Weltbeziehung. Berlin: Suhrkamp, 2016. 816 pp.
18. Sun M. K-pop Fan Labor and an Alternative Creative Industry: A Case Study of GOT7 Chinese Fans // Global Media and China. 2020 Vol. 5. No. 4. pp. 389–406.

*

Поступила в редакцию 10.08.2022

РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ДИНАМИКИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ

УДК 792.01 : 394.2

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-15-26>

О. Н. Астафьева

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация
e-mail: onastafieva@mail.ru

И. В. Малыгина

Московский государственный лингвистический университет, Институт гуманитарных и прикладных наук,
Москва, Российская Федерация
e-mail: world-culture@linguanet.ru

Аннотация: В центре внимания авторов – изменение статуса культуры в контексте сменяющих друг друга приоритетов в экономических теориях и социальной реальности. Авторами выделяются три основных периода в новейшей истории культуры России, позволяющие охарактеризовать устойчивые тренды в обосновании доминирующих характеристик культуры в ее взаимоотношениях с экономикой. Центральное внимание авторы уделяют поиску оснований идентификации культуры в потребительской парадигме. В статье анализируются конструктивные и деструктивные последствия «экономики впечатлений»; возможности использования ресурсов культуры в инновационном развитии экономики и глобальной конкуренции; точки роста и зоны риска, связанные с тенденцией к «переупаковке» культуры в культурные / творческие индустрии. Понимая, что в структуре креативной экономики закономерен рост символической составляющей как производства, так и потребления, авторы призывают внимательнее относиться к применению исключительно традиционных механизмов по отношению к культуре в стимулировании экономического роста, поскольку это может привести к истощению культурного капитала нации, к утрате культурой маркеров своей самобытности и самоценности.

АСТАФЬЕВА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА – доктор философских наук, профессор, директор НОЦ «Гражданское общество и социальные коммуникации», профессор кафедры ЮНЕСКО Института государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

МАЛЫГИНА ИРИНА ВИКТОРОВНА – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой мировой культуры Института гуманитарных и прикладных наук, Московский государственный лингвистический университет

ASTAFYEVA OLGA NIKOLAEVNA – Dr. of Sci. (Philosophy), Professor, Director of the Research and Education Centre «Civil Society and Social Communications», Professor, of the Chair of UNESCO of The Institute of Public Service and Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

MALYGINA IRINA VIKTOROVNA – Dr. of Sci. (Philosophy), Professor, Moscow State Linguistic University, Head of Department of World Culture at the Institute of Humanities and Applied Sciences

© Астафьева О.Н., Малыгина И.В., 2022

Ключевые слова: культура, идентичность, культурный поворот, общество потребления, экономика впечатлений, экономика желаний, культурные индустрии, творческие индустрии.

Для цитирования: Астафьева О.Н., Малыгина И.В. Российская культура в контексте динамики экономических стратегий // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №4 (108). С. 15-26. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-15-26>

RUSSIAN CULTURE IN THE CONTEXT OF THE DYNAMICS OF ECONOMIC STRATEGIES

Olga N. Astafyeva

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
e-mail: onastafieva@mail.ru

Irina V. Malygina

Moscow State Linguistic University, Institute of Humanities and Applied Sciences, Moscow, Russian Federation
e-mail: world-culture@linguanet.ru

Abstract: The authors focus on the changing status of culture in the context of changing priorities in economic theories and social reality. The authors distinguish three main periods in the recent history of culture in Russia that allow to characterize sustainable trends in justification of dominant characteristics of culture in its relationship with the economy. The authors focus on the search for the basis of culture identification in the consumer paradigm. The article analyses the constructive and destructive effects of the “economy of impressions” and the economy of desires; the opportunities for using the resources of culture in the innovative development of the economy and global competition; the growth points and risk zones associated with the trend of “repackaging” culture in the cultural/creative industries. Realising that the growth of the symbolic component in the structure of both production and consumption in the creative economy is logical, the authors call for more cautious application of traditional mechanisms of economic growth stimulation in relation to culture, as this may lead to the exhaustion of the nation’s cultural capital, loss of cultural identity markers and intrinsic value.

Keywords: culture, identity, cultural turnaround, consumer society, economy of impressions, economy of desires, cultural industries, creative industries.

For citation: Astafyeva O. N., Malygina I. V. Russian culture in the context of the dynamics of economic strategies. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 4 (108), pp. 15-26. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-15-26>

Культура в условиях «перехода к рынку»: от идеи самоценности к экономической целесообразности

Тема «социальной полезности» и экономической целесообразности культуры уверенно вошла в актуальную повестку научного и публицистического дискурсов, свидетельствуя о значительных сдвигах в понимании статуса и социальных функций культуры, обусловленных социально-экономическими

реформами российского общества в период его новейшей истории.

С одной стороны, эти изменения проявились в скептическом отношении к идее самоценности культуры, в маргинализации внимания к традиции и феномену культурного наследия (материального и нематериального), обеспечивающих целостность и континуальность российской культуры. С другой стороны, в начале 90-х гг. XX века в условиях пере-

хода России к новой социально-политической и экономической реальности сформировалась устойчивая тенденция к обоснованию значимости социокультурных факторов в развитии рыночных отношений [25]. Несмотря на то, что ресурсы культуры по-прежнему рассматривались как «вторичные» в иерархии условий модернизационного прорыва России, исследователи, непосредственно связанные с практикой управления сферой культуры (Т. Абанкина [1], Г. М. Галуцкий [7], Б. Ю. Сорочкин [21] и др.), все более настойчиво заявляли о расширении организационно-экономических методов планирования и о необходимости внедрения экономических механизмов регулирования в социокультурные процессы. Как результат в экономических теориях этого периода наметились две тенденции: к обоснованию значимости культуры как отрасли и, соответственно, необходимости разработки различных моделей поддержки культуры, а также – подходов к использованию ее ресурсов в качестве товаров и услуг в интересах решения социальных проблем при переходе к рыночной экономике.

К началу XXI века стало очевидным, что статус и функции культуры несводимы к скромной роли одной из номинаций продуктов и услуг, которую ей пытались отвести отдельные теоретики российской экономической реформы. И все же необходимо признать, что в контексте коммерциализации культуры ее потенциал ценностно-смыслового субстрата общественной жизни, важнейшего идентификационного основания российского населения расходовался на обоснование «экономической полезности». В условиях рыночной экономики культура с лёгкостью конвертировалась и измерялась в финансовом эквиваленте.

И если массовое сознание с новой реальностью примирилось достаточно быстро, то в сфере отечественного социально-гуманитарного знания этот «экономический поворот» в интерпретации культуры был принят неоднозначно; о многообразии и противоречиях моделей взаимодействия

«культуры и экономики» открыто заявляли и культурологи, и экономисты [11]. Так, в работах С. Н. Горушкиной [8], Е. В. Егорова [10], А. Я. Рубинштейна [19, 20], В. Ю. Музычук [20] вопрос об экономическом регулировании и финансировании сферы культуры предлагалось рассматривать в рамках концепции «общественного блага» и/или «опекаемых благ». В свою очередь А. Б. Долгин развивал идею отношения к культуре не только как к социальному капиталу, а как к «символическому капиталу» [9.]; Е. Антонов, А. Аузан, В. Брызгалин и др. обосновывали концепцию социальной значимости культуры и ее влияния на экономические процессы [3]; Г. В. Сменцарев проблематизировал тему возможностей и ограничений экономического измерения культуры [22], в очередной раз актуализируя тезис Д. Тросби о том, что ценности культуры «восстают» против измерения [23].

Подчеркнем, что в трудах исследователей социально-гуманитарного профиля вопрос об объективной неспособности к самоокупаемости значительной части учреждений культуры в рыночных условиях и обязательной финансовой поддержке как производителей, так и потребителей культурных благ и услуг, продолжает и сегодня звучать достаточно остро и убедительно [19].

Ресурсный подход к культуре, получивший развитие в последнее десятилетие, также медленно адаптируется в культурологических исследованиях, поскольку культурологи и сегодня не готовы говорить о культуре «в терминах экономической целесообразности» [15].

«Культурный поворот» в стратегиях социально- экономического развития

Тем не менее возможности культуры в усилении экономических эффектов оказались в фокусе внимания как зарубежных, так и российских исследователей, что позволило зафиксировать так называемый «культурный поворот» (cultural turn) в выборе стратегий социально-экономического развития по-

стиндустриальных обществ, национальных государств, ориентированных на модернизационную модель динамики.

Нет необходимости в развертывании тезиса об исторической и социальной обусловленности эволюции моделей культуры и экономики, представленной нами ранее [4], к тому же опубликован развернутый аналитический отчет по результатам работы коллектива, системно и последовательно занимающегося вопросами выявления потенциала культуры с позиции экономики [3]. Однако социальная ситуация последних лет при всех позитивных изменениях, наметившихся по отношению к культуре, с культурологических позиций едва ли может быть охарактеризована как свободная от экономического детерминизма социокультурного развития. Соглашаясь с неизбежностью данной детерминированности, приходится признать тот факт, что нынешнее состояние культуры и экономики вполне соразмерно запросам современного общества потребления, которое до сегодняшнего дня не исчерпало ресурсов собственного воспроизводства. Субъект культуры потребления – «человек потребляющий» или «*Homo consumens*» – не только не сопротивляется тотальному распространению целей и ценностей потребления, но вольно или невольно воспроизводит их и «вытесняет *Homo sapiens*, который стремительно теряет (если уже не потерял) право называться «разумным»» [12 с. 157].

При всей одиозности и бескомпромиссности данного суждения в пользу его обоснованности свидетельствует развитие относительно новой экономической стратегии, в значительной мере ориентированной на работу с аффективно-эмоциональными структурами личности потребителя. В теориях зарубежных аналитиков эта стратегия описывается как «новый экономический переход» – от экономики услуг к «экономике впечатлений» [16], а в отечественных версиях осмысления новой парадигмы – как развитие «экономики символического обмена» [9] или «экономики желаний» [1 с. 115–123].

Наряду с появлением новых экономических теорий совершенствовались и маркетинговые технологии, позволяющие использовать ресурсы культуры для решения более общих социально-экономических задач, далеко не всегда совпадающих с целями и функциями самой культуры.

Важно отметить, что культурный поворот в социально-экономическом развитии современных государств обеспечивался не только субъективным фактором, т. е. наличием запроса, который демонстрирует *Homo consumens*. Стимулом к развитию новой экономической политики во всем мире стали и совершенно объективные причины, на которые указали в своем концептуальном исследовании Д. Б. Пайн и Д. Х. Гилмор [16]. Прежде всего американские аналитики выделили тенденцию к снижению востребованности рабочей силы в сфере услуг, отметив, что данной феномен столь же закономерен, как и случившееся на более ранних этапах социального развития сокращение рабочих мест в сельскохозяйственном, а затем и в промышленном кластерах национальных экономик, чему, в частности, способствовало развитие и внедрение в эти сферы наукоемких технологий.

Поиск дополнительных источников развития рынка стимулировал появление новых, качественно отличающихся экономических предложений. В контексте новых социально-экономических стратегий отдельным экономическим предложением Д. Б. Пайном и Д. Х. Гилмором было объявлено впечатление, которое, по мнению авторов концепции, должно расширить представление бизнеса о собственных возможностях и быть положено в основу инновационных бизнес-стратегий.

Объяснительные модели отечественных аналитиков и экономистов разворачивались в логике, достаточно близкой по смыслу. В частности, Т. В. Абанкина указала на ситуацию перенасыщения потребительских рынков, способных удовлетворить самые различные потребности и желания человека. В условиях перепроизводства товаров и услуг дефицитом,

по мнению российского экономиста, оказывается само желание. Данный тезис, вероятно, можно считать исходным моментом концептуализации «экономики желаний». Согласно новой экономической стратегии желания необходимо стимулировать, создавать возможности и средства для их реализации, а затем конвертировать в эмоцию или впечатление, за которые человек готов платить. Заметим при этом, что готовность оплачивать свои желания (читай – сформировавшиеся под влиянием маркетинговых технологий культурные потребности и интересы) не является адекватным показателем социальной ценности потребляемого культурного продукта или блага.

Поскольку в сфере культуры сконцентрированы ресурсы, в максимальной степени способные удовлетворить запрос человека на впечатления и эмоции, то и наибольшего эффекта реализация стратегии экономики желаний достигает именно в сфере культуры. Базовые принципы экономической теории Т. В. Абанкиной с достаточной степенью определенности представлены автором в форме некоторого набора императивов:

- прежде всего, следует научиться конвертировать культурные ресурсы в товары и услуги, торговать ими «в розницу и по мелочам». Справедливости ради следует отметить, что при этом автор теории делает оговорку о необходимости сохранения целостности культурной системы и воспроизводства ее ресурсов;
- необходимо формировать у людей чувство сопричастности культуре и искусству, а как результат – потребность соучастия в их сохранении и развитии;
- важно следовать принципу «сомаштабности семейному кошельку», чтобы для миллионов людей стало не просто возможным, но доступным и желанным участие в софинансировании объектов культурного наследия и актуального искусства;
- наконец, чрезвычайно важно обеспечить чувство удовлетворения от при-

частности потребителя культуры к процессам ее сохранения и развития [1, с. 115–123].

При наличии видимых различий «экономике впечатлений» и «экономике желаний» объединяют два важных момента. Во-первых, апелляция не к материальным, а к социально-психологическим мотивам и желаниям человека, таким как удовольствие, радость, успешность, имидж, статусность, престижность, социальное признание, творческая самореализация и, как результат, позитивная личностная идентичность. Все эти эмоции человек может легко получить, оплачивая билеты в музеи, на выставки, приобретая сувенирную продукцию, участвуя в фестивалях, конкурсах, благотворительных акциях. Главное – сформировать у потребителя понимание значимости подобных действий и добиться переживания радости сопричастия. Психологическое удовлетворение от переживаний и эмоций подобного рода способно стимулировать человека на щедрое вложение ресурсов – не только финансов, но также личного времени, повышенной социальной активности и т. д.

Иными словами, и экономика впечатлений, и экономика желаний ориентированы не столько на регулирование самого процесса производства и потребления, сколько на достижение определенного эмоционального состояния потребителя, на его переживания, на возможность манипуляции психологическими состояниями человека, на создание таких механизмов продвижения товаров или услуг на рынке, которые способны стимулировать возникновение эмоциональных переживаний в процессе их отбора и приобретения: «Экономика впечатлений использует психологические приемы, благодаря которым потребитель получает впечатления и при покупке, и при использовании определенного товара или услуги» [2, с. 101]. Как отмечают Т. В. Абанкина и ее соавторы в одной из последних работ, «люди не могут жить без эмоций и готовы платить за свои впечатления. Благодаря данной человеческой особенности экономика впечатления расширяет свою популярность. Экономика

впечатлений говорит о сдвиге, который произошел в потребительском поведении нового поколения NEXT» [2, с. 101].

Второе обстоятельство, которое позволяет нам рассматривать обе анализируемые концепции как частные случаи единого экономического тренда, заключается в очевидной переориентации экономических интересов на сферу культуры, которая обладает особыми возможностями для реализации описанных выше потребностей, поскольку, в отличие от реальной экономики, экономика культуры – это, прежде всего, «экономика символов» или, в лексике А. Б. Долгина, экономика «символического обмена» [9].

Культура в условиях креативной экономики

Об успешности развития описанных экономических стратегий в России свидетельствует появление отдельной отрасли с характерным названием: культурные и/или креативные индустрии¹. К сегодняшнему дню тема культурных / креативных индустрий заняла заметное место в социально-экономической повестке России. Культурный сектор экономики рассматривается как важный ресурс, а формирование креативного класса – как приоритетная задача социально-экономического развития страны.

Сторонники данного тренда исходят из того, что критерии эффективности экономики постиндустриального общества невозможно свести к статистическим данным – они определяются посредством довольно сложных системных показателей. Так, в качестве одного из критериев успешности в глобальной конкуренции укрепился индекс инновационных городов (InnovationCities™ Index), с помощью которого рассчитываются потенциальные возможности развития инновационной экономи-

¹ Поскольку дифференциация смыслового пространства данных терминов в современном научном дискурсе не завершена, в данном тексте понятия «культурные индустрии» и «креативные индустрии» будут использоваться если не как смысловые эквиваленты, то как близкие по смыслу.

ки городских агломераций разных государств. Индекс инновационных городов рассчитывается по совокупности трех факторов:

- 1) наличие культурных активов (культурных ресурсов) – уровень развития творческих отраслей, спорта и отдыха; состояние объектов культурного и природного наследия и их доступность для населения;
- 2) уровень развития инфраструктуры города и ее пригодности для развития человеческого капитала;
- 3) степень интеграции города в сетевые рынки и бизнес-коммуникацию, обеспечивающие развитие инноваций.

По этим критериям компанией был проведен мониторинг 500 городов мира, по результатам которого Москва оказалась на 48 месте в рейтинге, продемонстрировав лучший показатель среди российских городов, Санкт-Петербург – на 93 месте. Только эти города вошли в Топ-100 городов, признанных «инновационными хабами» мирового уровня. Еще три российских города – Казань, Екатеринбург и Новороссийск – вошли в данный список, заняв, соответственно, 375-е, 402-е и 416-е места [2, с. 99].

Результаты данного исследования, несмотря на достаточно уверенные позиции нескольких российских городов, дали основание российским аналитикам для вывода о «негативном тренде» развития инновационного потенциала отечественной экономики, в соответствии с которым, как отмечают авторы данного высказывания, «международный имидж России деградирует в сторону имиджа страны «третьего мира», являющейся поставщиком сырья, а не уникальных брендов, знаний и технологий [2, с. 99].

«Исходя из этого, оценка экономического потенциала сферы культуры и досуга России в сравнении с развитыми странами кажется актуальной задачей <...> Вызовы, стоящие перед российской экономикой на современном этапе, обусловлены складывающимися негативными тенденциями оттока высококвалифицированных молодых специалистов

в страны, где имеются возможности приложения труда в сфере творческих индустрий и самореализации» [2, с. 99].

С целью осмысления данных процессов и выработки стратегии инновационного экономического развития России по инициативе Ассоциации стратегических инициатив (АСИ) в России уже три года проводятся масштабные мероприятия, направленные на изучение инновационных социокультурных практик и развитие культурных/творческих индустрий под общим названием Российская креативная неделя (Russian Creativity Week, RCW). В список креативных индустрий к сегодняшнему дню включены: театр и изобразительное искусство, кинематограф, радио, телевидение, музыка, издательское дело, компьютерные игры, новые медиа, архитектура, дизайн, мода и реклама. Цель консолидации усилий в развитии инновационной экономики вполне определенно артикулирована в слогане «Меняем креативный ландшафт России» [18] через стимулирование развития перспективных проектов в выделенных сферах деятельности и поиск решений для их реализации.

Векторы развития креативных индустрий в России на экспертных площадках RCW определяются на основе отчета «Креативная экономика городов», подготовленного Ассоциацией стратегических инициатив. В данном документе зафиксирована доля креативных индустрий в современной экономике ряда городов России. Лидирующие позиции по оценке АСИ занимают Москва (19%), Санкт-Петербург (12,6%), Иваново (12,3%), Тюмень (9,6%). Отмечено, что в целом в 2020 году креативные индустрии обеспечили 4,37% ВВП России (более 4,8 триллиона рублей). Если верить данным отчетов, доля креативных индустрий в названных российских городах вполне соразмерна аналогичным процессам в Великобритании (14%) и Германия (10%).

По мнению генерального директора Ассоциации стратегических инициатив С. Чупшевой, эти результаты позволяют говорить о конкурентоспособности России и значительном потенциале креативных индустрий

как одного из перспективных и стремительно развивающихся направлений российской экономики. Установка на его развитие получила поддержку на государственном уровне. В рамках Российской креативной недели в 2020 году первый заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации Сергей Кириенко обозначил начало нового этапа в развитии творческих индустрий, статус которых больше не сводится к стихийным инициативам отдельных энтузиастов, а квалифицируется как серьезный бизнес, за которым стоят крупные инвестиции и значимая доля валового национального продукта [18].

Таким образом, креативные индустрии официально объявлены важным двигателем экономического прогресса и данный факт, безусловно, внушает надежду на продуктивное использование ресурса культуры в социально-экономическом развитии страны в силу, как минимум, двух причин.

Прежде всего, культура больше не рассматривается как дотационная, убыточная отрасль экономики. Креативная экономика сегодня оказалась в ряду таких же значимых составляющих экономической реальности, как, например, энергетика. Это означает, что конкурентное преимущество в развитии творческих индустрий, а следовательно, и в производстве образов, смыслов, символического капитала и социальных лекал, способно вывести страну в число глобальных лидеров.

Вторым значимым, хотя и достаточно дискуссионным, представляется тезис, сформулированный на площадках Первой российской креативной недели, в соответствии с которым залогом успешного развития креативных индустрий рассматривается «продвижение уникальной идентичности России» [18].

Именно в таком порядке – продвижение идентичности для развития креативных индустрий, а не наоборот.

Этот тезис весьма близок к одному из приведенных выше императивов экономики впечатлений / желаний, предписывающему продажу культурного наследия и актуального искусства оптом и в розницу.

Нужно сказать, что данные тезисы лишь подтверждают и легитимируют процессы, которые уже получили широкое развитие в российских регионах. Их видимым результатом стало активное распространение «территориальных брендов». Понятно, что феномен «брендинга» территорий представляет собой перенос меркетинговых технологий в локальную культурную среду города или региона. Если в маркетинге под «брендом» имеют в виду узнаваемый, идентифицируемый товарный знак, торговую марку, в которых «в свернутом» виде содержится комплекс информации о товаре или услуге, то территориальный бренд несет в себе столь же емкую и легко считываемую информацию о символических ресурсах и образах идентичности той или иной территории: мифология, «гении места», знаковые исторические даты и события, памятники культурного и природного наследия – любые элементы репутации, обладающие ценностным и конвенциональным значением для местного сообщества и идентифицируемые «извне». Территориальный бренд создается или конструируется как ресурс социально-экономического развития региона, который дает возможность извлекать экономические выгоды от его явных, латентных или искусственно сконструированных символических ресурсов.

Узнаваемый бренд способствует привлечению инвестиций и трудовых ресурсов за счет создания яркого имиджа территории, наполнения туристических потоков и развития отрасли гостеприимства. Данные процессы, безусловно, способствуют решению экономических задач и стимулируют инновационное развитие региона. И вместе с тем позволяют создать благоприятную среду для развития человеческого капитала, для консолидации местного сообщества и в конечном итоге способствуют формированию позитивной локальной идентичности. Таким образом, эффективное развитие культурных / творческих индустрий, способствующих созданию символически насыщенного территориального бренда, способно оказывать положительное влияние на изменение как социально-экономического, так и культур-

ного ландшафта городов и регионов России. В качестве примеров успешного опыта часто называют Казань, Ульяновск, Калининград.

Вместе с тем далеко не всегда и совершенно не обязательно этот потенциал экономики впечатлений гарантирует желаемый положительный эффект. В такой же мере коммерческое использование символических ресурсов территориального локуса способно актуализировать негативные образы идентичности и исторические травмы, стимулировать социальные противоречия и протестные настроения внутри местного сообщества. Как правило, отрицательный результат возникает в тех случаях, когда территориальный бренд или его отдельные элементы не совпадают с местными образами идентичности, а коммерческие задачи вступают в противоречие с гуманитарными. В последнее десятилетие подобного рода разочарования фиксировались в Калининграде, Омске, Перми, Ярославле и других российских городах, в целом, активно и плодотворно использующих возможности креативных индустрий.

Анализ подобных кейсов – задача отдельного исследования, но он совершенно необходим, поскольку результаты развития культурных/творческих индустрий с точки зрения их экономического эффекта и приращения ВВП, с одной стороны, и сохранения ценностно-символических доминант местной культуры, с другой стороны, далеко не всегда оказываются равными друг другу.

Заключение

Системные изменения культуры и ее субъекта под влиянием императивов экономики впечатлений и экономики желаний позволяют выделить некоторые риски, которые должны стать предметом повышенного внимания теоретиков и практиков культуры.

Прежде всего невозможно не заметить, что не только в публичном пространстве, но и в научном дискурсе в последние годы наметилась тенденция к «переупаковке» понятия «культура» в термины культурных или креативных индустрий, а результатом этих

процессов с неизбежностью становится подмена или деконструкция глубинных смыслов и базовых функций культуры.

Поскольку в России экономика впечатлений / экономика желаний с ее трендом «индустриализации» культуры носит вторичный, «догоняющий» характер по отношению к западным странам, то и понимание негативных социокультурных издержек данных процессов приходит с опозданием.

На опасность редукции культуры до вещи, товара, объекта купли-продажи, на превращение культуры из сферы моделирования идеальных состояний реальности в развлекательный бизнес впервые обратили внимание М. Хоркхаймер и Т. Адорно, которые в 1947 году и ввели в научный оборот понятие «культуриндустрия» [24], положив начало развитию исследований данного феномена. Признав, по сути, онтологическую несовместимость культуры и индустрии, немецкие философы констатировали утрату культурой под влиянием индустриализации, массовизации и коммерциализации ее традиционных и, казалось бы, неотчуждаемых функций, связанных, прежде всего, с воспроизводством духовности и ценностного фонда народа.

Эта обстоятельство не только не утратило своей актуальности, но представляется особенно значимым на современном этапе историко-культурной динамики, отмеченном растущей степенью эмансипации индивида от корневой культуры и устойчивых ценностных систем (национальной, этнической, конфессиональной). Формирование культурной компетентности и социальной адекватности поколений «цифровых аборигенов» – «игреков», «зетов», «миллениалов», – происходит

в особой культурной ситуации, сущность которой определяет, если и не отказ от достижений «дуалистической революции» [17, с. 636–659], то резкое снижение значимости для человека системы ценностей, основанной на различении сакрального и профанного, сущего и должного, добра и зла. В результате субъект современной культуры, по-прежнему описываемой в терминах постмодернистского релятивизма и деконструкции, бифуркационных расслоений и неустойчивых состояний [14, с. 348–361], нередко становится обладателем столь же неопределенной идентичности «постороннего». То ли не желая, то ли уже не умея по-настоящему укорениться ни в одном из множества социальных и культурных миров, как правило, «свернутых» до технологических возможностей смартфона, он умножает симулякры идентичности или скрывает подлинную идентичность за ситуативными социальными ролями и масками [13, с. 289].

Потребность в идентичности – неотчуждаемая антропологическая потребность, которая не теряет своей актуальности и для человека, научившегося жить в условиях «текущей современности». Культура – пространство смыслов и значений, ценностно-символическая система, обеспечивающая человека образами идентичности. И это, безусловно, побуждает думать не только о том, как использовать ресурсы культуры и «уникальную российскую идентичность» для улучшения инновационного ландшафта российской экономики, но также (и прежде всего) – как не утратить их гуманитарную, а не коммерческую, ценность и вернуть культуре статус надежного идентификационного основания.

Список литературы

1. Абанкина Т. В. Экономика желаний в современной «цивилизации досуга» // Отечественные записки. 2015. № 4 (25). С. 115–123.
2. Абанкина Т. В., Николаенко Е. А., Романова В. В. Экономический потенциал сферы культуры и досуга в России и странах ОЭСР // Журнал НЭА. 2020. № 2 (46). С. 98–117.
3. Антонов Е., Аузан А., Брызгалов В., Вороненко В., Золотов А., Никишина Е., Припузова Н., Трухачев С. Социокультурные факторы инновационной активности населения [исследовательский отчет]. Москва: Институт национальных проектов; Российская венчурная компания, 2019. 124 с.

4. Астафьева О. Н. Принципы инновационной культурной политики – вне «экономического детерминизма» // Культура и экономика: поиск новых моделей взаимодействия: материалы и доклады Научно-методологического семинара (Москва, 18 апреля 2008 года) / отв. ред. Н. В. Левичев, О. Н. Астафьева, Е. В. Никонорова. Москва: Ключ+С., 2007. С. 69–78.
5. Аузан А. А. Культурные коды экономики: Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. Москва: ООО «Издательство АСТ», 2022. 140 с.
6. Аузан А. А., Бахтигараева А. И., Брызгалов В. А., Золотов А. В., Никишина Е. Н., Припузова Н. А., Ставинская А. А. Социокультурные факторы в экономике: пройденные рубежи и актуальная повестка // Вопросы экономики. 2020. № 7. С. 75–91.
7. Галуцкий Г. М. Экономические теории и культура // Вестник Московского государственного института культуры и искусств. 2013. № 1. С. 228–232.
8. Горушкина С. Н. Межбюджетные конструкции // Справочник руководителя учреждения культуры. 2005. № 8. С. 6–15.
9. Долгин А. Б. Экономика символического обмена. Москва: Инфра-М, 2006. 632 с.
10. Егоров Е. В. Экономика общественного сектора. Курс лекций / Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Москва: Экономический факультет, ТЕИС, 1998. 193 с.
11. Культура и экономика: поиск новых моделей взаимодействия: материалы и доклады Научно-методологического семинара (Москва, 18 апреля 2008 года) / отв. ред. Н. В. Левичев, О. Н. Астафьева, Е. В. Никонорова. Москва: Ключ+С, 2007. 192 с.
12. Лукьяненко В. И., Хабаров М. В., Лукьяненко А. В. Homo consumens – Человек потребляющий // Век глобализации. 2009. № 2. С. 149–159.
13. Малыгина И. В. Динамика гуманитарного образования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып.8 (799). С. 286–294.
14. Малыгина И. В. Культурные идентичности в постглобальном мире // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2021. № 13 (855). С. 348–361
15. Малыгина И. В. Региональное измерение российской идентичности: между культурой и экономикой // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 1(42). С. 108–120.
16. Пайн Д.-Б., Гилмор Д.-Х. Экономика впечатлений. Работа – это театр, а каждый бизнес – сцена. Москва: Вильямс, 2005.
17. Пелипенко А. А. Избранные работы по теории культуры. Культура и смысл. Москва: ООО «Издательство «Согласие»; Издательство «Артем», 2014. С. 636–659.
18. Российская креативная неделя (Russian Creativity Week) [Электронный ресурс] URL: <https://creativityweek.ru>
19. Рубинштейн А. Я. Исследование опекаемых благ в сфере культуры: экономическая модель «болезни цен» // Культура и рынок. Общественные блага. Санкт-Петербург: Алетейя, 2015. С. 12–66.
20. Рубинштейн А. Я., Муzychuk В. Ю. Между прошлым и будущим российской культуры // К проекту закона «О культуре в Российской Федерации»: материалы исследований. Москва: Государственный институт искусствознания, 2015. С. 6–29.
21. Сорочкин Б. Ю. Культура, государство, рынок: тест на совместимость / Б. Ю. Сорочкин // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. 2005. № 3. С. 26–37.
22. Сменцарев Г. В. К вопросу о возможности измерения эффективности культуры современной России [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. 2012. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-vozmozhnosti-izmereniya-effektivnosti-kultury-sovremennoy-rossii/viewer>

23. Тросби Д. Экономика и культура. 2-е изд. / Пер. с англ. И. Кушнारेвой. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 256 с.
24. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения: философские фрагменты. Москва, Санкт-Петербург.: Медиум, Ювента, 1997. 312 с.
25. Шишкин, С. В. Экономика и управление в сфере культуры: поиск новых моделей Москва: НИИК, 1992. 187 с.
26. Якобсон Л. И., Рудник Б. Л. Экономические аспекты культурной политики в постсоветской России // Общественные науки и современность. 2015. № 5. С. 35–47.

References

1. Abankina T. V. The Economy of Desire in the Modern “Civilisation of Leisure” // Otechestvennye Zapiski. 2015. № 4 (25). Pp. 115–123. (In Russ.)
2. Abankina T. V., Nikolaenko E. V., Romanova V. V. The Economic Potential of Culture and Leisure in Russia and OECD Countries // NEA Journal. 2020. № 2 (46). Pp. 98–117. (In Russ.)
3. Antonov E., Auzan A., Bryzgalin V., Voronenko V., Zolotov A., Nikishina E., Pripuzova N., Trukhachjov S. Sociocultural factors of innovation activity of the population [research report]. Moscow: Institute of National Projects; Russian Venture Company, 2019. 124 p. (In Russ.)
4. Astafyeva O. N. Principles of innovation cultural policy – beyond the “economic determinism” // Culture and Economy: the search for new models of interaction: materials and reports of scientific-methodological seminar (Moscow, 18 April 2008) / edited by N. V. Leviceva, O. N. Astafyeva, E. V. Nikonorova. Moscow: Kluch+S., 2007. Pp. 69–78. (In Russ.)
5. Auzan A. A. Cultural Codes of the Economy: How Values Affect Competition, Democracy and People’s Welfare. Moscow: ООО “Publishing house AST”, 2022. 140 p. (In Russ.)
6. Auzan A. A., Bakhtigaraeva A. I., Bryzgalin V. A., Zolotov A. V., Nikishina E. N., Pripuzova N. A., Stavinskaya A. A. Sociocultural factors in the economy: past milestones and current agenda. 2020. № 7. Pp. 75–91. (In Russ.)
7. Galutsky G. M. Economic Theories and Culture // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2013. № 1. Pp. 228–232. (In Russ.)
8. Gorushkina S. N. Interbudgetary constructions // Handbook of the head of cultural institution. 2005. № 8. Pp. 6–15. (In Russ.)
9. Dolgin A. B. The Economics of Symbolic Exchange. Moscow: Infra-M, 2006. 632 p. (In Russ.)
10. Egorov E. V. Economics of the public sector. Course of lectures / M. V. Lomonosov Moscow State University. Moscow: Faculty of Economics, TEIS, 1998. 193 p. (In Russ.)
11. Culture and economy: the search for new models of interaction: Materials and reports of scientific-methodological seminar (Moscow, April 18, 2008) / ed. by N. V. Levicev, O. N. Astafyeva, E. V. Nikonorova. Moscow: Kluch+S. 2007. 192 p. (In Russ.)
12. Lukyanenko V. I., Khabarov M. V., Lukyanenko A. V. Homo consumens – Man consuming // Century of Globalisation. 2009. № 2. Pp. 149–159. (In Russ.)
13. Malygina I. V. Dynamics of humanitarian education // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities. 2018. Вып.8 (799). Pp. 286–294. (In Russ.)
14. Malygina I. V. Cultural identities in the post-global world // Bulletin of Moscow State Linguistic University. 2021. № 13 (855). Pp. 348–361 (In Russ.)
15. Malygina I. V. Regional dimension of Russian identity: between culture and economy // Vestnik of Kemerovo State University of Culture and Arts. 2018. № 1(42). Pp. 108–120. (In Russ.)

16. Pine D.-B., Gilmore D.-H. The Economics of Impressions. Work is theatre and every business is a stage. Moscow: Williams, 2005. (In Russ.)
17. Pelipenko A. A. Selected works on the theory of culture. Culture and Meaning. Moscow: ООО Izdatel'stvo "Soglasie"; Izdatel'stvo "Artem", 2014. Pp. 636–659. (In Russ.)
18. Russian Week of Creativity [Electronic resource] URL: <https://creativityweek.ru> (In Russ.)
19. Rubinstein A. Ya. The study of trusted goods in culture: An economic model of the "disease of prices" // Culture and Market. Public goods. SPb.: Aletheia, 2015. Pp. 12–66. (In Russ.)
20. Rubinstein A. Y., Muzychuk V. Yu. et al. Between the Past and the Future of Russian Culture // To the Draft Law "On Culture in the Russian Federation": materials of the study.– Moscow: State Institute of Arts, 2015. Pp.6–29. (In Russ.)
21. Sorochkin B. Y. Culture, state, market: compatibility test // Observatory of culture: journal review. 2005. № 3. С. 26–37.
22. Smentsarev G. V. To the Question on the Possibility of Measuring the Efficiency of Culture of Modern Russia [Electronic resource] // Cultural journal. 2012. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-vozmozhnosti-izmereniya-effektivnosti-kultury-sovremennoy-rossii/viewer> (In Russ.)
23. Throsby D. Economics and Culture. 2nd ed. / Translation from English by I. Kushnareva. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2018. 256 p. (In Russ.)
24. Horkheimer M., Adorno T. Dialectics of the Enlightenment: Philosophical Fragments. M., SPb.: Medium, Juventa, 1997. 312 p. (In Russ.)
25. Shishkin S. V. Economics and Management in Culture: The Search for New Models. 187 p. (In Russ.)
26. Yakobson L. I., Rudnik B. L. Economic Aspects of Cultural Policy in Post-Soviet Russia // Social Sciences and Modernity. 2015. № 5. Pp. 35–47. (In Russ.)

*

Поступила в редакцию 21.07.2022

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЖИЗНЕННОГО МИРА В ПРЕДМЕТНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

УДК 008 : 001.8

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-27-34>

И. Б. Пржиленская

Московский педагогический государственный университет (МПГУ), Москва, Российская Федерация
e-mail: prz-irina@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема концептуализации жизненного мира в предметном пространстве культурологического знания. Исследуются эвристические возможности, онтологические основания и методологические следствия транзита теоретического конструкта «жизненный мир» из трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля, интерпретативной социологии А. Шюца, теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Существенную часть статьи занимает также анализ работ китайского исследователя Х. Ю и его европейских коллег Б. Вальденфельса, П. Брауна, Э. Строкера, Н. Хилти, в которых подробно разбираются трудности, возникающие при использовании понятия жизненного мира в культурологических, социологических и антропологических исследованиях. Итогом анализа становится вывод о несомненном отличии культурологической концептуализации жизненного мира от философской и социологической и обоснование теоретической и эвристической эффективности использования данного понятия в исследованиях культурных явлений и процессов, а также – в междисциплинарных и трансдисциплинарных исследованиях, предметная область которых включает в себя культурные процессы и явления.

Ключевые слова: жизненный мир, культура, методология, феноменология, культурология, рефлексивный модерн, горизонт возможностей, интенциональность, множественность культур, дотеоретическое понятие.

Для цитирования: Пржиленская И. Б. Концептуализация жизненного мира в предметном пространстве культурологического знания // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 4 (108). С. 27-34. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-27-34>

LIFE WORLD AND ITS CONCEPTUALIZATION IN THE SUBJECT SPACE OF CULTURAL KNOWLEDGE

Irina B. Przhilenskaya

Moscow Pedagogical State University (MPGU), Moscow, Russian Federation
e-mail: prz-irina@mail.ru

ПРЖИЛЕНСКАЯ ИРИНА БОРИСОВНА – доктор социологических наук, заведующий кафедрой культурологии, Московский педагогический государственный университет (МПГУ)

PRZHILENSKAYA IRINA BORISOVNA – Doctor of Social Sciences, Head of the Department of Culturology, Moscow Pedagogical State University (MPGU)

© Пржиленская И.Б., 2022

Abstract: The article deals with the problem of conceptualization of the life world in the subject space of cultural knowledge. Heuristic possibilities, ontological foundations and methodological consequences of the transit of the theoretical construct “life world” from E. Husserl’s transcendental phenomenology, A. Schutz’s interpretive sociology, and J. Habermas’s theory of communicative action are studied. An essential part of the article is also occupied by the analysis of the works of the Chinese researcher H. Yu and his European colleagues B. Waldenfels, P. Braun, E. Stroker, N. Hilty, which analyze in detail the difficulties that arise when using the concept of the life world in cultural, sociological and anthropological studies. The result of the analysis is the conclusion about the undoubted difference between the culturological conceptualization of the life world from the philosophical and sociological ones, as well as the undoubted theoretical and heuristic effectiveness of using this concept in studies of cultural phenomena and processes, as well as in interdisciplinary and transdisciplinary studies, the subject area of which includes cultural processes and phenomena.

Keywords: life world, culture, methodology, phenomenology, cultural studies, reflective modernization, horizon of possibilities, intentionality, multiplicity of culture, pre-theoretical concept.

For citation: Przhilenskaya I. B. Life world and its conceptualization in the subject space of cultural knowledge. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 4 (108), pp. 27-34. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-27-34>

«Жизненный мир» (нем. *Lebenswelt*) из простого словосочетания превратился в философское понятие, а затем и в научный термин, имеющий хождение в социологии, культурологии и ряде других социогуманитарных наук благодаря Э. Гуссерлю. В 1936 году вышел в свет его работа «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология», в которой понятие жизненного мира было введено для преодоления трудностей, возникших в теории познания и философии науки в связи с неопределенностью таких понятий, как «реальность», «истина», «обоснованность» и др. Чем сложнее становились схемы соединения теоретических абстракций и экспериментальных измерений в стремительно развивающемся естествознании, тем труднее было разобраться в явных и неявных допущениях, принятых в разное время и по разному поводу теоретиками и экспериментаторами. Попытки выявить и описать эти допущения привели Э. Гуссерля к стремлению реконструировать не только научные, но и донаучные основания науки. *Жизненный мир* мыслится основоположником феноменологии как дотеоретический и донаучный, он состоит из значений и смыслов, которые мы приписываем вещам и событиям. Э. Гуссерль видит в нем забытый смысловой фундамент естествознания, кото-

рый делает возможным фоновое понимание, благодаря которому, в свою очередь, научная объективизация знания становится осмысленной [1, с. 74].

Гуссерль изучал феномены сознания, беря в качестве примера мышление как таковое, при этом вполне в духе немецкой философской традиции различая теоретическое и повседневное. Но когда его мысли заинтересовали социологов, они обратились к понятию повседневности как к подлинному источнику вдохновения. А. Шюц, признавая зависимость собственных идей от феноменологии Э. Гуссерля, создал свое собственное учение о жизненном мире, получившее название феноменологической или интерпретативной социологии. Одни понятия трансцендентальной феноменологии остались «за кадром», другие оказались переосмыслены и переопределены. Среди унаследованных терминов, помимо самого концепта жизненного мира, в социологии А. Шюца важную роль играют понятия повседневности, интенциональности, тематизации, горизонта и др. Но – помимо гуссерлианской феноменологии – здесь чувствуется влияние социологов М. Вебера, Дж. Г. Мида, Т. Парсонса, что делает рассматриваемую концепцию полноценной социологической теорией.

Таким образом, дисциплинарно-теоретическая адаптация философского понятия к предметному пространству социологии прописана и обоснована, хотя для этого пришлось разработать новые методы социологического исследования и фактически инициировать создание *качественной* социологии, обозначив всю предшествующую как *количественную*. Поскольку в культурологии не было своего Шюца, вопрос о том, в какой степени обращаясь к понятию жизненного мира исследователи культуры используют концептуальные наработки гуссерлианской философии, а в какой придерживаются доктринальных основ интерпретативной социологии, остается открытым и обсуждаемым.

Одним из тех, кто обращается к теме эвристических возможностей понятия жизненного мира в культурологии, является китайский исследователь Чун-чи Ю (Chung-chi Yu). Он сопоставляет концепции Э. Гуссерля и А. Шюца на предмет их релевантности культурологической проблематике, а также – их способности объяснять явления культуры и описывать объекты культурной реальности. По мнению Ч. Ю, в концептуальном пространстве культурологического знания понятие жизненного мира присутствует не в гуссерлевской, а в шюцевской редакции.

Исходя из очевидного и неоспоримого факта сосуществования различных культур, он делает вывод о том, что это обстоятельство может быть учтено лишь в рамках подхода А. Шюца, который понимал жизненный мир как область практики с социальными и культурными характеристиками. «В отличие от Гуссерля, – отмечает Ч. Ю, – Шюц интегрирует культурные различия в свою теорию жизненного мира... Основываясь на своем стремлении заложить основы социальных наук, Шюц сначала представляет жизненный мир как мир практики и социальности, а затем в своих более поздних работах, осознавая важность культуры, он переформулирует жизненный мир как мир практики в социокультурный мир. Поскольку каждый жизненный мир имеет свою особую культуру, отсюда сле-

дует, что жизненные миры отличаются друг от друга» [7, с. 181].

Ч. Ю рассматривает обе концепции жизненного мира – гуссерлевскую и шюцевскую – как европоцентричные. Более того, он ссылается на Б. Вальденфельса, в работах которого аргументируется тезис о связи европоцентризма со специфически феноменологической тематизацией проблемы оснований, которая в большей степени проявляется в концептуализации жизненного мира Э. Гуссерлем, нежели А. Шюцем [6]. Ч. Ю задается вопросом о том, как могла бы выглядеть новая концепция относительно взаимосвязи между жизненным миром и культурными различиями без идеи обоснования. Из двух возможных ответов, один из которых сводится к тезису о множественности жизненных миров, а второй утверждает универсальность одного единственного жизненного мира, китайский исследователь, несмотря на различия между культурами, выбирает первый. При этом он обосновывает свой выбор ссылкой на другую работу Б. Вальденфельса, где последний доказывает, что идея универсальности вовсе не является нежелательной, если мы можем допустить парадокс «универсализации во множественном числе» (Universalisierung im Plural) [6]. Нельзя, по мнению Б. Вальденфельса, утверждать, что культура создает порядок. Напротив, именно культура порождает стремление к универсализации своих оснований, которые вовсе не универсальны. «Универсальность, – пишет Ч. Ю, – является результатом универсализации и без исключения порождена определенной культурой, она не может не оставаться контекстной. Если мы увидим, что каждая культура имеет свой способ универсализации и свою идею универсальности, нет причин, по которым этот способ универсализации следует отвергать и не признавать ее идею универсальности» [7, с. 186].

Ч. Ю убежден, что понятие жизненного мира применимо в исследованиях культуры только в контексте преодоления дихотомии «уникальное – универсальное». Множественность культур в обязательном порядке порождает и множественность жизненных миров,

хотя в эпоху глобализации культуры активно взаимодействуют и взаимно обогащают друг друга. Результатом взаимодействия, по мнению Ч. Ю, неизбежно станет общий для всех людей культурный мир с общепринятыми нормами и ценностями. Но при этом важно, подчеркивает китайский исследователь, чтобы формирование единого культурного пространства осуществлялось не за счет экспансии более развитых обществ, стремящихся навязать свою культуру всем остальным, а лишь посредством взаимного признания и понимания.

В более поздних своих работах Ч. Ю переходит к анализу специфики культурных объектов с точки зрения концептуализации жизненного мира. Э. Гуссерль полагал, что в основе единого и универсального жизненного мира человека лежат не менее универсальные структуры сознания и основанные на этом структуры повседневного опыта. «Даже если мы согласны с тем, что встреча с культурными объектами – знакомыми или незнакомыми – обозначает встречу с интенциональной структурой, это не означает, что каждый раз, когда мы сталкиваемся с культурными объектами, мы становимся свидетелями общности всех культурных объектов только из-за лежащей за ними универсальной структуры. Разнообразие культурных объектов делает так, что, в частности, встречаясь с незнакомыми, мы становимся свидетелями непонятных свойств в них. По мере того, как мы знакомимся с ними лучше, узнаем об их значении, мы расширяем свой кругозор познания» [8, с. 539]. Таким образом, говоря об универсалиях культуры, мы не отрицаем многообразия культур, но лишь признаем факт того, что все культуры имеют схожие признаки и даже схожую структуру. Но при этом мы понимаем, что содержание жизненного мира определяется содержанием значений и смыслов, составляющих специфику культур, и у каждой такой культуры набор значений и смыслов будет различным.

Дальнейшее прояснение эвристических возможностей понятия жизненного мира в исследованиях культуры целесообразно направить на анализ примеров его рассмотре-

ния в современной научной литературе в связи с понятием культуры. Результатом данного анализа становятся примеры соотнесения данного термина с понятиями научности, рациональности, неопределенности, риска и даже безопасности. П. Браун, исследующий понятие риска в сфере заботы о здоровье человека и анализирующий в этой связи прогностические возможности современных теорий действия, предложил использовать концепт жизненного мира как действенную альтернативу понятию рациональности [3]. Преимуществом данного концепта является, по его мнению, возможность многофакторного анализа, в котором тремя равноправными факторами выступают культура, общество и идентичность, в то время как классические концептуальные конструкции, основанные на тематизации рациональности, основывались лишь на учете одного из них, главным образом, социального.

П. Браун обращает внимание на значение культурных процессов, результатом которых становится формирование социальных фреймов и легитимации. Концепция жизненного мира как символического универсума, обусловленного культурой, позволяет лучше понять социальные и психологические механизмы осознания индивидами своих возможностей заботы о собственном здоровье, внутреннем равновесии и благополучии, в то время как обсуждение этих проблем в контексте теории рационального действия представляется ему малопродуктивным.

В концепции П. Брауна важные функции выполняет феноменологическое по своей сути понятие горизонта будущих возможностей. Само понятие горизонта будущих возможностей П. Браун заимствует у Ю. Хабермаса, чью интерпретацию понятия жизненного мира также можно считать и социально-философской, и социологической, и культурологической. Более того, концепция Ю. Хабермаса дает интересный вариант теоретического осмысления и практической операционализации отношений общества и культуры: немецкий исследователь соотносит общество, культуру и идентичность с тремя измерениями жизненного мира.

Предложенная автором теории коммуникативного действия формула общества «система + жизненный мир», обычно трактуемая самим автором и его последователем как соединение двух социально-теоретических понятий, вполне может быть истолкована в духе междисциплинарности или даже трансдисциплинарности. Во многом это соответствует духу теоретизирования Ю. Хабермаса, не признающего различия между философией и социологией и описывающего жизненный мир в контексте социальной динамики и понятия горизонта будущих возможностей. «Такая динамика, – писал Ю. Хабермас, – изменяет горизонты жизненного мира, звенья социальной интеграции, свободные пространства для разнообразных жизненных миров и индивидуальных жизненных проектов. Укрепление или ослабление границ еще ничего не говорит об открытости или закрытости сообщества. В этом отношении интересна не столько непрерывность границ, сколько интерференция двух форм координации социального действия – “сетей” и “жизненных миров”» [2, с.127].

П. Браун критически оценивает теорию концептуализации жизненного мира Ю. Хабермаса, хотя и признает ее влияние на свои построения. Преодолеть избыточный социологизм теории социального действия ему помогают работы таких авторов, как Г. Меллеринг (2001), Т. Хорлик-Джонса и Зинн (2008), что позволяет углубить психологическое и экзистенциально-личностное измерения понятий горизонта будущих возможностей и самого жизненного мира. Эта инициатива продиктована спецификой предмета исследования – связи здоровья человека и его внутреннего мира, где эмоциональное встречается с рациональным, а социальное с экзистенциальным и психологическим. Именно так понятия горизонта будущих возможностей и жизненного мира оказываются связаны с понятиями неопределенности, уязвимости, риска и надежды.

Следуя феноменологической традиции, П. Браун выносит за скобки понятие неопределенности. Ему это удастся при помощи обращения к таким формам внутреннего опы-

та, как доверие и надежда, хотя он и осознает ограничения, налагаемые более широкими культурными нарративами и социальными обязательствами. В качестве примера здесь берется надежда на неопределенное будущее, испытываемая индивидами в контексте призрака ракового заболевания; анализ этой надежды как раз и расщепляется по трем линиям жизненного мира: общества, культуры и идентичности. «Словарь надежды, – пишет П. Браун, – стал возможным благодаря более широкому культурному дискурсу, посредством которого рассматриваются понятия истины и на которых основывается категоризация; где надежды также могут быть оправданы, востребованы или подорваны в результате взаимодействия и более широкого социального опыта (общество Хабермаса); и где надежда в определенных условиях кажется (не) подлинной в свете социализированной идентичности человека, укорененной в его социобиографии» [3, с. 342]. П. Браун убежден в неэффективности любых концептуализаций «индивидуальной» рациональности: невозможно понять и объяснить причины возникновения и исчезновения доверия как на индивидуальном, так и на коллективном уровне, если не проследить их культурные корни и культурные смыслы, позволяющие оценить значение этих феноменов. Хороший пример, подтверждающий рассуждения П. Брауна, дают материалы исследований коллективного недоверия к вакцинации от вируса SARS COVID 19 и значения культурных особенностей этого процесса в разных странах мира. Таким образом, П. Браун фиксирует посредством понятия жизненного мира его интерсубъективность с ссылкой к культуре, а не к обществу. Понимание другого не в описании им действительности или в объяснении им отдельных наблюдаемых явлений, а в стремлении этого другого совладать с неопределенностью через надежду, доверие и другие подобные средства – вот какова, по мнению П. Брауна, отличительная особенность концептуализации жизненного мира в предметном пространстве культуры.

Анализируя возможности рассмотрения жизненного мира как культурного феномена, немецкий исследователь Э. Строкер [5] развивает миф о естественнонаучном происхождении этого понятия. В трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля жизненный мир определялся как нечто естественное, но не в смысле отнесения его к ведомству естествознания, а в связи с понятием естественной установки, которая связана в единой теоретической конструкции с понятиями сознания и феноменологической редукции. Между тем само обращение к понятию жизненного мира даже у основоположника феноменологии давало основание видеть связь сознания с культурой. «Жизненный мир, – отмечает Э. Строкер, – на первый взгляд воспринимаемый как мир, в котором мы живем, как мир, постоянно присутствующий в нашей жизни, данный нам не рефлексивно, но, несмотря на свою данность, он является не просто естественным, а культурным миром, поскольку мы погружены в него вместе со всей нашей деятельностью, направленной на реализацию целей в соответствии с ценностями и нормами, присущими любой из сфер практической жизни» [5, с.303–304].

Э. Гуссерль придавал значение тому, что жизненный мир является донаучным – иначе его нельзя было бы использовать при решении проблемы оснований. Как утверждает Э. Строкер, предикат «донаучный» может функционировать здесь только как квалификатор, потому что в феноменологической теории он не становится научным даже после возникновения и успешного развития науки. По ее мнению, даже архаичные культуры и порождаемый ими жизненный мир нельзя квалифицировать как донаучный, потому что развитие этих культур не предполагает неизбежного возникновения науки. Как известно, лишь в рамках одной культуры – европейской – итогом стала современная наука, а тезис о едином столбовом пути цивилизации пока не признан фактом. Поэтому жизненный мир архаичной культуры не является ни научным, ни донаучным. И лишь реконструкция истоков геометрии или предьстории галилеевской механики могут позволить рассуждать

о донаучном жизненном мире. Но этот взгляд, утверждает Э. Строкер, изначально является ретроспективным: приоритет жизненного мира в качестве донаучного может быть представлен либо как временной и исторический приоритет, либо как систематический.

Актуализация понятия жизненного мира как собственно-культурологического возрастает в исследованиях социальных и культурных эффектов современности. Жизнь современного человека – это, как правило, жизнь в быстро меняющемся мире. Специфику внутреннего восприятия этого образа жизни можно осмыслить при помощи понятий психологии, обращаясь к понятиям ментальности, личности, самосознания. Социологи в этом случае чаще всего говорят о внутренней мобильности и прекарности. Несмотря на наличие нескольких альтернатив следует признать, что в культурологии понятие жизненного мира вполне подходит для описания того динамичного состояния, в котором, как правило, помимо собственной воли пребывает современный человек. Удачный пример такого использования интересующего нас концепта дает швейцарский исследователь Н. Хилти, который вводит понятия мульти-локальности применительно к жизни и, как следствие, мульти-локального жизненного мира (multi-local lifeworlds) [4].

Явление жизни в разных местах, характерное, прежде всего, для современного Евросоюза, стало возможно благодаря развитию возможностей современного транспорта и постиндустриальной экономики. Как и все остальные явления человеческой жизни, оно имеет – помимо антропологического, психологического, социального и экономического – также культурное содержание. Более того, как показало исследование Н. Хилти, будучи вызвано экономической необходимостью и доставляя ведущим такой образ жизни индивидуальные страдания, это явление признается культурно-продуктивным, хотя, доведенное до крайней формы, становится антропологически разрушительным.

Н. Хилти с самого начала своего (в общем-то, социолого-культурологического)

исследования декларирует приверженность теории жизненного мира А. Шюца и качественных методов, в частности, полуструктурированных интервью. При этом используются идеи Б. Латтура и У. Бека, согласно которым социальные явления (позднего модерна) не могут быть объяснены и поняты с помощью дихотомического мировоззрения. Можно даже рассматривать мульти-локальный жизненный мир в терминах теории рефлексивного модерна У. Бека, предлагавшего для описания культуры этой стадии модерна понятие «меланжевый феномен». Как к ткани типа меланж относят материалы, при изготовлении которых используют пряжу разного цвета, толщины и фактуры, так и социокультурные эффекты рефлексивного модерна прочитываются через знаки и символы, не образующие единства.

Взаимосвязь жизненных ситуаций и соответствующих культурных контекстов оказывается актуальной для каждого индивида, поскольку культурный рисунок его жизненного мира фрагментарен, он составлен фрагментами, каждый из которых отсылает к одному из мест и имеет смысл только для этого отдельного человека. Окружающие разделяют с ним лишь один фрагмент его жизненного мира, что делает интерсубъективность также фрагментарной и непоследовательной. «Эмпирический взгляд на масштабы проявлений мульти-локальной жизни показывает удивительную сложность, амбивалентность и динамику этого явления. Прежде всего, именно серые зоны являются ключом к практике мульти-локального, которым уделяется особое внимание в исследовании. Это явление сопротивляется упрощению оценок с использованием противоположных терминов, таких как работа по сравнению с отдыхом, сила по сравнению с добровольностью или мобильность по сравнению с работой» [4, с.12]. Невозможно, по мнению автора, ни объяснить, ни описать сложность и причудливость внутренней жизни человека, проживающего в нескольких разных местах, не обращаясь к понятию жизненного мира, причем ставя его в контекст культуры, а не общества. Лишь множественность культур

может объяснить множественность жизненных миров, совмещающихся в сознании одного и того же человека.

Следует отметить, что в работе показаны примеры анализа применения понятия жизненного мира в культурологических исследованиях, а также в исследованиях культурных процессов и явлений в смежных областях – социологии культуры, социологии коммуникаций, этносоциологии. Как было отмечено выше, значение и смысл жизненного мира первоначально были концептуализированы в философской системе Э. Гуссерля и в феноменологической социологии А. Шюца, но их использование для описания культурной жизни имеет существенные отличия, что и стало предметом рассмотрения в настоящем исследовании. Разделяя известный тезис о том, что значение термина – это его употребление, автор приводит примеры, в которых данный термин используется в предметном пространстве культурологического знания.

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что понятие жизненного мира не только возможно, но и необходимо использовать в исследованиях культурных процессов и явлений, а также культуры в целом. Что касается проблемы культурологической концептуализации жизненного мира, то здесь, несомненно, приоритетным выступает опыт феноменологической социологии, хотя и в трансцендентальной феноменологии есть еще немало теоретически и методологически ценного, что и показали сравнения жизненного мира с наукой, теорией и социальными системами. Обращение к культурным практикам, таким как оценка риска и принятие управленческого решения, а также сосуществование различных жизненных миров в сознании человека, периодически живущего в нескольких местах, подтверждают гипотезу о частичном совмещении методов культурологии и социологии. Таким образом, не только в изучении культуры методами культурологии, но и в междисциплинарных и трансдисциплинарных исследованиях обращение к понятию жизненного мира оправдано и даже необходимо.

Список литературы

1. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2004. 400 с.
2. Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии // Логос. № 4–5(39). 2003. С. 105–152.
3. Brown, Patrick. From rationalities to lifeworlds: analysing the everyday handling of uncertainty and risk in terms of culture, society and identity, *Health, Risk & Society*, Vol. 18, Nos. 7–8. 2016. Pp. 335–347.
4. Hilti, Nicola. Multi-local lifeworlds: between movement and mooring. // *Cultural Studies* 30(3). February, 2016. Pp.1–16
5. Ströker, Elisabeth. Science and Lifeworld: A Problem of Cultural Change *Human Studies*. Vol. 20, No. 3 (Jul., 1997), Pp. 303–314.
6. Yu, Chung-Chi. Life-World and Cultural Difference: Husserl, Schutz, and Waldenfels (*Orbis Phaenomenologicus Studien*) Paperback – 1, Oct., 2019. Band 47.
7. Yu, Chung-Chi. Lifeworld, Cultural Difference and the Idea of Grounding. In: Carr D., Chan-Fai C. (eds) *Space, Time, and Culture. Contributions to Phenomenology (In Cooperation with the Center for Advanced Research in Phenomenology)*, vol 51. Springer, Dordrecht. 2004.
8. Yu, Chung-Chi. Husserl and Schutz on Cultural Objects // *Investigaciones Fenomenológicas*, vol. Monográfico 7, 2018. Pp. 523–540.

References

1. Husserl E. Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2004. 400 p. (In Russ.)
2. Habermas Yu. Postnational constellation and the future of democracy // *Logos*. No. 4–5(39). 2003. Pp. 105–152. (In Russ.)
3. Brown, Patrick. From rationalities to lifeworlds: analysing the everyday handling of uncertainty and risk in terms of culture, society and identity, *Health, Risk & Society*, Vol. 18, Nos. 7–8. 2016. Pp. 335–347.
4. Hilti, Nicola. Multi-local lifeworlds: between movement and mooring. // *Cultural Studies* 30(3). February, 2016. Pp. 1–16
5. Ströker, Elisabeth. Science and Lifeworld: A Problem of Cultural Change *Human Studies*. Vol. 20, No. 3 (Jul., 1997), Pp. 303–314.
6. Yu, Chung-Chi. Life-World and Cultural Difference: Husserl, Schutz, and Waldenfels (*Orbis Phaenomenologicus Studien*) Paperback – 1, Oct., 2019. Band 47.
7. Yu, Chung-Chi. Lifeworld, Cultural Difference and the Idea of Grounding. In: Carr D., Chan-Fai C. (eds) *Space, Time, and Culture. Contributions to Phenomenology (In Cooperation with the Center for Advanced Research in Phenomenology)*, vol 51. Springer, Dordrecht. 2004.
8. Yu, Chung-Chi. Husserl and Schutz on Cultural Objects // *Investigaciones Fenomenológicas*, vol. Monográfico 7. 2018. Pp.523-540.

*

Поступила в редакцию 16.08.2022

КИБЕРКОММУНИКАЦИЯ В ОБРАЗОВАНИИ: «БЕСТЕЛЕСНАЯ» ЛИЧНОСТЬ И «ОБЕЗЛИЧЕННОЕ» МЫШЛЕНИЕ

УДК 37.01 : 378 : 316.772

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-35-41>

Л. Г. Пугачева

Московский государственный институт культуры, Химки, Московская область, Российская Федерация

e-mail: lgpugacheva@yandex.ru

Аннотация: Работа посвящена проблеме формализации и алгоритмизации образовательного процесса в современном мире, что связано с взрывным развитием киберкоммуникационного пространства в постиндустриальном информационно-сетевом обществе XXI века. Очевидные преимущества онлайн-образования многократно описаны и подтверждены научными исследованиями. Однако у этого процесса есть и обратная сторона, приводящая к развитию «обезличенного» мышления, а также к потере индивидуального личностного подхода к каждому участнику образовательного процесса. И преподаватель, и студент зачастую перестают быть полноправными личностями, вовлеченными в исследовательскую познавательную деятельность, становясь участниками обезличенного и «бестелесного» обмена функциями в некоем «образовательном супермаркете». К. Яспер почти сто лет назад описывал подобную ситуацию в известной работе «Духовная ситуация времени». И, вероятно, именно сегодня, с все большим внедрением в социальную жизнь нейросетей и искусственного интеллекта в целом, настал момент сделать образование той областью, той светлой сферой рефлексии, где личности студента и преподавателя встречаются в целостной живой коммуникации, переставая быть только средствами, но – через осознание – становясь безусловными целями друг для друга. Эти кантианские в своей основе мотивы могут помочь современному миру сохранить человека как безусловную ценность и свободно, самостоятельно мыслящее существо.

Ключевые слова: образовательный процесс, формализация, алгоритмизация, киберкоммуникация, «бестелесная» личность, «обезличенное» мышление, свободное мышление, воспитание, преподаватель, студент.

Для цитирования: Пугачева Л.Г. Киберкоммуникация в образовании: «бестелесная» личность и «обезличенное» мышление // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №4 (108). С. 35-41. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-35-41>

CYBERCOMMUNICATION IN EDUCATION: «DISEMBODIED» PERSONALITY AND «IMPERSONAL» THINKING

ПУГАЧЕВА ЛЮДМИЛА ГЕННАДИЕВНА – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Московского государственного института культуры

PUGACHEVA LUDMILA GENNADIEVNA – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Moscow State Institute of Culture

© Пугачева Л.Г., 2022

Ludmila G. Pugacheva

Moscow State Institute of Culture, Khimki, Moscow region, Russian Federation

e-mail: lgpugacheva@yandex.ru

Abstract: The work is devoted to the problem of formalization and algorithmization of the educational process in the modern world, which is associated with the explosive development of cyber-communication space in the post-industrial information and network society of the XXI century. The obvious advantages of online education have been repeatedly described and confirmed by scientific research. However, there is a downside to this process, which leads to the development of «impersonal» thinking, as well as to the loss of an individual personal approach to each participant in the educational process. Both the teacher and the student often cease to be full-fledged personalities involved in research cognitive activity, becoming participants in an impersonal and «disembodied» exchange of functions in a kind of «educational supermarket». K.Jaspers almost a hundred years ago described a similar situation in the famous work «The Spiritual Situation of Time». And, probably, it is today, with the increasing introduction of neural networks and artificial intelligence into social life in general, that the moment has come to make education that area, that clear sphere of reflection, where the personalities of the student and the teacher meet in a holistic living communication, ceasing to be only means, but through awareness becoming unconditional goals for each other. These Kantian-based motives can help the modern world preserve man as an unconditional value and a free-thinking being.

Keywords: educational process, formalization, algorithmization, cyber-communication, «disembodied» personality, «impersonal» thinking, free thinking, education, teacher, student.

For citation: Pugacheva L. G. Cybercommunication in education: «disembodied» personality and «impersonal» thinking. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 4 (108), pp. 35-41. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-35-41>

Преимущества образовательных онлайн-платформ, которые активно развивают практически все популярные высшие учебные заведения мира, не требуют доказательств, они очевидны в современном обществе. Образование стало – как никогда прежде в истории человечества – массово доступным: учиться можно из любой точки мира; время суток, возраст, пол, состояние здоровья, политические и религиозные взгляды, культурно-историческая среда, социальные практики повседневности и много другое перестает иметь значение. Широкие возможности онлайн-образования обеспечивают небывалое ускорение социальных лифтов и вход в любые, соответствующие образовательному профилю, сообщества – без жесткой необходимости «телесного» переезда в другую страну или даже на другой континент. Отдельная личность получает возможность покорить практически любую социальную и научную вершину,

войти в любую систему знания и приобрести любую профессию, по сути – получает мощнейшие инструменты для выбора жизненного пути и изменения судьбы. Мир культуры, мир науки, область смыслов, накопленная человечеством за тысячелетия своего развития, оказываются на расстоянии руки, лежащей на клавиатуре. И это не может не вдохновлять.

Но взрывная парадигмальная трансформация образовательных технологий, происходящая в основном в области формы, порождает стандартизированное когнитивное цифровое пространство, а с ним и соответствующие проблемы. Именно их осмыслению (в первую очередь, в области преподавания гуманитарных наук, таких, как философия, социология, политология, религиоведение, культурология, литература, история) посвящена данная работа.

Первая очевидная проблема: в цифровом стандартизированном когнитивном про-

странстве отдельные уникальные личности практически не проявлены. И это касается и студентов, и преподавателей. Онлайн-лекции, онлайн-семинары и конференции, экзамены в форме онлайн-тестирования представляют собой жесткий по таймингу и ограниченный по каналам коммуникации (видео + звук) формат, который максимально нивелирует личностные особенности участников. Однако образовательные процессы идут, учебная информация распространяется, знания воспроизводятся и проверяются. Но при этом в киберпространстве действует уже не личность с ее уникальными и неповторимыми поведенческими и мыслительными «неправильностями» и «сложностями», а совсем иное – бодрый усредненный замещающий знак, символ: «профиль пользователя», некая укороченная благополучная «презентация» в сети – упрощенный вариант живого телесного человека¹. И собрание таких облегченных «профилей» и «презентаций», ведомое предельно алгоритмизированным учебным процессом, работает в большой степени не на открытие нового и уникального, а на воспроизведение уже известного. В этой ситуации студенческие индивидуальности волей-неволей, в силу особенностей электронной формы обучения, превращаются в одинаковые клеточки некоего коллективного гипермозга, ориентированного в основном не на процесс, а на результат – формальное присутствие на онлайн-мероприятии, положительную оценку на зачете и экзамене.

Параметры этого явления массовой формализации отношения к обучению пока еще практически не изучены и ждут своего исследователя. Но уже сегодня необходимо выделить тенденцию, которую можно на-

звать «ритуализацией» образовательной деятельности. Во-первых, участники процесса выступают не как целостные мыслящие индивидуальности, а как упрощенные образы на экране – «маски», для которых присутствие в онлайн-процессе ограничивается подключением к конференции. Часто, присоединившись к онлайн-лекции без видео и звука, студент продолжает заниматься посторонними делами, при этом у него формируется ложное чувство удовлетворения, так как формально к нему не может быть претензий со стороны учебного заведения. Тем самым искажается сама суть учебного процесса, и у молодых людей закладывается бессознательная убежденность в могуществе и преобладании формальных принципов над реальными действиями во «взрослом» мире социальной коммуникации: имитация, симулякр образовательного процесса вытесняет реальное обучение, превращает его в «ритуал». У этого явления могут быть далеко идущие и совсем не невинные морально-этические и общесоциальные последствия. Нетрудно представить, что будет, если вместо реального вклада многие или все члены сообщества начнут имитировать свою рабочую деятельность, а возможно, и отношения друг с другом.

Второй важный момент. Электронная форма склоняет учебный процесс к формализации познания на уровне индивида. И мы получаем механическое «воспроизведение» вместо осмысленного понимания. Первое и, возможно, основное: форма контроля знания перестает быть личной и индивидуальной – в силу массового характера онлайн-обучения, отсутствия привязки ко времени и месту экзамена, а зачастую, и ко времени и месту лекции, существующей в записи. В любое время суток программа откроет вам доступ к лекции, на которой студенты не смогут задать вопросы лектору, а потом и к экзамену, имеющему, быть может, сложную и изощренную, но все-таки в смысловом плане ограниченную стандартную форму. Студент, готовящийся к такому онлайн-тестированию, напоминает олимпийского спортсмена, ко-

¹ Интересный подход к киберкоммуникации развивает в своих исследованиях к. ф. н. Е. В. Багаева. Например, см: Багаева Е. В. Социальная феноменология киберкоммуникации // Социология: теория, методы, маркетинг. 2011. N1, а также другие работы автора. В частности, ею исследуется коммуникация «усеченных» личностей, прячущихся под «никнеймами» и не выходящими к «живой» коммуникации в реальном мире.

торый тренируется с целью достигнуть уже на старте хорошо известной цели и который ни в коем случае не должен сбиться с проторенного кем-то до него пути в поисках неведомых сокровищ знания или гениальных озарений.

Но наращивание информационной алгоритмизированной «мускулатуры» – это совсем не то, что отличает человека от искусственного интеллекта. Более того, что касается стандартизированных «знаний», человеческий интеллект уже давно отстал от искусственного. Это не значит, что школьники не должны учить таблицу умножения, а историки – даты великих событий. Основная ценность человеческого мышления – то есть, мышления в собственном смысле слова – как раз в новизне и непредсказуемости, то есть в том, чего компьютерная программа оценить не может, в отличие от живого лектора и экзаменатора – со всеми его личностными проблемами и несовершенствами субъективного взгляда на обучающий процесс.

В этом смысле хочется напомнить хорошо известную древнюю мысль об «отсутствии королевской дороги к познанию» вообще и в науке – в целом. Ее приписывают Евклиду, так ответившему основателю царственной династии Птолемеев на просьбу о более легком изучении математики. Подобным образом считали и Чарльз Пирс, один из основоположников прагматизма, и Карл Маркс, который в предисловии к *Капиталу* писал: «В науке нет широкой столбовой дороги, и только тот может достигнуть ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам». [3, С. 25]

Однако электронная (заранее записанная, готовая) форма трансляции и, особенно, проверки знания (тестирование) максимально нацелены на исключение подлинного мышления – с его свежестью, новизной идей, непредсказуемостью поворотов смысла и спонтанной радостью, которую прекрасно описывал М. К. Мамардашвили: «Что это за состояние радости, которое к тому же еще может быть и критерием истины? Можно

сказать, что у мышления есть своя эстетика, что мысль безусловно связана с радостью, иногда с единственной радостью человека. Эта радость относится и к мысли, о которой я хочу беседовать с вами, и к мысли, в связи с которой вообще возникает вопрос: «что это значит?», «что это за состояние у человека и зачем оно вообще?». Иногда или чаще всего нам ничего не остается, кроме того, чтобы получить светлую радость мысли. ... Есть одна какая-то точка, в которой мы, вопреки всем силам природы или общества, можем хотя бы думать честно. И я уверен, что каждый из вас, независимо от того, удавалось ли вам быть не просто в состоянии честности, а в состоянии честной мысли, знает особую какую-то вещь, которую человек испытывает, когда загорается неизвестно откуда пришедшая искра, которую можно назвать Божьей искрой» [2].

На «живой» лекции, семинаре, экзамене преподаватель и студент вовлечены в реальный коммуникативный процесс с непредсказуемыми вопросами и ответами. Реальная коммуникация – это всегда творческий акт, поскольку личностные особенности студента подталкивают преподавателя к формулированию вопросов, которые позволяют раскрыть новые смыслы, породить неожиданные повороты темы, выйти к чему-то непредсказуемому для обоих участников процесса. Потому что настоящее мышление не знает иерархических границ (профессор/студент), и в живом обсуждении раскрывается, говоря языком К. Яспера, подлинная экзистенция.

Интересно, что уже почти сто лет назад, в 1931 году, К. Ясперс в своей знаменитой работе «Духовная ситуация времени», предупреждал об опасности преобладания «формы» над «содержанием» в человеческих отношениях – в труде, образовании и социальной жизни в целом: «Все существующее направлено в сторону управляемости и правильного устройства. Безотказность техники создает ловкость в обращении со всеми вещами; легкость сообщения нормализует знание, гигиену и комфорт, схематизирует то, что связано в существовании с уходом за те-

лом и с эротикой. В повседневном поведении на первый план выступает соответствие правилам. Желание поступать как все, не выделяться создает поглощающую все типизацию, напоминающую на другом уровне типизацию самых примитивных времен. *Индивид распадается на функции. Быть означает быть в деле; там, где ощущалась бы личность, деловитость была бы нарушена* [4]. (Выделено мною. – Л. Г. Пугачева).

Говоря современным языком применительно к существующему ныне образовательному процессу, власть над конкретными личностями, живущими в историческом измерении своего времени и культуры, захватила система организации учебного процесса – электронная система расписания, электронной отчетности и учета человеко-часов, отведенных чисто формально на изучение конкретных учебных дисциплин. Учебный процесс получает социально санкционированное «бытие» (конкретные преподаватели – заработную плату, а студенты – оценки и дипломы) только в том случае, если вся бумажная и теперь, в XXI веке, электронная система контроля находится «в порядке». В некотором смысле, не она работает на человека, а человек работает на нее. Слова К. Ясперса как никогда обретают актуальность именно сегодня: *«Господство аппарата. Превращая отдельных людей в функции, огромный аппарат обеспечения существования изымает их из субстанциального содержания жизни, которое прежде в качестве традиции влияло на людей. Часто говорили: людей пересыпают, как песок. Систему образует аппарат, в котором людей переставляют по своему желанию с одного места на другое, а не историческая субстанция, которую они заполняют своим индивидуальным бытием. Все большее число людей ведет это оторванное от целого существование. ... Глубокая, существовавшая раньше истина – каждый да выполняет свою задачу на своем месте в сотворенном мире – становится обманчивым оборотом речи, цель которого успокоить человека, ощущающего леденящий ужас покинутости. Все, что че-*

ловек способен сделать, делается быстро. Ему дают задачи, но он лишен последовательности в своем существовании. Работа выполняется целесообразно, и с этим покончено» [4]. (Выделено мною. – Л. Г. Пугачева).

Старая система организации учебного процесса еще восьмидесятых – девяностых годов XX века ушла в прошлое. Такое обычное явление того времени, как спецсеминары на дому у профессора, теперь невозможно. Они проходили, как правило, с небольшим количеством профессионализирующихся студентов, могли длиться часами, поскольку были интересны и полезны обеим сторонам: поднимались живые научные вопросы, случались незабываемые дискуссии, и именно так закладывались фундаментальные знания. Это было реальное личностное общение – с чаем, печеньем, жизненными ситуациями, которые обязательно принимались во внимание. Это не был обмен функциями образовательного супермаркета «студент/преподаватель», а обучение в живом контакте личностей, открывающимися друг другу на уровне подлинной экзистенции, если использовать терминологию К. Ясперса. Казалось бы, какое отношение форма общения преподавателя и студента имеет к такой, достаточно сухой, дисциплине как «общее языкознание» или «латинский язык»? Однако, помимо содержания, студенты имели возможность перенять отношение, ощутить духовную значимость научных знаний и личную ответственность преподавателя за них, каждого, кто сделал этот образовательный выбор. Преподаватели учили предмету и общей ценностной установке, ответственности, долгу саморазвития, чувству научного товарищества и познавательного интереса к окружающему миру. Шло обучение предмету и, одновременно, воспитание интеллигентного человека, в том самом известном русском смысле слова.

Третье замечание. Лекции, семинары и экзамены, проводимые без телесного присутствия участников процесса в аудитории, с большим затруднением могут выполнять две важные задачи: индивидуального под-

хода к студенту со стороны преподавателя и создания полноценной диалоговой среды для обучающихся.

Индивидуальный подход означает, прежде всего, реализацию главной смысловой роли преподавателя: построить некий мост, стать тем самым объединяющим звеном между научным знанием, воплощенным в тексте учебника, книге или научной проблеме, и студентом. Преподаватель, видя студентов в их жизненной, исторически конкретной ситуации, умеет найти общие точки, привести в соприкосновение опыт отдельных личностей и смысл великих научных идей, учитывая когнитивные особенности и образовательный уровень этих личностей. В этом и состоит, по сути, искусство преподавателя.

Но, чтобы это произошло, преподаватель должен видеть живые лица и глаза, устремленные на него, замечать многообразные телесные и, возможно, звуковые реакции, чтобы иметь в ситуации учебного взаимодействия постоянную невербальную обратную связь с аудиторией в режиме реального времени в общем реальном пространстве. Это дает возможность ориентироваться в том, каким путем «корабль поплывет» к цели обучения, постоянно корректировать свой маршрут, чтобы все участники процесса понимали смысл происходящего на лекции или семинаре. Онлайн-обучение имеет дело с человеком «без тела». И это, конечно, общекультурная и даже общецивилизационная проблема, которая в образовании сегодня приобретает столь острую форму. Как пишет исследователь Кутырев: «С развитием хозяйства и познания живая картина мира изживалась, превращалась в метафору. ... Отказ от вещей и субстратов, от онтологии и замена их языком, текстом и структурой есть, в сущности, начало трансформации предметной модели мира в информационную. ... Становление постиндустриальной информационной цивилизации означает, что она стала настоящим, существуя рядом, вместе, а потом проникая внутрь вещно-событийного мира. Резонно ожидать, что информационная модель мира

должна вести к умалению предметности, особенно ее живых форм» [1].

Полноценная диалоговая среда также предполагает, что участники процесса (например, на семинаре) видят, слышат и чувствуют друг друга в непосредственной телесной близости. Это происходит одновременно и сразу для многих личностей – роскошь повернуть голову и увидеть другого рядом, почувствовать его нетерпение и желание ответить на вопрос или уловить скуку непонимания – все это нормальные условия развития познающего сознания. Кроме того, среди обучающихся есть разные психологические типы – «болтуны» и «молчуны», «мыслители» и «деятели» – все это живое бесценное многообразие нивелируется экраном компьютера и, фактически, тормозит развитие студентов.

Обобщим сказанное выше. Вероятно, современный образовательный процесс подошел к той черте, когда необходимо глубокое осознание и пересмотр отношения его «формы» и «содержания», а также того, к каким результатам во многом ведет его современная организация.

Очевидно, что общекультурная ситуация среди прочего имеет тенденцию быть направленной к все большей формализации, алгоритмизации и к все меньшему участию конкретных личностей с их личной ответственностью, свободой и выбором в социальном взаимодействии. В этом, конечно, огромную роль играют современные нейросети и бурное развитие искусственного интеллекта, а также внедрение его в социальную жизнь.

В этом смысле «человек», «человеческий фактор», «духовная природа личности», «нравственный выбор» – все это попадает под знак вопроса. Киберобразование «бестелесных» индивидов, и это сегодня уже очевидно, приводит к «обезличенному» мышлению. Логично, что именно поэтому образование, как сфера развития будущего, должно стать тем местом, где личности, конкретному живому человеку уделяется максимальное внимание. Переосмысление образовательных форм и технологий с учетом ценности личной связи

«преподаватель – студент» позволит создать альтернативу механистической, машинной по своей сути, организации современной жизни и вернет человека самому себе.

И завершить работу хочется замечанием К. Ясперса: «В области знания сегодняшняя ситуация характеризуется растущей доступ-

ностью его формы, метода и часто содержания все большему числу людей. ... Для того, как самобытию принимать в себя другое самобытие, обобщенной ситуации не существует, необходима абсолютная историчность встречающихся, глубина их соприкосновения, верность и независимость их личной связи» [4].

Список литературы

1. *Кутырев В. А.* Человек без тела [Электронный ресурс]. // Философия постмодернизма. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9A/kutirev-vladimir-aleksandrovich/filosofiya-postmodernizma/4>
2. *Мамардашвили М.К.* Беседы о мышлении [Электронный ресурс]. // Курс лекций, прочитанный в 1986–1967 гг. в Тбилиском университете. URL: <https://omiliya.org/article/besedy-o-myshlenii-mk-mamardashvili>
3. *Маркс К.* Предисловие к Французскому изданию // Капитал: критика политической экономии. Том I. Москва: Государственное издательство политической литературы. В 23-х томах.
4. *Ясперс К.* Духовная ситуация времени [Электронный ресурс]. // URL: <https://libking.ru/books/sci-/sci-philosophy/24506-7-karl-yaspers-duhovnaya-situatsiya-vremeni.html>

References

1. *Kutyrev V. A.* Man without a body [Electronic resource]. // Philosophy of postmodernism. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9A/kutirev-vladimir-aleksandrovich/filosofiya-postmodernizma/4> (In Russ.)
2. *Mamardashvili M.K.* Conversations about thinking [Electronic resource]. // A course of lectures given in 1986–1967. at Tbilisi University. URL: <https://omiliya.org/article/besedy-o-myshlenii-mk-mamardashvili> (In Russ.)
3. *Marx K.* Preface to the French edition // Capital: criticism of political economy. Volume I. Moscow: State Publishing House of Political Literature. In 23 volumes. (In Russ.)
4. *Jaspers K.* Spiritual situation of time [Electronic resource]. // URL: <https://libking.ru/books/sci-/sci-philosophy/24506-7-karl-yaspers-duhovnaya-situatsiya-vremeni.html> (In Russ.)

*

Поступила в редакцию 14.07.2022

ЭТИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 37.01 : 130.2

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-42-47>

В. В. Варава

Московский государственный институт культуры, Химки, Московская область, Российская Федерация

e-mail: vladimir_varava@list.ru

Аннотация: В статье обосновывается мысль о том, что сегодняшняя система образования должна быть направлена на реабилитацию и возрождение традиционного антропологического образа человека. Это связано с тем, что в современном мире широко распространены постчеловеческие идеологии, ставящие задачу фундаментальной трансформации человека на всех уровнях (биологическом, психическом, этическом, духовном, социальном). Цель – достижение состояния, которое характеризуется такими параметрами как физическое бессмертие, идеальное здоровье, высокие когнитивные способности, модификация половой идентичности. Это означает фактическое исчезновение человека, поскольку он лишается важнейших эτικο-экзистенциальных характеристик, связанных с осмыслением своей смерти. Показана связь постчеловеческих антропологий с постмодернистскими интуициями «смерти человека». Предлагается обратиться к богатому опыту русской философии, которую традиционно называют антропоцентричной и эгоцентричной.

Ключевые слова: образование, человек, антропология, постчеловек, этика, жизнь, смерть, бессмертие, иммортология, танатология, русская философия.

Для цитирования: Варава В.В. Эτικο-антропологические основы современного образования // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №4 (108). С. 42-47. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-42-47>

ETHICAL AND ANTHROPOLOGICAL FOUNDATIONS OF MODERN EDUCATION

Vladimir V. Varava

Moscow State Institute of Culture, Khimki, Moscow region, Russian Federation

e-mail: vladimir_varava@list.ru

Abstract: The article substantiates the idea that the current education system should be aimed at the rehabilitation and revival of the traditional anthropological image of a person. This is due to the fact that posthuman ideologies are widespread in the modern world, setting the task of fundamentally transforming a person at all levels (biological, mental, ethical, spiritual, social). The goal is to achieve a state that is characterized by such parameters as physical immortality, ideal health, high cognitive abilities, modification of gen-

ВАРАВА ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии, Московский государственный институт культуры

VARAVA VLADIMIR VLADIMIROVICH – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy, Moscow State Institute of Culture

© Варава В.В., 2022

der identity. This means the actual disappearance of a person, since he is deprived of the most important ethical and existential characteristics associated with the comprehension of his death. The connection of posthuman anthropology with postmodernist intuitions of «human death» is shown. It is proposed to turn to the rich experience of Russian philosophy, which is traditionally called anthropocentric and egocentric.

Keywords: education, human, anthropology, posthuman, ethics, life, death, immortality, immortology, thanatology, Russian philosophy.

For citation: Varava V. V. Ethical and anthropological foundations of modern education. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 4 (108), pp. 42-47. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-42-47>

Сегодня система образования призвана выполнять свою миссию, исходящую из значения самого слова – «образовать», создать по определенному образу. Разночтений в том, что такова основная функция образования, практически нет. Споры идут о том, какой образ взять за основу, что может выступить в качестве идеала, образца, эталона для формирования личности на разных возрастных этапах ее становления (ребенок, подросток, юноша, молодой человек). Несколько десятилетий философско-педагогическая, психологическая, методическая мысль билась над этим, полагая, что таким образом может быть сформирована всесторонне развитая личность, профессионал, патриот, даже «образ Божий», если речь шла о религиозных смыслах [3; 4; 5].

Все эти компоненты правомочны, они могут быть в той или иной мере реализованы в образовательных программах. Однако в последнее время произошел серьезнейший вызов традиционному образу человека со стороны «постчеловеческих антропологий», которые оформились во вполне зримую социальную, культурную и финансовую силу. Сегодня под вопрос поставлено само бытие человека в его изначальной антропологической данности вплоть до биологической и половой идентичности. Распространившаяся идеология антропоцена стремится дискриминировать человеческую исключительность, лишая ее каких бы то ни было антропологических привилегий.

Знаками постчеловеческой парадигмы являются такие распространенные явления

в западном обществе, как *иммортализм* (крионика, трансгуманизм, аболиционизм, технологическая сингулярность, дигитальное бессмертие); *биоцентризм* (глубинная экология, темная экология, антропоцен, энвайронментализм); *биохакинг* (нарциссизм, идеальное здоровье, идеальная внешность); *трансгендерные эксперименты и феминизм* (смена половой идентичности, половая асимметрия); *феноменология нечеловеческого* (ужас перед нечеловеческим миром, хоррор); *танатологическая индустрия* (биоэтика, эвтаназия, танатопатия, медийная смерть).

Все эти направления свидетельствуют о реальном *кризисе человечности* не только в моральном плане – как недостаток доброты, сострадания, милосердия, но как недостаток человеческого в антропологическом смысле. Традиционно стояла проблема взаимоотношения человека и общества, поскольку всегда была угроза растворения личности в социальной безликости государства. Но сегодня человек оказывается размыт между человеческим и нечеловеческим, прежде всего, природной окружающей средой, которая, оказывается, имеет не меньшие юридические права, чем человек.

Истоки постчеловеческих концепций уходят в постмодернистские теории о «смерти человека», означающие распад традиционного антропологического образа человека. Мишель Фуко полагал, что человек как концепт появился недавно и что ему суждено кануть в лету: «Человек, как без труда показывает археология нашей мысли, – это изобретение

недавнее. И конец его, быть может, недалёк. ... Человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке» [7, с. 404]. Фуко не имел в виду исчезновение человека как радикальную трансформацию его биологической сущности, но как деконструкцию концепта «человек». Вообще в XX веке произошел фундаментальный сдвиг в сторону постчеловеческого. Но постмодернизм не инициатор этого процесса, но лишь его предчувствие.

Однако этот сдвиг в сторону постчеловеческого набрал уже значительную силу, и сегодня в этих практиках речь идет уже об изменении биологической, психической, социальной и духовной природы человека. Теоретическая база этой идеологии такова. Человек в своем традиционном облике буквально устарел; он страдает такими антропологическими изъянами, как старость, болезнь и смерть, искоренить которые, не изменив человеческой сущности, нельзя. Изменение, то есть улучшение «несовершенной» природы человека, приводит к развитию таких современных «трендов», как ювенология (бесконечно долгое продление молодости), биохакинг (идеальное здоровье), иммортология (достижение бессмертия). Именно последнее направление самое распространенное и влиятельное на Западе.

Об этом говорят сами западные исследователи: «Во второй половине XX в. возникло несколько групп и движений, посвятивших себя задаче увеличения продолжительности человеческой жизни на сотни и тысячи лет или более того – по возможности навечно. ... Это крионисты, экстропианцы, трансгуманисты, сторонники теории точки Омега, сингулярианцы и адепты переноса сознания. И все они полны решимости одолеть смерть» [8, с. 135]. Автор детально описывает действия, направленные на трансформацию человеческой природы, включающие сначала такие невинные вещи как физкультура и диета, а затем – частичное и полное имплантирование «уставших» органов и частей тела. Здесь в действие вступает уже генная инженерия, которая должна привести к «морфологиче-

ской свободе» постчеловека. «И все это для того, – пишет исследователь, – чтобы взять под контроль эволюцию и трансформировать наш биологический вид в нечто более сильное, быстрое, сексуальное, здоровое, обладающее превосходящими когнитивными способностями, каких мы даже не можем представить» [8, с. 183].

Только вот вопрос: зачем?

В этой «философии» никогда не ставится философский вопрос о смысле жизни, о предназначении человека, о его духовной и нравственной сущности. Это не просто игнорируется, но считается как раз наследием архаичного, несовершенного, то есть больного и смертного человека, у которого только и может возникнуть такой «метафизический комплекс». Новый человек будет избавлен от всякой философской рефлексии, душевных переживаний и мук совести. Главное, он будет свободен от страдания – и не только от страдания в умирании от смертельной болезни, но и от страдания в самой жизни и после смерти. Это эвтаназийный тип культуры, культуры современного гедонистического потребительского общества, в котором на первый план выходит уже даже не только потребность в наслаждении, но потребность в самой потребности. Есть такая потребность, тогда есть и смысл, заключающийся в удовлетворении такой потребности. Ушла потребность – невроз, фрустрация, депрессия, экзистенциальная пустота.

Существует много причин, объясняющих это состояние глубинного антропологического кризиса. Начиная с Ницше, западная мысль в лице Шпенглера, Хейзинги, Ортеги-и-Гассета, Швейцера, Маркузе, Фромма, Хайдеггера, Бодрийара, Слотердайка и многих других создала мощный критический дискурс западной культуры, основным в котором является пропаганда заката, конца, упадка, вырождения, деградации. Можно предположить, что в основе этого кризисного состояния новая фаза экзистенциального кризиса, охватившего цивилизованное человечество. Ее можно обозначить через традиционное понятие

Taedium vitae, суть которого в пресыщенности жизнью до отворачивания. Сегодняшняя фаза этого состояния связана уже не столько с негативным отношением к жизни, сколько к человеку, к его традиционному, исторически фундированному антропологическому образу. Это состояние мы называем «усталостью быть человеком», поражающим, прежде всего, антропологические трансформации для достижения иммортологических целей [1].

Эта усталость вызвана нежеланием нести «бремя» человеческой участи, которая завязана на биологической и половой детерминации и на таких важнейших экзистенциалах, как старость, болезнь и смерть. Никакой нормальный человек не хочет болеть, стареть и умирать, это очевидно. Дело в другом: эти «предельные состояния» или «пограничные ситуации» даны человеку для духовно-нравственного роста. Избавиться от них не только невозможно (это биотехнологическая утопия), но и не нужно, поскольку это наносит ущерб самой человечности человека, его глубинной сущности, без которой он не может быть человеком.

В триаде человеческих несчастий – старость, болезнь и смерть – одна обязательна: последняя. Может не быть старости и болезни, но смерть будет обязательно. Поэтому в экзистенциальной философии именно смерть имеет первостепенное значение, поскольку лишь в ситуации предстояния перед смертью открывается подлинность жизни. Но и старость и болезнь тоже имеют свой смысл. Старость есть испытание жизни на духовную прочность: как в состоянии максимального угасания физического состояния сохранить моральную, интеллектуальную, душевную, то есть человеческую, сущность. Не впасть в мизантропию, особенно по отношению к молодому поколению, и не отравлять свою жизнь бесплодными воспоминаниями о радостях молодости.

Болезнь тоже имеет свою метафизику: если ее воспринимать не как случайность и нелепицу, а как знак, тогда перед человеком открываются такие важные для его жизни

вещи, как неслучайность своего бытия и необходимость коренных нравственных изменений, которые в «здоровом» состоянии были незаметны. Многочисленные свидетельства из истории медицины «чудесных исцелений» – показания не только невежественных богомольных старушек, но и рассказы серьезных врачей, всю жизнь проработавших в хосписе с терминальными больными [2; 6].

В этом контексте цели и задачи сегодняшнего образования сводятся, мы полагаем, к главному – защите человека, к сохранению его не только духовного и нравственного образа, но уже и биологической конституции, и половой идентичности. Антропный фундамент бытия пошатнулся, и речь сейчас идет уже о возрождении человека. Но искусственно человека не возродить, однако необходимы усилия со стороны философии. Философия всегда начинается с начала; она заново пересоздает бытие, и теперь ее время возрождать человека. Представляется, что богатейшее наследие русской философии может стать реальным теоретическим основанием для новой образовательной стратегии, цель которой – сохранение человека и защита от деструктивных воздействий постчеловеческих идеологий.

Какие работы можно рекомендовать в качестве «противоядия» от тех тенденций, которые мы обозначили выше, а именно, иммортализм, биоцентризм, трансгендерные эксперименты и феминизм, феноменология нечеловеческого, танатологическая индустрия. В качестве ближайших текстов русских философов мыслятся следующие.

Contra иммортализм: В. С. Соловьев, «Смысл любви»; «Бобок», Ф. М. Достоевский; Н. Ф. Федоров, «Супраморализм»; Н. А. Бердяев, «Самопознание»; Н. О. Лосский, «О воскресении во плоти».

Contra биоцентризм: В. С. Соловьев, «О красоте в природе»; Н. А. Бердяев; С. Н. Булгаков, «Философия хозяйства»; Е. Н. Трубецкой, «Смысл жизни»; М. М. Пришвин, «Дневники».

Contra биохакинг: И. А. Ильин, «Я вглядываюсь в жизнь»; С. Л. Франк, «Смысл

жизни»; В. И. Несмелов, «Наука о человеке»; Д. В. Скрынченко, «Ценность жизни по современно-философскому и христианскому учению»; Лука (Войно-Ясенецкий), «Дух. Душа. Тело».

Contra трансгендерных экспериментов и феминизма: В. С. Соловьев, «Жизненная драма Платона»; В. В. Розанов, «Религия и культура»; Н. А. Бердяев, «Метафизика пола и любви»; Б. П. Вышеславцев, «Этика преображенного Эроса».

Contra феноменологии нечеловеческого: В. С. Соловьев, «Оправдание добра»; Н. А. Бердяев, «Парадоксальная этика»; И. А. Ильин, «Путь к очевидности»; Е. Н. Трубецкой, «Два мира в древнерусской иконописи».

Contra танатологической индустрии: Л. П. Карсавин, «Поэма о смерти»; Л. Н. Тол-

стой, «Смерть Ивана Ильича»; С. Н. Булгаков, «Софиология смерти»; Л. Шестов, «Откровения Смерти».

Особенность этих и многих других работ русских философов в том, что в них тема человека всегда имеет первостепенное значение. Человек рассматривается во всей совокупности своих, прежде всего, этических характеристик. В результате перед нами человек в нравственной модальности: какой он есть (сущее), и каким должен быть (должное). Принципиальное отличие русской философии от различных технологий «улучшения» в том, что здесь речь идет о нравственном совершенствовании человека, который, оставаясь в своих антропологических границах, совершает непрерывное восхождение к новым духовным вершинам.

Список литературы

1. *Варава В. В. Taedium vitae или иммортологическое безумие наших дней // Философия жизни и смерти в России: вчера, сегодня, завтра. Москва: Издательский Дом «Русская философия». 2020. С. 23–33.*
2. *Кюблер-Росс Э., Кесслер Д. Живи сейчас! Уроки жизни от людей, которые видели смерть. Москва: Эксмо. 2015. 170 с.*
3. *Огурцов А. П., Платонов В. В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. Санкт-Петербург: Республиканская художественная гимназия-интернат. 2004. 520 с.*
4. *Розин В. М. Философия образования. Москва: Московский психолого-социальный институт, 2007. 576 с.*
5. *Исаев Е., Слободчиков В. Психология образования человека. Становление субъектности в образовательных процессах. Москва: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. 2013. 432 с.*
6. *Фредерика де Граф. Разлуки не будет. Как пережить смерть и страдания близких. Москва: Никея. 2021. 192 с.*
7. *Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук: перевод с французского. Санкт-Петербург: А-сэд. 1994. 406 с.*
8. *Шермер М. Небеса на земле. Научный взгляд на загробную жизнь, бессмертие и утопии. Москва: Альпина нон-фикшн. 2019. 396 с.*

References

1. *Varava V. V. Taedium vitae or immortological madness of our days // Philosophy of life and death in Russia: yesterday, today, tomorrow. Moscow: Publishing House «Russkaya Filosofiya». 2020. P. 23–33. (In Russ.)*
2. *Kübler-Ross E., Kessler D. Live Now! Life lessons from people who have seen death. Moscow: Eksmo. 2015. 170 p. (In Russ.)*
3. *Ogurtsov A. P., Platonov V. V. Images of education. Western Philosophy of Education. XX century. St. Petersburg: Republican Art Gymnasium-Boarding School. 2004. 520 p. (In Russ.)*

4. Rozin V. M. Philosophy of education. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute, 2007. 576 p. (In Russ.)
5. Isaev E., Slobodchikov V. Psychology of human education. The formation of subjectivity in educational processes. Moscow: Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. 2013. 432 p. (In Russ.)
6. Frederica de Graaf. There will be no separation. How to survive the death and suffering of loved ones. Moscow: Nikea. 2021. 192 p. (In Russ.)
7. Foucault M. Words and things. Archeology of the Humanities: A Translation from the French. St. Petersburg: A-cad. 1994. 406 p. (In Russ.)
8. Shermer M. Heaven on earth. A scientific view of the afterlife, immortality and utopias. Moscow: Alpina non-fiction. 2019. 396 p. (In Russ.)

*

Поступила в редакцию 23.08.2022

ПОТЕНЦИАЛ ОТРАСЛЕВОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ В РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

УДК 78 : 378 : 351.85

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-48-53>

О. В. Шмакова

Петрозаводская государственная консерватория имени А.К. Глазунова,
Петрозаводск, Российская Федерация
e-mail: olga.shmakova@glazunovcons.ru

Аннотация: В статье анализируются способы актуализации знаний отраслевой культурологии в образовательном процессе творческого вуза. Показано, что теоретические знания студентов консерватории составляют фундамент для послевузовской работы в учреждениях образования и культуры. В процессе учебной (практика) и внеучебной (концертной) деятельности студенты и педагоги консерватории фактически реализуют такие цели государственной культурной политики, как формирование гармонично развитой личности; укрепление единства российского общества посредством приоритетного культурного и гуманитарного развития; укрепление гражданской идентичности; сохранение исторического и культурного наследия и его использование для воспитания и образования; передача от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, традиций, обычаев и образцов поведения; создание условий для реализации каждым человеком его творческого потенциала; обеспечение доступа граждан к знаниям, информации, культурным ценностям и благам.

Ключевые слова: культурология, отраслевая культурология, культурная политика, А.Я. Флиер, музыка, образование, внеучебная деятельность студентов, ресурсное обеспечение культуры.

Для цитирования: Шмакова О.В. Потенциал отраслевой культурологии в реализации государственной культурной политики // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №4 (108). С. 48-53. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-48-53>

THE POTENTIAL OF SECTORAL CULTURAL STUDIES IN THE IMPLEMENTATION OF STATE CULTURAL POLICY

Olga V. Shmakova

Petrozavodsk State Conservatory named after A.K. Glazunov, Petrozavodsk, Russian Federation
e-mail: olga.shmakova@glazunovcons.ru

ШМАКОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА – доцент, проректор по учебной и воспитательной работе,
Петрозаводская государственная консерватория имени А.К. Глазунова

SHMAKOVA OLGA VLADIMIROVNA – Associate Professor, Vice-Rector for Academic and Educational Work,
Petrozavodsk State Conservatory named after A.K. Glazunov

© Шмакова О.В., 2022

Abstract: The report analyzes the way of updating the knowledge of branch cultural studies in the educational process in a creative university. It is shown that the theoretical knowledge of conservatory students forms the foundation for postgraduate work in educational and cultural institutions. In the process of educational (practice) and extracurricular (concert) activities, students and teachers of the Conservatory actually realize such goals of the state cultural policy as the formation of a harmoniously developed personality; strengthening the unity of Russian society through priority cultural and humanitarian development; strengthening of civic identity; preservation of historical and cultural heritage and its use for upbringing and education; transmission from generation to generation of traditional values and norms for Russian civilization, traditions, customs and patterns of behavior; creating conditions for each person to realize his creative potential; ensuring citizens' access to knowledge, information, cultural values and benefits.

Keywords: cultural studies, branch cultural studies, cultural policy, A.Ya. Flier, music, education, extracurricular activities of students, cultural resources.

For citation: Shmakova O. V. The potential of sectoral cultural studies in the implementation of state cultural policy. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 4 (108), pp. 48-53. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-48-53>

В современной отечественной науке о культуре предложена общая структура культурологии. А. Я. Флиер включил в неё отраслевую культурологию широкого спектра действия, выстроенную следующим образом:

- культурология религии
- культурология искусства
- культурология науки
- культурология образования
- культурология политики
- культурология экономики
- культурология медиапространства
- культурология социальных взаимодействий
- культурология семьи и детства
- культурология повседневности
- культурология праздника
- культурология досуга
- культурная регионалистика [5, с. 31].

Каждое из направлений отраслевой культурологии имеет свой объект и предмет исследования, а также – институциональный статус. Этот статус, а точнее, возможности, гарантируемые статусом, обеспечивают трансляцию культурологического знания от поколения к поколению и от поколения к индивиду [4, с. 3]. Но в области практической деятельности эти направления формируют относительно автономные от культурологического знания системы. Такую систему

образует единство Музыки и Образования. Для музыкантов это реальная неделимая целостность, рационально и интуитивно постигаемая со времени начала занятий в детской музыкальной школе (через теоретические знания об образовании в сфере музыки):

- знаниями о религиях (язычество, мировые религии);
- знаниями об искусствах (живопись, скульптура, архитектура) и литературе;
- знаниями о науках (философия, психология, педагогика, эстетика, музыковедение, искусствознание);
- знаниями об образовании (история и теория музыкального образования);
- знаниями о политике (политические события, повлиявшие на судьбы отдельных личностей и народов);
- знаниями об экономике (изменение экономического положения музыкантов в разные эпохи);
- знаниями о медиапространстве (влияние прессы и электронных средств массовой информации на вкусы публики);
- знаниями о социальных взаимодействиях (история музыкальных жанров и музыкально-творческих видах);

- знаниями о семье и детстве (изучение биографий музыкантов и их музыкальных произведений о детях и для детей);
- знаниями о праздничной и досуговой культуре (изучение социокультурного контекста музыкального искусства разных эпох);
- знаниями о специфике регионов (изучение традиционных культур и композиторского творчества нескольких столетий).

Таким образом, студент консерватории на протяжении периода обучения овладевает значительным объёмом знаний не только в области музыки, но и в области отраслевой культурологии, что составляет фундамент теоретических знаний для работы и в учреждениях образования (музыкальные и общеобразовательные школы, музыкальные колледжи и колледжи культуры и искусств), и в учреждениях отрасли «культура» (концертные организации, библиотеки, архивы, центры народного творчества, центры национальных культур, центры культурных инициатив). Этот объём знаний очень внушителен, и этот факт ставит под сомнение утверждения культурологов о том, «что только культурология как научная дисциплина может предложить продуманную, апробированную и рационально обоснованную программу усвоения обществом подлинных достижений культуры. Для самого общества этот императив имеет принципиальное значение как неотложная перспектива его собственного развития. Отказ от культурологии, умаление, дискриминация культурологических составляющих культуры равносильны тому, что самоё культуру мы оставляем без руля и без ветрил» [4, с. 11–12]. Но если «половина самостоятельно рассуждающих россиян в научном плане находятся на уровне птоломеевской системы мира, которая впервые была опровергнута Коперником в 1543 г.», то это не повод говорить о том, что «культурологическому знанию необходима государственная поддержка» [4, с. 12], потому

что это факт признания неблагополучия в школьном образовании. Что же касается государственной поддержки, то она необходима консерваторскому образованию, которое способно составить и составляет конкуренцию культурологическому знанию. Устные собеседования с абитуриентами дают материал для такого утверждения. Многие молодые музыканты, выбравшие, например, специальность этномузыколога, отдают предпочтение консерватории перед институтами культуры по причине возможности получения обширных теоретических знаний наряду с серьёзной практической подготовкой в области традиционной культуры (певческой и инструментальной) в составе учебных творческих коллективов.

Практика составляет важнейший компонент обучения в консерватории. В зависимости от уровня образования все обучающиеся проходят практику в образовательных учреждениях ДПО, СПО и ВО. В зависимости от вида практики (исполнительская, педагогическая, лекторская) и целевой аудитории (дети, взрослые) каждый студент актуализирует тот комплекс теоретических знаний по отраслевой культурологии, который ему необходим в период её прохождения. В первую очередь это знания по педагогике, психологии, знания о семье и детстве (если мероприятие имеет семейную направленность), знания об искусстве (они особенно актуальны для лекторской практики), знания о праздничной и досуговой культуре и знания о специфике региона (особенно если выступления с концертами и лекциями проходят в местах компактного проживания коренных народов данной территории или на территориях с сильными локальными традициями).

Большим потенциалом отраслевой культурологии обладает внеучебная (и не оплачиваемая) деятельность студентов. Они начинают эту деятельность с первого курса либо по собственной инициативе, либо в рамках студенческого самоуправления (мероприятия профсоюза и студсовета). Студенты при подготовке к участию в мероприятиях обеспе-

чиваются кураторами из числа профессорско-преподавательского состава консерватории. Но если результаты учебной деятельности оцениваются по уровню сформированности компетенций и результатам ГИА (государственной итоговой аттестации) на момент окончания консерватории, то с результатами внеучебной деятельности студентов ситуация иная. Цель их внеучебной деятельности состоит, в первую очередь, не в демонстрации степени профессиональной подготовки, хотя студенты её демонстрируют. Внеучебная деятельность студентов нацелена на «утверждение в общественном сознании ценности накопленного прошлыми поколениями исторического и культурного опыта как необходимого условия для индивидуального и общего развития» [2, с. 11]. Об объёме внеучебной деятельности студентов, а значит – и об объёме потенциала отраслевой культурологии, можно судить по количеству ежегодных концертов. Студенты только одной кафедры музыки финно-угорских народов в 2021 году участвовали в 16-ти концертах, это более одного концерта в месяц. Всего студенты разных кафедр консерватории дают в год несколько десятков бесплатных концертов в залах консерватории и на площадках муниципальных учреждений. В каждом таком концерте студент выступает как гражданин, выполняющий высокую миссию сохранения исторического и культурного наследия и его использования в целях воспитания и образования, и как профессиональный музыкант, демонстрирующий «развитие государственной системы подготовки творческих кадров с использованием уникальных отечественных традиций» [2, с. 13]. Эта деятельность осуществляется в рамках целевой устрановки Творческой школы Петрозаводской государственной консерватории: «Целью деятельности ТШ (творческой школы) является создание нового творческого продукта, актуального для художественной практики, на основе которой осуществляется развитие творческого потенциала Консерватории, обеспечение преемственности поколений в сообществе музыкантов-исполнителей Консерва-

тории, стимулирование деятельности исполнительских кафедр, музыкально-творческих сообществ Консерватории по организации концертной работы, дальнейшее развитие интеграции творчества и образования» [3, с. 3].

Вследствие жёсткой конкуренции между вузами за контрольные цифры приёма предметом особого внимания в Петрозаводской государственной консерватории является количество и качество ресурсов влияния на социокультурную жизнь Республики Карелия. В субъектах Российской Федерации с численностью населения менее миллиона результаты такого влияния видны практически сразу. Обратная связь между властью и населением хорошо отлажена, и у государственного образовательного учреждения высшего образования, каким является Петрозаводская консерватория, есть свой сегмент в структуре музыкальной жизни республики. В процессе учебной практики и внеучебной концертной деятельности студенты и педагоги консерватории фактически реализуют цели государственной культурной политики:

- формирование гармонично развитой личности;
- укрепление единства российского общества посредством приоритетного культурного и гуманитарного развития;
- укрепление гражданской идентичности;
- сохранение исторического и культурного наследия и его использование для воспитания и образования;
- передача от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, традиций, обычаев и образцов поведения;
- создание условий для реализации каждым человеком его творческого потенциала;
- обеспечение доступа граждан к знаниям, информации, культурным ценностям и благам [2, с. 9–10].

Принципиально важно, что в реализации государственной культурной политики при-

нимают участие все поколения музыкантов, работающие и обучающиеся в консерватории в каждый момент её истории.

Потенциал отраслевой культурологии в Петрозаводской консерватории является ресурсом «по умолчанию». В Докладе «Культурная политика – 2020: взгляд субъектов Российской Федерации на основные проблемы и их решения» [1] в разделе «Ресурсное обеспечение» есть пункт 6, предусматривающий «иные виды ресурсного обеспечения» (без конкретизации этих видов). Логично отнести потенциал отраслевой культурологии консерватории к «иным видам ресурсного обеспечения». В названном докладе приведена таблица «Проблемы в сфере культуры и их решения», в которой содержатся данные по двум показателям: среднее количество сформулированных проблем и среднее количество предлагаемых решений. Все показатели даны по федеральным округам, отдельные данные по Республике Карелия отсутствуют. Она входит в Северо-Западный федеральный

округ, который по данным показателям находится в середине таблицы. Для определения стратегии использования потенциала отраслевой культурологии в консерватории этих данных недостаточно. Остаётся не снижать темпы влияния этого потенциала на культурную жизнь республики.

В части ресурсного обеспечения культурной деятельности субъекты Российской Федерации выделили ряд проблем, в их числе следующая проблема: при формировании государственной политики в сфере образования и разработки нормативно-правовых актов Минпросвещения России часто не учитывается специфика образования в области искусств.

Добавим, что эта проблема затрагивает также Министерство высшего образования и науки Российской Федерации. А пока эта проблема решается, Петрозаводская государственная консерватория имени А. К. Глазунова будет использовать потенциал отраслевой культурологии для реализации государственной культурной политики «по умолчанию».

Список литературы

1. Культурная политика – 2020: взгляд субъектов Российской Федерации на основные проблемы и их решения. Москва: Институт экономики и социальной политики. 138 с.
2. Основы государственной культурной политики [Электронный ресурс]. // Москва: Министерство культуры Российской Федерации, 2015. URL: <http://rprk.ru/2016OsnGosKultPol.pdf>
3. Положение о Творческой Школе [Электронный ресурс]. // Петрозаводская государственная консерватория имени А. К. Глазунова, 2021. URL: https://glazunovcons.ru/images/pictures/license/Pologenie_o_tvorcheskoy_shkole_29.06.2021.pdf
4. Режабек Е. Я. Культурологическое знание – необходимый компонент культуры [Электронный ресурс]. // Культурологический журнал, 2011. № 3 (5) С. 1–15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturologicheskoe-znanie-neobhodimyy-komponent-kultury>
5. Флиер А. Я. Культурологическое знание (опыт составления системного представления) [Электронный ресурс]. // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 2 (64). С. 28–33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturologicheskoe-znanie-opyt-sostavleniya-sistemnogo-predstavleniya/viewer>

References

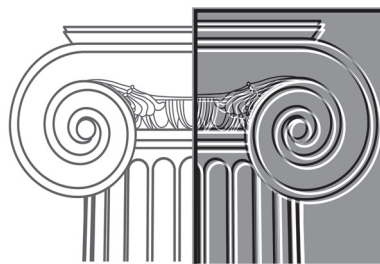
1. Cultural policy – 2020: view of the subjects of the Russian Federation on the main problems and their solutions. Moscow: Institute of Economics and Social Policy. 138 p.
2. Fundamentals of state cultural policy [Electronic resource]. // Moscow: Ministry of Culture of the Russian Federation, 2015. URL: <http://rprk.ru/2016OsnGosKultPol.pdf>

3. Regulations on the Creative School [Electronic resource]. // Petrozavodsk State Conservatory named after A. K. Glazunov, 2021. URL: https://glazunovcons.ru/images/pictures/license/Pologenie_o_tvorcheskoy_shkole_29.06.2021.pdf
4. Rezhabek E. Ya. Culturological knowledge is a necessary component of culture [Electronic resource]. // Culturological Journal, 2011. No. 3 (5) P. 1–15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturologicheskoe-znanie-neobhodimyy-komponent-kultury>
5. Flier A. Ya. Culturological knowledge (experience in compiling a systemic representation) [Electronic resource]. // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2015. No. 2 (64). pp. 28–33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturologicheskoe-znanie-opyt-sostavleniya-sistemnogo-predstavleniya/viewer>

*

Поступила в редакцию 12.08.2022

ТЕОРИЯ ИСКУССТВА

**АУСТ АЛЬФРЕДА ШНИТКЕ:
«ОСТАВШЕЕСЯ ВРЕМЯ»
ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ**

УДК 78.01

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-55-64>

В. Т. Фаритов

Самарский государственный технический университет
e-mail: vfar@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу философских мотивов в кантате Альфреда Шнитке «История доктора Иоганна Фауста». Осуществляется экспликация моделей времени в музыкальном творчестве Шнитке. Выявляются три основные хронологические модели: полихрония («лес времён»), эсхатологическое время и «оставшееся время». Основное внимание в статье сосредоточено на исследовании специфики художественной репрезентации феномена «оставшегося времени» в кантате «История доктора Иоганна Фауста». Опираясь на концептуальные разработки Дж. Агамбена, М. М. Бахтина, О. Шпенглера и Ф. Ницше, автор раскрывает в кантате Шнитке мотив «оставшегося времени» европейской цивилизации. В заключение исследования осуществляется сравнительный анализ темы времени в кантате Шнитке и в фильме А. Сокурова «Фауст».

Ключевые слова: Фауст, Шнитке, «оставшееся время», европейская цивилизация, трансгрессия.

Для цитирования: Фаритов В. Т. Фауст Альфреда Шнитке: «оставшееся время» европейской цивилизации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №4 (108). С. 55-64. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-55-64>

**FAUST BY ALFRED SCHNITTKE: THE «REMAINING
TIME» OF EUROPEAN CIVILIZATION**

Vyacheslav T. Faritov

Samara State Technical University
e-mail: vfar@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the analysis of the philosophical motives of Alfred Schnittke's cantata «The History of Dr. Johann Faust». Explication of time models in Schnittke's musical creativity is carried out. Three main chronological models are identified: polychrony («forest of times»), eschatological time and «remaining time». The main attention in the article is focused on the study of the specifics of the artistic representation of the phenomenon of «remaining time» in the cantata «The History of Dr. Johann Faust». Based on the conceptual developments of J. Agamben, M. M. Bakhtin, O. Spengler and F. Nietzsche, the author reveals the

ФАРИТОВ ВЯЧЕСЛАВ ТАВИСОВИЧ – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук Самарского государственного технического университета
 FARITOV VYACHESLAV TAVISOVICH – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, Samara State Technical University

© Фаритов В.Т., 2022

motif of the «remaining time» of European civilization in Schnittke's cantata. At the end of the study, a comparative analysis of the theme of time in Schnittke's cantata and in A. Sokurov's film «Faust» is carried out.

Keywords: Faust, Schnittke, «remaining time», European civilization, transgression.

For citation: Faritov V. T. Alfred Schnittke's Faust: the «remaining time» of European civilization. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 4 (108), pp. 55-64. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-55-64>

Существует распространенное заблуждение, что музыка представляет собой преимущественно искусство, предметом которого выступает сугубо эмоциональная сфера человеческого существования. Музыка воспринимается в качестве искусства, которое направлено на выражение «чувств». Однако это лишь популярное и во многом профанное понимание музыки. Музыка представляет собой наиболее универсальный и одновременно наиболее сложный язык мысли. На это указывал Андрей Белый: «...музыку отмечают, как преимущественно *«искусство чувств»*; в этом ее популярность; и – кажущаяся *«доступность»*; ...как таковой, дух музыки отражается, во-первых, в самосознании, во-вторых, в силах самосознания: в мысли самосознания, в критических силах самой способности рассуждения; поэтому ... сфере музыки ... ближе и свойственнее музыкальная мысль, чем музыкальное чувство» [3, с. 152].

Особая притягательность музыки для философского осмысления заключается в том, что она по преимуществу есть искусство времени [6]. В художественном творчестве сложно найти другую такую сферу, которая носила бы сугубо внепространственный и исключительно временной характер. Музыкальное искусство оперирует различными формами и моделями времени, разворачивает разнообразные конфигурации временных пластов. Каждый жанр, стиль или направление в музыке, конкретная музыкальная форма, – все это есть не что иное, как различные способы и формы конфигурации времени. Фуга и сонатное аллегро представляют собой вполне определенные и отличающиеся друг от друга конструкции времени. Концерт и симфония –

также специфические формы презентации времени в сфере эстетического.

Обратимся к конкретному предмету. Для художественного мира Альфреда Шнитке характерна особая концепция времени. Как композитор-философ он обращается к феномену времени в аспекте исторического бытия. Время для Шнитке – это, прежде всего, история, а история, в свою очередь, – это сфера культуры. Для творчества Шнитке не приемлема ни линейная, ни циклическая модель времени. Композитор мыслит время как сферу сосуществования гетерогенных временных и культурно-исторических пластов. Разнообразные пласты прошлого не исчезают с течением времени (линейная модель) и не повторяются в будущем («вечное возвращение»), но продолжают существовать в настоящем. Культурно-исторические пласты не изолированы друг от друга, но находятся в постоянном взаимодействии, которое носит не диалектический, но диалогический характер. Время истории и культуры – это непрекращающийся диалог, это полифония гетерогенных бытийно-смысловых перспектив. Данная модель времени выступает в качестве онтологического основания полистилистики – наиболее характерного приема композитора. Соответственно, модель времени, характерная для музыкальной вселенной Шнитке, может быть определена как полихрония. Сам Шнитке разъясняет свою полихронологическую конструкцию с помощью пространственной метафоры леса времён: «И вот постепенно во мне окрепло ощущение, что все эти бесчисленные миры других времен продолжают жить. Как бы от каждой точки – целый мир. И в реальности, которая представляется

линией (в то время как она линией не является, а существует во многих измерениях), в реальности все это и в самом деле выстраивается в гладкую, хотя и изменчивую, линию. Но в действительности это не линия. Это бесчисленное количество выхваченных из разных пространств точек. И вот возникает такое ощущение бесконечного леса времен, где каждая линия времени – другая, каждое дерево – растет по-своему. И все, что в прошлом возникло, возникло на разных деревьях, но относилось к деревьям, которые живут и сейчас. Другое дело, что в нашей сегодняшней реальности мы забыли о них. Потом опять вспомнили. А они-то продолжают жить, эти деревья» [4, с. 44].

Такова основная модель времени в музыке Шнитке. Однако художественный мир композитора не исчерпывается этой одной, пусть и наиболее универсальной и всеохватывающей, конструкцией. Философская и музыкальная концепция времени Шнитке сложна и многообразна. В его сочинениях представлен такой феномен, как разрушение времени: нормальное, привычное течение времени сбивается, обнаруживаются разрывы и временные лакуны. В отдельных случаях время приостанавливается, замирает – происходит обвал всех временных пластов разом, наступает обморок бытия, провал в мировое ничто. Это один из крайних полюсов художественного освоения времени в музыке Шнитке. Другой, противоположный, полюс – это выход из времени в вечность, устремленность всех гетерогенных временных пластов к трансцендентному. Оба этих полюса входят в состав концепции *эсхатологического времени* – представления о конце времени. Христианская эсхатология (сторонником которой является Шнитке) и предполагает эти два противоположных варианта завершения времени: переход в вечность и переход в небытие. Это время апокалипсиса или апокалипсическое время.

В христианстве наряду с эсхатологическим или апокалипсическим временем существует еще и модель мессианического времени. Как показывает Дж. Агамбен, в данном

случае речь идет не о конце времени, но о *времени конца*: «Если бы потребовалось в одной сжатой формуле уловить различие между мессианизмом и апокалипсисом, между апостолом и визионером, то думаю, можно было бы... сказать, что мессианическое – не конец времен, но *время конца*. Апостола интересует не последний день, не момент, когда время заканчивается, но время, которое сжимается и начинает кончаться, – или, если угодно, время, остающееся между временем и его концом» [1, с. 86]. Агамбен выделяет три модели времени: хронологическое – обычное течение времени до мессианического события; мессианическое – время от мессианического события до апокалипсиса; апокалипсическое – конец времени. Мессианическое время характеризуется как сжимающееся или оставшееся – время, которое осталось до конца времени: «Поэтому мы можем дать первое определение мессианического времени: это *время, которое требуется времени, чтобы прийти к концу*, – или, точнее, время, которое мы задействуем, чтобы довести до конца, завершить наше представление времени. Оно не является ни линией (представимой, но невысказанной) хронологического времени, ни моментом (также невысказанным) его конца; но оно не является и простым отрезком хронологического времени, между воскресением и концом времен: скорее, оно есть оперативное время, подгоняющее время хронологии, прорабатывающее и трансформирующее его изнутри, время, требующееся нам, чтобы довести время до конца, – и в этом смысле: *время, которое нам остается*» [1, с. 92].

Это мессианическое или оставшееся время также представлено в творчестве Шнитке. Наиболее характерным в этом плане сочинением выступает кантата «История доктора Иоганна Фаустуса» (1983). Здесь, как и в большинстве сочинений композитора, также представлена доминирующая в творческом сознании Шнитке модель «леса времён», выражающаяся в полистилистике. Жанр сочинения – кантата – отсылает к эпохе барокко, к творчеству И. С. Баха, композитора,

выступавшего для Шнитке в качестве главного ориентира в истории музыки. В целом Кантата Шнитке представляет собой барочную стилизацию. Стилизаций этого рода в наследии композитора немало – взять хотя бы знаменитые концерто грассо. Шесть сочинений этого типа строятся примерно по одной схеме: задается барочная тема, которая затем не столько разрабатывается, сколько подвергается деструкции – главным образом посредством введения чужеродного материала [8]. Принцип организации Кантаты несколько иной. Здесь жанр выдержан более последовательно, большая часть произведения представляет собой достаточно чистую стилизацию под барочную музыку. Но в отдельных частях жанровое и стилистическое единство нарушается. В кульминационном эпизоде – гибели Фауста – звучит нарочито грубое и вульгарное танго. Здесь сразу же вспоминается Концерто грассо № 1, где барочная музыка также перемежается эстрадным танго. И в Кантате и в Концерто грассо, таким образом, посредством полистилистики создается пространство диалога контрастных друг по отношению к другу эпох, жанров и стилей. Танго – самый яркий, бросающийся в глаза эпизод нарушения жанрового и стилистического единства Кантаты. Менее заметно, но не менее значимо это нарушение в эпизоде молитвы и ложного утешения Фауста. Исполняемая хором молитва выбивается по своему звучанию из общего строя Кантаты: в кульминации она звучит чересчур громко и жестко, что для музыки барокко не характерно. Духовые и ударные начинают буквально реветь, что опять-таки нарушает ровный и гармоничный строй барочной стилизации. Ложное утешение содержит двойную трансгрессию жанра и стиля. Линия сладкоголосого Мефистофеля (контратенор) поется чересчур приторно и – как следствие – фальшиво. Здесь мы вспоминаем лирическую партию из Альтерного концерта (в исполнении Ю. Башмета), которой дается следующая характеристика: «Слишком сладкая гармония, слишком лирическая мелодия..., возникает ощущение неустойчивости, двусмысленности» [9, С. 248].

Пародирующая линия Мефистофеля насмехающегося (контральто) и вовсе создает впечатление диссонанса и дисгармонии.

Но в Кантате есть и другой – не менее значимый – пласт. Это модель оставшегося времени. Данная тема задается уже в начале первой части произведения: «*Folget nun von Doctor Fausti greulichem und erschrecklichem Ende, ob welchem sich jedes Christenmensch genugsam zu spiegeln und dafür zu hüten hat*» («Теперь следует рассказ об ужасной, устрашающей кончине доктора Фауста, который пусть послужит зеркалом и предостережением для каждого христианина») [5, с. 98]. Ключевой момент здесь: Ende, конец. Текст взят с последних страниц Народной книги о Фаусте. Кантата, таким образом, начинается с конца книги и описывает конец Фауста. В истории музыки подобный композиционный прием уже использовался: речь идет о «Страстях» Баха. Здесь также берется текст не всего Евангелия, но только последних глав, посвященных Страстям Христа. Соответственно, в «Страстях по Матфею» представлен не весь жизненный путь Христа, но лишь последние эпизоды, связанные с предательством, страданиями, смертью и воскресением. В Кантате Шнитке представлен тот же самый сюжетно-организационный принцип. Но героем является продавшийся дьяволу чернокнижник. Шнитке, таким образом, написал «антистрасти».

Вслед за вступлением хора идет речитатив рассказчика (Erzähler): «*Die vierundzwanzig Jahre des Doctor Fausti waren vergangen*» («Истекли 24 года, отпущенные доктору Фаусту») [5, с. 98]. Снова вводится мотив завершения, исчерпанности времени: произведение начинается с конца, когда все события хронологического времени (хроноса) уже минули, остались позади. Время прошло. Теперь остается только рассказать о конце, смерти доктора Фауста. Собственно говоря, исходя из такой завязки, Кантата могла бы тут же и закончиться, не успев начаться. Однако устрашающая кончина доктора Фауста описывается только в четвертой части. До этого момента представлено «оставшееся время»:

не конец времени, но время конца. После истекших 24 лет Фаусту *остаётся* еще 24 часа перед его гибелью. Именно это оставшееся, сжимающееся время и становится предметом музыкально-драматического изображения в Кантате Шнитке.

После того, как доктор Фаустус получил известие о предстоящем скором и ужасном конце, следуют сцены пира и исповеди. Это характерный пласт народно-смеховой или карнавальной культуры, анализ которой дал М. М. Бахтин [2]. Пир накануне смерти в сочетании с предсмертной исповедью заставляет нас вспомнить «Федон» Платона и Тайную Вечерю. Но здесь снова следует удерживать в поле зрения уже указанную выше инверсию: у Шнитке на вечере не Спаситель и даже не добродетельный и мудрый Сократ, но заключивший договор с дьяволом чародей и чернокнижник. В исповеди Фауста центральное место также занимает тема оставшегося времени: «Nun sind solche Jahre bis auf diese Nacht zum Ende gelaufen, und steht mir das Stunden-glas vor den Augen, daß ich gewärtig sein muß, wann es ausläuft, und er mich diese Nacht holen wird» («Ну вот, срок этот приходит к концу в эту ночь, и часы, стоящие перед моими глазами, указывают, что скоро наступит мгновенье, когда он заберет меня в эту ночь») [5, с. 99]. И снова отсылка к событиям Тайной Вечери: «Darum habe ich euch, [freundliche, günstige, liebe Herren,] vor meinem Ende zu mir berufen und mit euch einen Johannestrunk zum Abschied tun wollen» («Поэтому-то я и созвал вас, любезные мои друзья и милостивые господа, к себе перед кончиной, чтобы осушить вместе поминальную чару») [5, с. 99]. Исповедь завершается формулировкой, раскрывающей амбивалентный характер положения доктора Фаустуса: «Ich sterbe als ein böser und guter Christ, ein guter Christ, warum weil ich eine Reue habe; ein böser, weil ich weiß, dass der Teufel den Leib will haben» («Ибо я умираю как дурной и как добрый христианин: как добрый христианин, ибо я покаялся; как дурной христианин, ибо я знаю, что дьявол хочет взять мое тело») [5, с. 100].

Характерной особенностью оставшегося времени является то, что оно не принадлежит полностью ни хроносу, ни вечности, но вместе тем соотносено и с тем и с другим. Это время «между», время, которое начинает кончаться, но еще не кончилось. Оставшееся время представляет собой, таким образом, феномен незавершенного перехода: время земной жизни уже почти закончилось, но есть еще некий остаток перед окончательным переходом в вечность. Соответственно, оставшееся время – это время резюмирующего подытоживания: «в мессианическом подытоживании люди готовятся к окончательному прощанию с прошлым в вечности, которая не знает ни прошлого, ни повторения. <...> подытоживание... представляет собой сжатие прошлого и настоящего, ... что, разумеется, не означает ни привязанности, ни ностальгии – напротив, подытоживание прошлого является «суммарным решением в его отношении»» [1, с. 105]. Именно это подытоживающее сжатие прошлого и настоящего и представлено в Кантате Шнитке. В этой связи можно отметить, что оставшееся время есть зона предопределенной неопределенности или неопределенной предопределенности. С одной стороны, все уже предрешено, поскольку время истекло и осталось только ждать конца, являющегося закономерным следствием и результатом уже прожитой жизни. Но, с другой стороны, сохраняется еще остаток времени перед концом, который подобен точке бифуркации: все еще может быть изменено, окончательный смысловой итог еще не сформулирован и его только предстоит определить в это оставшееся время. Чаши весов уже вышли из равновесия, подытоживающее взвешивание уже началось, но итог еще не виден, хотя вполне прогнозируем. Отсюда и характерная для оставшегося времени двусмысленность, являющаяся следствием сопряжения «памяти и надежды, прошлого и настоящего, полноты и нехватки, начала и конца» [1, с. 9]. Мы бы добавили сюда еще и сопряжение обусловленности и свободы. Выбор уже сделан, оставшееся «теперь» является следствием этого выбора, и оно же

детерминирует грядущее положение в вечности. И выбор еще не сделан, в оставшееся время сохраняется возможность изменения результата или, по крайней мере, некоторая неопределенность в отношении результата.

Все эти аспекты оставшегося времени наиболее полно проявляются в следующей после пира и исповеди части Кантаты – в «Молитве и ложном утешении Фауста». Характерно, что и молитва, и ложное утешение составляют одну часть (в источнике, в «Народной книге», эти фрагменты находятся на разных страницах и даже в разных главах). Ложное утешение предшествует исповеди Фауста, и только затем следует молитва студентов и друзей. При всей противоположности молитвенного воззвания к Богу дьявольской лжи, оба эти феномена структурно объединены в одно целое. Здесь снова происходит смещение смысловых перспектив, а именно: текст и музыка расходятся между собой. Исповедь колдуна и чернокнижника в предыдущей части звучала благородно и возвышенно, в то время как исполнение молитвы и утешения полно двусмысленности и пародийных оттенков. И в молитве, и в утешении речь идет о будущем души и тела Фауста. Это две модели уже приближающегося окончательного решения судьбы Фауста в вечности. С позиции хора, поющего молитву, судьба тела уже предрешена, но для души еще остается надежда на спасение: «Wiewohl ich dem Teufel den Leib muß lassen, so rette doch die Seele» («Хоть я и должен оставить дьяволу свое тело, быть может, ты убережешь мою душу») [5, с. 100]. С позиции Мефистофеля, и тело, и душа Фауста принадлежат дьяволу, который, впрочем, обещал, что Фауст в аду будет избавлен от страданий: «Hat dir doch der Teufel verheißen, er wolle dir einen stählern Leib und Seele geben, und sollst nicht leiden wie andere Verdammte» («Ведь обещал же дьявол дать тебе стальное тело и душу, чтобы ты не страдал, как другие грешники») [5, С. 99]. Фауст не приемлет ни тот, ни другой вариант. Он не может молиться, поскольку «грехи его превышают меру того, что может ему про-

ститься» («seine Sünden wären größer, denn daß sie ihm möchten verziehen werden»). Про утешение Мефистофеля сказано, что оно ложно и противоречит Писанию («falsch und der Heiligen Schrift zuwider»). Фауст оказывается взвешен в пустоте между Богом и дьяволом. Он не примыкает ни к Тому, ни к другому. Раскаиваясь и осуждая свою греховную и дьявольскую жизнь в прошлом, в оставшемся еще настоящим он не решается обратиться к Богу. Но дело не только в Фаусте и его малодушном неверии. Не следует забывать, что в рассматриваемой нами части Кантаты не только утешение звучит ложно и фальшиво, но и сама молитва исполняется с доходящими до гротеска перегибами. Такое тутти фортиссимо, сопровождаемое ревом духовых и громыханием ударных, не характерно для строгой молитвенной возвышенности баховских хоралов. Образ религии и церкви в Кантате Шнитке неоднозначен и амбивалентен. Дьявольское начало обнаруживается в самой молитве. Современный слушатель, в той или иной степени удаленный от уровня религиозности баховской эпохи, может быть очарован религиозным настроением молитвы из Кантаты Шнитке. И по этой причине искажающие и гротескные мотивы этой молитвы в исполнении хора могут быть им просто не замечены. На этом основании может возникнуть соблазн ошибочно и упрощенно истолковать структуру данной части как оппозицию добра и зла: хор – добро, двухголосый Мефистофель – зло. В действительности у Шнитке все более сложно и менее однозначно. Двухголосие проникает в саму молитву, приводя к ее искажению и одвусмысливанию. Все становится зыбким и неоднозначным.

Не менее двусмысленный характер носят завершающие части Кантаты. Рассказ об ужасной смерти Фауста представлен в виде танго. Эстрадная, «шлягерная» музыка является для Шнитке наиболее подходящим музыкальным символом зла, «всякой чертовщины». Танго выступает здесь в качестве культурного кода пошлости, грубой вульгарности, банальной доступности. Это символ разложения высокой

культуры, падения искусства и наступления эпохи торжества массовой культуры. И это подлинный лик дьявола: «эстрадно-страстный голос, доходчивая мелодия, чувственно-развязный синкопический ритм аккомпанемента, явная тональность (соль-минор), танцевальные квадраты структуры, под стать всему – солирующие саксофоны и томные глассандо у солистки. И на эту музыку кладутся самые ужасающие, какие-то средневековые слова, каких не встретишь, скажем, в классическом «Фаусте» Гёте» [9, с. 181].

Эффект контраста создает финальный эпизод – хорал, написанный на текст Первого Послания апостола Петра (1 Послан. Петра, 5: 8–9): «Seid nüchtern und wachet, denn euer Widersacher, der Teufel, geht umher wie ein brüllender Löwe und suchet, welchen er verschlinge: Dem widerstehet fest im Glauben» («Бодрствуйте и бдите, ибо дьявол, ваш супостат, бродит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить. Противоборствуйте ему твердою верою»). Во-первых, здесь задается стилистическая и жанровая оппозиция, достаточно отчетливо воспринимаемая на слух: эстрадное танго – хорал в баховском стиле. Как уже отмечалось выше, Шнитке часто использовал данную оппозицию в своих сочинениях, самым известным примером чему выступает Концерто гроссо № 1, где барочная тема контрастирует с танго. Средствами полистилистики достигается эффект полихронии – соприсутствия и взаимопроникновения гетерогенных временных и культурно-исторических пластов. Во-вторых, противопоставление Послания апостола Петра эстраднему танго создает дополнительный символический эффект: после погружения в бездну зла утверждается устремленность к вечности. Наконец, в-третьих, следует обратить внимание, что заключительный и возвышенный хорал исполняется четырьмя солистами, в числе которых Фауст и два Мефистофеля. Получается, что глубоко религиозный текст поется в основном голосами, исполнявшими дьявола и злодея-чернокнижника... Это обстоятельство не может не вызывать некоторых подозрений. Если

внимательно прислушаться, то и в исполнении финального хорала можно заметить некоторый перегиб, перебор: слишком уж преувеличенно нравоучительно звучит здесь цитата из Послания апостола Петра, слишком высокий регистр берется солистами, слишком громко, оглушающе звучит оркестр, слишком мощно режут трубы и гремят ударные... Мы уже сталкивались с таким приемом в Кантате: в Молитве, в кульминационной части, хор также поет чрезмерно громко и – в дополнение ко всему – заглушается ревом духовых и громыханием ударных. И в финальном эпизоде композитор снова сознательно создает эффект несоответствия текста и музыки. Все это порождает оттенок двусмысленности, амбивалентности, семантической и символической зыбкости. Эпизод, который по своему текстовому содержанию должен был бы выражать устремленность к трансцендентному, на деле носит трансгрессивный характер. Границы между «добром» и «злом», дьявольским и божественным не то чтобы совсем стираются, но постоянно колеблются, обнаруживая тенденцию к взаимопереходу. В этом плане значимо завершения финального хорала (и одновременно – всей Кантаты): после кульминационного, максимально громкого исполнения темы звучит простая, состоящая из нескольких тактов мелодия, сопровождаемая метрономом. Мелодия постепенно затихает, остается один отсчитывающий такты метроном. Данный тип окончания – достаточно часто применяемый Шнитке – осуществляет нейтрализацию музыкального материала. Грандиозная и одновременно двусмысленная хоральная концовка сводится на нет, перечеркивается звучанием последних нескольких секунд. Остающийся метроном напоминает звук механических часов, которые, в конце концов, тоже затихают. Часы стоят. Die Uhr steht still.

Часы – базовая метафора западной культуры. Так же, как центральная для Кантаты проблема души и тела, – фундаментальная оппозиция европейской, «фаустовской» культуры. В своей книге о Шнитке музыковед

В. Н. Холопова отмечает: «Шпенглер в «Закате Европы» представил Фауста в качестве прототипа западного человека, с его стремлением к деятельности, технике и завоеваниям. «У каждого художника должен быть свой «Фауст», – такова аксиома европейского искусства. Альфред Шнитке с молодых лет был заморожен образом Фауста, и это достаточно свидетельствует о коренном его европеизме. Сама полюсность его мышления – видишь хорошее, ищи плохое, видишь плохое, ищи хорошее (что он распространил даже на церковь), – философская диалектика добра и зла в его музыке уже давно вылепили в нем образы фаустовских противоположностей» [9, с. 176].

Создавший термин «фаустовская культура» Освальд Шпенглер в сопоставительной таблице периодов различных культур указывает приблизительное время завершения, гибели европейской цивилизации: после 2200 года. Вспомним здесь также Ницше, который возвестил «восхождение нигилизма как историю двух ближайших столетий». Этот период – с 2000 по 2200 г. – может быть охарактеризован как «оставшееся время» фаустовской цивилизации. Для этого времени характерен «распад организмов народов и превращение в аморфную людскую массу» [10, с. 86]. Затем, после 2200 г., последуют «окончание и распад империалистического механизма: империя становится добычей юных народов и завоевателей» [10, с. 86]. Ницше так описывает опыт *оставшегося времени* западной цивилизации: «Вся наша европейская культура давно уже, в муке напряжения (растущего век от века), движется словно к катастрофе: тревожно, неволей, очертя голову; рекою, стремящейся к своему *исходу*, уже не помнящей себя, которой страшно опомниться» [7, с. 31]. В Кантате Шнитке показано как это движение фаустовской культуры к катастрофическому финалу, так и сам финал.

В завершение интересно будет сопоставить Фауста Шнитке с другой современной, на этот раз, кинематографической версией – с «Фаустом» А. Сокурова (2011). У Шнитке

Фауст физически гибнет, и некоторая неясность и недоговоренность остается только в отношении судьбы его души. У Сокурова Фауст избегает даже физической смерти. После убийства матери Маргариты и соблазнения Маргариты происходит трансформация пространства: обычное, земное пространство преобразуется в область загробного мира, населенного чудовищами-мертвецами. Там Фауст встречает убитого им Валентина. Трансформация происходит и с самим Фаустом: из меланхоличного, потерявшего смысл жизни средневекового доктора он превращается в самоуверенного, жаждущего действий и свершений человека Нового времени. Одновременно происходит еще одна трансформация времени. Первая трансформация связана с пробуждением Фауста в доме Маргариты. Здесь время останавливается: «Часы стоят. Упала стрелка». «Die Uhr steht still. Der Zeiger fällt». Фауст оказывает вне времени. Однако после того, как Фауст объясняет загадку фонтана и покидает Мефистофеля (Маврикия), опыт времени снова меняется. Теперь переживание времени характеризуется с помощью слова «vorbei»: «Vorbei! Vorbei, als nie gewesen» («Прошло! Прошло, как не бывало!»). Мефистофель не приемлет этот новый временной модус, отвергая его скептически: «Прошло... Какое глупое слово!». «Vorbei... Ein dummes Wort». Сразу после этого Фауст слышит вопрошающий призыв Маргариты с неба, повторяемый дважды: «Куда ты идешь?» («Wo hin gehst du?»). Вопрос Маргариты в данном случае – это не вопрос о конкретном месте («куда ты собрался?»). Это метафизический вопрос, вопрос о смысле пути. Этот вопрос подобен вопросу Бога к Адаму после грехопадения: «Где ты?». Это также не вопрос о месте, но вопрос о положении по отношению к бытию, об изменившемся положении Адама в бытии. Так же и вопрос Маргариты адресован фаустовской душе, фаустовской цивилизации в целом: «Куда ты идешь? Каков смысл твоего пути?». Этот вопрос призывает остановиться и задуматься. Но Фауст не останавливается. Он дает на этот вопрос харак-

терный фаустовский ответ: «Dahin! Weiter! Immer weiter!» («Туда! Дальше и дальше!»). Это путь ради самого пути. Движение ради движения. Бесконечность ради бесконечности. Таким образом, обновленный и изменившийся Фауст отклоняет как безвременность Мефистофеля, так и вечность, к которой его зовет Маргарита. Фауст отвергает как вечную смерть, так и вечную жизнь. В финале представлено зарождение фаустовской души, пробуждение характерной для нее устремленности в бесконечные дали. Мрачное Средневековье остается позади: *vorbei*. Впереди – столетия новой фаустовской культуры с ее открытиями и завоеваниями. Но это начало, в котором уже содержится указание на его конец. Устремленню в абстрактную и пустую беспредельность («Weiter! Immer weiter!») со-

ответствует понимание времени как бесконечного и абстрактного течения сменяющих друг друга «теперь». Это время, которое постоянно проходит, это перманентное *vorbei*. И в такой конструкции времени содержится установка на его неизбежную самоисчерпанность. У Гете Мефистофель замечает по этому поводу: «*Vorbei und reines Nicht, vollkommnes Einerlei*» [11, р. 204]. («Прошло и чистое Ничто совершенно равнозначны»). Здесь уже заложен исток грядущего европейского нигилизма.

В целом фильм Сокурова изображает «оставшееся время» европейского Средневековья. В Кантате Шнитке представлено «оставшееся время» европейской цивилизации. Проблема времени выступает здесь в качестве основного содержания художественного произведения.

Список литературы

1. Агамбен Дж. Оставшееся время: Комментарий к Посланию к Римлянам. Москва: Новое литературное обозрение, 2018. 224 с.
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Москва: Эксмо, 2015. 640 с.
3. Белый А. Душа самосознающая. Москва: Канон+, 1999. 560 с.
4. Беседы с Альфредом Шнитке. / Ред. А.В. Ивашкин. Москва: Классика XXI века, 2003. 320 с.
5. Легенда о докторе Фаусте. / Ред. В.М. Жирмунский. Москва: Наука, 1978. 424 с.
6. Лосев А.Ф. Музыка как предмет логики. Из ранних произведений. Москва: Правда, 1990. С. 195–393.
7. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. Москва: Культурная революция, 2016. 824 с.
8. Фаритов В.Т. Философские аспекты музыкальных произведений А. Шнитке (музыка и философия) // Культура и искусство. 2017. № 3. С. 292–303.
9. Холопова В.Н., Чigareва Е.И. Композитор Альфред Шнитке. Челябинск: Аркаим, 2003. 256 с.
10. Шпенглер О. Закат Европы. Минск: Харвест; Москва: АСТ, 2000. 1376 с.
11. Goethe J.W. Faust. Der Tragödie Zweiter Teil. Stuttgart: Reclam, 2001.

References

1. Agamben J. Remaining Time: A Commentary on the Epistle to the Romans. Moscow: New Literary Review, 2018. 224 p. (In Russ.)
2. Bakhtin M. Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and the Renaissance. Moscow: Eksmo, 2015. 640 p. (In Russ.)
3. Bely A. Self-conscious soul. The soul is self-conscious. Moscow: Kanon+, 1999. 560 p. (In Russ.)
4. Conversations with Alfred Schnittke. A.V. Ivashkin. Moscow: Classics of the XXI century, 2003. 320 p. (In Russ.)

5. The legend of Dr. Faust. ed. V.M. Zhirmunsky. Moscow: Nauka, 1978. 424 p. (In Russ.)
6. Losev A.F. Music as a subject of logic. From early works. Moscow: Pravda, 1990. S. 195-393. (In Russ.)
7. Nietzsche F. Will to power. The experience of reassessing all values. Moscow: Cultural Revolution, 2016. 824 p. (In Russ.)
8. Faritov V.T. Philosophical aspects of A. Schnittke's musical works (music and philosophy). Culture and Art. 2017. No. 3. P. 292–303. (In Russ.)
9. Kholopova V.N. Composer Alfred Schnittke. V.N. Kholopova, E. Chigareva. Chelyabinsk: Akraim, 2003. 256 p. (In Russ.)
10. Spengler O. Decline of Europe. Minsk: Harvest, Moscow: AST, 2000. 1376 p. (In Russ.)
11. Goethe J.W. Faust. Der Tragödie Zweiter Teil. Stuttgart: Reclam, 2001.

*

Поступила в редакцию 24.06.2022

ИНИЦИАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ

УДК 008 : 130.2

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-65-70>

И. В. Випулис

Академия медиаиндустрии, Москва, Российская Федерация

e-mail: vipoulis@mail.ru

Аннотация: Инициация как культовая практика практически исчезла, но продолжает развитие в светских культурных формах и смыслах. В широком значении «инициация» (как начало кардинальных трансформаций, преобразования личности, как трансляция культурных ценностей) активно используется в филологии, искусствознании – в вопросах о специфике творчества, механизме художественной культуры, интерпретации художественного образа. Анализ данной тенденции позволяет расширить представление о ритуальной природе творчества, об инициатическом потенциале художественной культуры.

Ключевые слова: инициация, искусство, художественный образ, творческий акт, художественная культура, литература, советское кино.

Для цитирования: Випулис И.В. Инициация в художественной культуре: современные подходы к исследованию // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №4 (108). С. 65-70. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-65-70>

INITIATION IN ARTISTIC CULTURE: MODERN APPROACHES TO RESEARCH

Irina V. Vipulis

Department of Television and Radio Broadcasting media industry academies, Moscow, Russian Federation

e-mail: vipoulis@mail.ru

Abstract: Initiation as a cult practice has practically disappeared, but continues to develop in secular cultural forms and meanings. In a broad sense, “initiation” (as the beginning of cardinal transformations, the transformation of the personality, as the transmission of cultural values) is actively used in philology, art history in questions about the specifics of creativity, the mechanism of artistic culture, and the interpretation of the artistic image. An analysis of this trend allows us to expand our understanding of the ritual nature of creativity, of the initiatory potential of artistic culture.

Keywords: initiation, art, artistic image, creative act, artistic culture, literature, Soviet cinema.

ВИПУЛИС ИРИНА ВИКТОРОВНА – кандидат культурологии, доцент кафедры телевидения и радиовещания Академии медиаиндустрии

VIPULIS IRINA VIKTOROVNA – PhD in Cultural Studies, Associate Professor of the Department of Television and Radio Broadcasting media industry academies

© Випулис И.В., 2022

For citation: Vipulis I. V. Initiation in artistic culture: modern approaches to research. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 4 (108), pp. 65-70. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-65-70>

Культурной практике инициации, начиная с архаической эпохи, отводили ведущую роль в инкультурации индивидов. Именно в процессе возрастных или специализированных посвящений неопитам передавались культурные доминанты общества, эпохи, формировались базовые культурные компетенции новых членов, закладывалась ценностная картина бытия. Ритуальные инициационные действия имели богатое художественное воплощение.

Несмотря на исчезновение широко организованной практики посвящения в современном обществе, ее развитие продолжается в различных светских культурных формах и смыслах. М. Элиаде отмечал, что инициация растворилась в «народных обычаях, играх и литературных мотивах» [9]. Художественная среда остается плодотворной почвой для воспроизведения ее отдельных элементов. Исследователи фиксируют «книжные, литературные посвящения», инициационные арт-проекты, посвящения массовой культурой посредством компьютерных игр и т. п. Так, философ П. Л. Зайцев рассматривает процесс чтения современной литературы «как болезненную, но необходимую инициацию, связывающую человека не только с культурой, но и с самим собой» [3, с. 80]. Он пишет: «...когда опыт и пристрастия создателя текста уже не являются ключом к его произведению, инициация человека в качестве читателя, – пожалуй, единственная возможность для философской веры в жизнь текста и жизнь культуры» [3, с. 82].

Широкий оборот приобретает термин «инициация» в научной литературной среде. Инициация и литература имеют прочную генетическую связь. В начале культурогенеза инициация как ритуал и литература как миф составляли единое целое. Несмотря на их постепенное историческое обособление и автономизацию, архаическая культурная диффузия сохранила в каждом родственные черты,

а именно – их общую интенцию на духовное становление индивида, преобразование личности. В. Я. Пропп, Е. М. Мелетинский и др. теоретически заложили модель структурного анализа литературного произведения на основе логики построения и действия инициационной системы. Рассмотрим примеры использования понятия «инициация» в современных исследованиях проблем художественной культуры и проанализируем его содержание в научном дискурсе.

Среди различных подходов наиболее упрощенный вариант употребления термина «инициация» связан с его этимологией (от лат. *initio* «начинать») – «начало», «первоисток». При данном подходе в исследовании понятие «инициация» играет скорее техническую дополнительную роль и акцентирует внимание на установлении первопричины, провокатора кардинальных трансформаций в литературном сюжете, в линии героя, или определяет факторы стимулирования научных исследований¹.

Классическое определение инициации как ритуала посвящения (от лат. *initiatio* «посвящение; совершение таинства») часто используется при анализе мифологических, фольклорных текстов. Интересным является подход, связанный с исследованием одного характерного атрибута инициации, представленного в произведении. Например, в статье С. В. Прищенко и И. В. Цыгановой «Сосуд в мифопоэтической традиции: атрибут бога и актер инициации героя» инициация рассматривается как ритуальный фон, особое пограничное состояние между профанным

¹ Сиражитдинова Н. М. Инициация научных исследований в процессе работы над созданием энциклопедии «Мустай Карим» // Региональные энциклопедии в современной научной инфокоммуникационной системе России: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Уфа, 2016. С. 244–246.

и сакральным мирами, в котором утилитарный бытовой предмет (сосуд: корзина, котел, чаша) приобретает сакральный смысл и способность влиять на качества личности героя и его поступки: сосуд как место рождения, спасения, заточения героя или его инсигнии [7, с. 111]. В данном варианте авторы указывают на сакрализирующую способность инициации, ее мифопоэтическую природу.

В ряде работ, использующих подобный подход, внимание акцентируется на таком компоненте инициации, как страх. В ритуале посвящения преодоление страха перед неизвестностью/смертью/болью – важнейший этап испытания и становления героя. Знаменательным в этом смысле является исследование С. С. Аверинцева «Страх как инициация: одна тематическая константа поэзии Мандельштама». Автор соглашается с определенным позитивным значением страха как экзистенциала в творчестве поэта [1, с. 147] и отмечает особое значение темы грозной смерти в инициации поэта для русской поэтической традиции [1, с. 148]. Ученый обозначает начало традиции поэтической инициации в одах Г. Р. Державина и отводит «центральное место на передней линии» произведению А. С. Пушкина «Пророк». С. С. Аверинцев делает важный вывод: «... настоящая тема поэзии – острое и опасное переживание мистериальной инициации, и кто это понял, тому писать о другом неинтересно; все становится интересным через это» [1, с. 148]. Далее автор выявляет оптимальную форму мистериальной презентации в стихах: «... самый выигрышный способ описывать мистирию так, чтобы сохранить минимум от ее внешней торжественности, но максимум – от ее мистериальной сущности, состоит в том, чтобы тематизировать свой испуг перед ней, свою слабость и робость» [1, с. 148]. Исследователь наблюдает реализацию этого способа в жертвенном посвящении О. Э. Мандельштама. Перечисляя варианты тематизации аффектов страха в его произведениях (перед болезнью, предсказаниями ранней смерти, космосом, звездами, лесом, ночным морозом, террором, нищетой и немощью), С. С. Аверинцев выяв-

ляет амбивалентность в переживаниях поэта. Экстатическое приятие, наслаждение мотивами гибельности и опасности мира интерпретируются как готовность посвящаемого к жизни/смерти. «Снова и снова – тема казнителя как источника того посвящения, которое нужно поэзии» [1, с. 152]. Через выявление инициатической природы страха в творчестве поэта достаточно четко определяется мистическая презумпция, заложенная в основе его поэзии [1, с. 148]. Таким образом, в данном случае инициация рассматривается как мистерия.

С позиции участника инициации исследуется «роль женских архетипов в метасюжете инициации героев Ю. Олеши» в одноименной диссертации филолога Ю. А. Лобановой. Автор развивает инициационную версию интерпретации творчества писателя. Исследователь выявляет элементы как мужского возрастного, так и героического посвящения персонажей. Отец героя и женские персонажи маркируются как различные типы инициаторов (антагонист, «мать», «стерва», «кукла» и др.), что позволяет автору четко определить их характеристики и роли в сюжете [5, с. 6–7]. С другой стороны, обнаруживая признаки автоинициации писателя в судьбах персонажей, автор проецирует инициационное действие с литературного сюжета на биографию писателя, выстраивая соответствия между художественными актами и реальными событиями. Путь героя/художника рассматривается как траектория духовного восхождения и падения личности. Революция в сюжете рассматривается как воплощение инициационного мифа, что «позволяет по-новому взглянуть на проблему ««писатель и власть», т. е. на отношение писателя к революции и советскому государству» [5, с. 4]. В целом творчество Ю. Олеши представлено как единый метатекст, в котором автор творит свой собственный миф об инициации героя. Данный подход позволяет рассмотреть специфику рождения художественного образа.

В исследованиях фольклорных, сказочных сюжетов за внешними действиями героев, как правило, вскрывается завуалированный инициационный мотив их поведения. При дан-

ном подходе в литературной основе выделяют трехчастную модель посвящения (отделение-испытание-включение) и выстраивают инициационную логику поведения персонажей. Филолог А. Худзиньска-Паркосадзе в статье «Парадигма инициации в сказке «Василиса Прекрасная», подробно прослеживая процесс преобразования героини, расширила трехчастную модель до семи этапов посвящения. Это помогло выявить неожиданные качества героини, соответствующие конкретному виду посвящения. В результате исследователь определяет категорию женского посвящения у Василисы Прекрасной не как возрастную «социальную» (которую в традиционном обществе проходили все девушки перед замужеством), а как специализированную – «мистическую и гносеологическую» (инициацию в ведьмы) [8, с. 101].

Произведения великих отечественных классиков также исследуются в данном ракурсе. Филолог Т. М. Ляшенко в своем исследовании соотносит женскую инициацию молодой царевны в «Сказке о мертвой царевне и семи богатырях» А. С. Пушкина с женской инициацией Сонечки Мармеладовой из романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Т. М. Ляшенко выявила общность языковых средств в авторской сказке и в романе, а именно – идентичность инициационных моделей поведения персонажей. По мнению автора, данный подход «открывает возможности для более глубокого понимания идейного содержания произведения», например, объясняет, зачем писатель образ светлой героини Сонечки по сюжету погружает на социальное дно [6].

В научной статье «Сюжет духовной «инициации» героев в романе «Евгений Онегин» философ В. Ю. Даренский анализирует судьбы персонажей романа А. С. Пушкина, используя «инициационный» подход. Автор объясняет, что это «позволяет концептуализировать универсальный, не зависящий от интересов и мировоззрения читателя, принцип воздействия этого произведения на его сознание и миропонимание» [2, с. 214]. Сравнивая литературный анализ с архаической инициацией, исследователь делает об-

щий вывод о глубинной экзистенциальной функции литературных инициационных текстов, т. е. порождающих духовную инициацию у читателя за счет предельно концентрированной передачи опыта жизни на грани смерти, как символического «прохождения через смерть» и «второго рождения» [2, с. 217]. То есть притягательность инициационности в сюжете связана с архетипическими основаниями психики читателя, которой требуются инициационные переживания. Таким образом, автор, вслед за психологами, утверждает врожденную потребность человека в инициации. Далее, определяя главное содержание инициации как радикальную личностную трансформацию, В. Ю. Даренский связывает данную особенность инициации со спецификой национальной культуры как «культуры преображения», главный вектор которой направлен не на частное самоутверждение человека, а на его духовное преображение, устремленность к идеалу. Исходя из этого утверждения, В. Ю. Даренский объясняет «незавершенность» романа «Евгений Онегин» потенциальной возможностью «второго рождения» главного героя [2, с. 232]. Автор предлагает свою инициационную типологию персонажей романа: незавершенность преображения души у Онегина; полная «инициация» в соответствии с народным образцом у Татьяны; трагически-романтическая «инициация» у Ленского; «обыденная», наиболее распространенная и весьма бесплодная, «инициация» у Зарецкого; народно-подвижническая «инициация» у няни [2, с. 233]. Кроме того, автор переносит признаки инициационного преображения героев в романе на собственную судьбу и творчество А. С. Пушкина. Для нашего исследования особо важным является следующее замечание В. Ю. Даренского: «...в универсальном смысле «инициация» стала научным термином, который уже никак не связан ни с язычеством, ни с первобытной культурой, но обозначает универсальный феномен экзистенциальной трансформации, имеющей место у людей всех без исключения культур...» [2, с. 217].

Помимо литературы «инициационный» подход активно применяется в исследовании зрелищных видов искусства. Театр является самой органичной художественной средой для инициации. История посвящения как культовой практики сохранила память о многообразных формах театрализации ритуала. Но данный вопрос предполагает подробное и многоаспектное исследование.

Здесь же приведем примеры из научной практики киноведения. В статье «Инициация страхом как модель советской киносказки 1960-х годов» П. Ю. Зернова синтезирует сразу несколько подходов, рассмотренных нами выше. С помощью модели инициации ученый сравнивает советское кино 30-х и 60-х гг. Автор, анализируя такие киносказки 30-х гг. (в прямом и переносном смысле), как «Светлый путь» (реж. Г. В. Александров), трилогию о Максиме (реж. Г. В. Козинцев и Л. З. Трауберг), «Золотой ключик» (реж. А. Л. Птушко), «Кощей бессмертный» (реж. А. А. Роу), замечает умение героев социалистического реализма этого периода изящно и легко бороться со злом, так как «они изначально обладают самыми лучшими качествами истинного Героя – строителя светлого будущего» [4, с. 23]. В советских киносказках конца 50-х – 60-х годов («Старик Хоттабыч», реж. Г. С. Казанский; «Сказка о потерянном времени», реж. А. Л. Птушко; «Королевство кривых зеркал», реж. А. А. Роу) персонажи, проходя через сложные приключения, уже осознают свои несовершенства и исправляются, становясь настоящими советскими героями. В первом случае инициация не наблюдается, она имитируется, так как герой преображает не себя, а окружающий мир, а во втором случае – налицо признаки инициации, совершенствование личности через преодоление своих слабостей и состояния «детства». Именно в нарушении глубинной логики процесса инициации автор находит причину упадка жанра киносказки в 30-е гг. [4, с. 24]. Автор отмечает также интересные идеи С. М. Эйзенштейна о важности ритуального мотива в искусстве в контексте поисков идеальных форм воздействия экран-

ного изображения на человека. В частности, С. М. Эйзенштейн указывал, что в основе обрядности лежала абсолютная вера в происходящее, в связи с чем возникало и чувственное, эмоциональное подключение зрителя [4, с. 25]. Потому для установления соответствия обряда со сказкой в киноискусстве советского периода 60-х гг. были найдены новые возможности репрезентации инициации советского человека, связанные с познанием страха. Таким образом, посредством модели инициации и ее элемента «преодоление страха» автор выявил специфику исторической трансформации советского киножанра.

В настоящее время термин «инициация» в значении культовой практики выходит за пределы религиозно-философского и этнографического локусов и активно заимствуется филологами, искусствоведами как инструмент исследования проблем художественной культуры. Сами философы и культурологи находят в этом компромиссное решение проблемы исчезновения инициации как общей системы социализации и инкультурации. Напряжение от непройденной инициации в современном обществе во многом снимает художественная культура как среда реализации инициационных процессов. Между ритуалом инициации и художественной практикой всегда поддерживалась органичная связь. На ранних этапах культурогенеза при формировании ритуала посвящения искусство выполняло служебную роль по отношению к культуре. Впоследствии искусство вышло из подчиненной роли, растворив в своей основе инициационное содержание. «Инициационный» подход в современных научных исследованиях художественной культуры позволяет многоаспектно интерпретировать художественный образ. При этом утверждать полную реализацию феномена инициации в данной среде неправомерно, так как на практике реализуются лишь отдельные проявления сложного механизма ритуального комплекса инициации. Тем не менее, его широкие потенциальные возможности активно помогают исследовать феномен человека и проблемы современной культуры и искусства.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Страх как инициация: одна тематическая константа поэзии Мандельштама / С. С. Аверинцев // Аверинцев и Мандельштам. Статьи и материалы. Записки Мандельштамовского общества. Выпуск 17. Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2011. С. 147–154.
2. Даренский В. Ю. Сюжет духовной «инициации» героев в романе «Евгений Онегин» // *Studia Litterarum*. 2019. Т. 4, № 1. С. 214–235.
3. Зайцев П. Л. Чтение и инициация: поиски смысла в ситуации «смерти автора» // *Вестник Омского университета*. 2019. Т. 24, № 3. С. 80–83.
4. Зернова П. Ю. Инициация страхом как модель советской киносказки 1960-х годов // *Вестник ВГИК / Т. 12, № 4 (46)*. 2020. С. 22–31.
5. Лобанова Ю. А. Роль женских архетипов в метасюжете инициации героев Ю. Олеши : автореферат дис. ... кандидата филологических наук, Барнаул, 2007. 22 с.
6. Ляшенко Т. М. Языковые средства, формирующие мотив женской инициации в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // *Филология: научные исследования*. 2018. № 4. С. 341–351.
7. Прищенко С. В., Цыганова И. В. Сосуд в мифопоэтической традиции: атрибут Бога и актер инициации Героя // *Общество: философия, история, культура*. 2021. № 11. С. 108–113.
8. Худзиньска-Паркосадзе А. Парадигма инициации в сказке «Василиса Прекрасная» // *Вестник славянских культур*, 2019. Т. 51. С. 99–115.
9. Элиаде М. Тайные общества и обряды инициации и посвящения / Москва, София: ИД Гелиос, 2002. 304 с.

References

1. Averintsev S. S. Fear as initiation: one thematic constant of Mandelstam's poetry / S. S. Averintsev // *Averintsev and Mandelstam. Articles and materials. Notes of the Mandelstam Society. Issue 17. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2011, pp. 147–154. (In Russ)*
2. Darenky V. Yu. The plot of the spiritual “initiation” of the characters in the novel “Eugene Onegin” // *Studia Litterarum*. 2019. V. 4, No. 1. S. 214–235. (In Russ)
3. Zaitsev P. L. Reading and initiation: the search for meaning in the situation of the “death of the author” // *Bulletin of the Omsk University*. 2019. V. 24, No. 3. S. 80–83. (In Russ)
4. Zernova P. Yu. Initiation by fear as a model of the Soviet film fairy tale of the 1960s // *Vestnik VGIK / V. 12, No. 4 (46)*. 2020, pp. 22–31. (In Russ)
5. Lobanova Yu. A. The role of female archetypes in the meta-plot of the initiation of Yu. Olesha's heroes: abstract of dis. ... candidate of philological sciences, Barnaul, 2007. 22 p. (In Russ)
6. Lyashenko T. M. Linguistic means that form the motive of female initiation in F. M. Dostoevsky's novel “Crime and Punishment” // *Philology: scientific research*. 2018. No. 4. P. 341–351. (In Russ)
7. Prishchenko S. V., Tsyganova I. V. Vessel in the mythopoetic tradition: an attribute of God and an actor of the Hero's initiation // *Society: philosophy, history, culture*. 2021. No. 11. P. 108–113. (In Russ)
8. Hudzinska-Parkosadze A. The paradigm of initiation in the fairy tale “Vasilisa the Beautiful” // *Bulletin of Slavic Cultures*, 2019. V. 51. P. 99–115.
9. Eliade M. Secret societies and rites of initiation and initiation / Moscow, Sofia: ID Helios, 2002. 304 p. (In Russ)

*

Поступила в редакцию 09.08.2022

ТЕЛО КАК АРТ-ОБЪЕКТ В СЕРИИ ФОТОГРАФИЙ ИРАНО-АМЕРИКАНСКОЙ ХУДОЖНИЦЫ ШИРИН НЕШАТ

УДК 77.041

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-71-79>

Н. В. Казурова

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: kazurova@inbox.ru

Аннотация: Ширин Нешат широко известна как ирано-американский автор фотографий, видео-инсталляций и полнометражных фильмов. Художница раз за разом идет на эксперимент и преодолевает узкие рамки отдельно взятых жанров визуальных искусств. Гибридность искусства Нешат заключается в постоянном поиске элементов, объединяющих разные аудиовизуальные медиа в пространственно-временном континууме между Западом и Востоком. Художница одновременно стремится к документальной точности и иносказательности. Основными проблемами, которых касается автор в своих произведениях, являются женский вопрос, гендерная сегрегация полов, природа рождения насилия, историческое взаимодействие между традицией и модернизацией. Ключом к прочтению ее работ выступает интерпретация телесного. В статье рассматривается женское тело как арт-объект в контексте иранской политической истории и культурной традиции в первой и принципиально важной для творчества Нешат серии фоторабот «Женщины Аллаха» (1993–1997), принесшей художнице мировую славу и определившей стиль и содержание ее последующих работ.

Ключевые слова: современное искусство, фотография, арт-объект, телесность, ислам, гендер, хиджаб, чадор, Иран, Ширин Нешат.

Для цитирования: Казурова Н.В. Тело как арт-объект в серии фотографий ирано-американской художницы Ширин Нешат // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №4 (108). С. 71-79. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-71-79>

THE BODY AS AN ART OBJECT IN A SERIES OF PHOTOGRAPHS BY IRANIAN-AMERICAN ARTIST SHIRIN NESHAT

Natalia V. Kazurova

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) Russian Academy of Science,
St. Petersburg, Russia
e-mail: kazurova@inbox.ru

КАЗУРОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЕВНА – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Лаборатории музейных технологий, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН

KAZUROVA NATALIA VALERYEVNA – Ph.D., Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow,
Museum Technology Laboratory, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera)
Russian Academy of Science

© Казурова Н.В., 2022

Abstract: Shirin Neshat is well-known as an Iranian-American author of photographs, video installations and feature films. The artist all the time chooses an experiment and overcomes the narrow limits of individual genres of visual arts. The hybridity of Neshat's art lies in the constant search for elements that unite different audiovisual media in the space-time continuum between West and East. The artist simultaneously works with documentary authenticity and allegoricalness. The main cases that the author deals with in her creation are the women's right, gender segregation, the nature of the birth of violence, the historical interaction between tradition and modernization. The key to decoding her work is the interpretation of the corporeality. The article deals with the female body as an art object in the context of Iranian political history and cultural tradition in the first and fundamentally important Neshat's Women of Allah Series (1993–1997), which brought the artist world success and determined the style and content of her further works.

Keywords: Contemporary Art, Photography, Art Object, Corporeality, Islam, Gender, Hijab, Chador, Iran, Shirin Neshat.

For citation: Kazurova N. V. The body as an art object in a series of photographs by Iranian-American artist Shirin Neshat. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 4 (108), pp. 71–79. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-71-79>

Ширин Нешат – американская художница иранского происхождения, родившаяся в 1957 в городе Казвине и уехавшая из Ирана изучать искусства в Калифорнийском университете в Беркли. Вернуться в страну ей помешали события Исламской революции (1978–1979). Оставшись в эмиграции, художница смогла вновь посетить родину лишь спустя двенадцать лет после провозглашения Исламской республики Иран (далее – ИРИ). По приезде в Иран Нешат столкнулась со страной, которую прежде не знала; оценка произошедших политических, социальных и культурных преобразований в ИРИ подтолкнула художницу к творчеству. Она создает принесшую ей всемирную известность серию фотографий «Женщины Аллаха» (1993–1997), за которой последовали не менее тепло встреченные специалистами и публикой видеoinсталляции (1998–2022), фильмы «Женщины без мужчин» (2009) и «В поисках Умм Кульсум» (2017), постановка оперы «Аида» (2017). В последние годы Нешат воплотила в жизнь крупный видеопроект «Земля мечты» (2020), выступила куратором выставки работ иранских женщин-художниц в Нью-Йорке (2019), провела несколько персональных выставок в разных частях света.

Политическая турбулентность в Иране напрямую повлияла на жизнь и творчество авторов поколения Ширин Нешат. Многие

деятели искусства были вынуждены уехать и остаться в эмиграции на долгие годы. Тем не менее творчество Нешат, как и многих других художников-иранцев, на чужбине тесно связано с традициями родной страны. Оно опирается на культурные каноны Ирана и личную биографию авторов. Исламская революция 1979 года разделила на *до* и *после* не только политическую историю страны, но и историю искусства, в частности.

Революция внесла радикальные изменения в политическую и повседневную жизнь Ирана. На ближайшее десятилетие с 1979 по 1990 годы в искусстве и культуре ИРИ доминирует исламская государственная пропаганда, сильно ограничивающая творческий потенциал и свободу граждан Исламской республики [7; 6]. Курс на либерализацию внутри страны и поиск общего языка между Ираном и Западом станут возможны с приходом к власти президента М. Хатами (1997–2005) [1, p. 6; 11, p. 833]. Более гибкая политика Хатами внесла изменения и в культурную сферу: кинематограф и современное искусство становятся важными брендами концепции «диалога цивилизаций». «В послереволюционный период иранские художники столкнулись с определенными ограничениями в реализации своих идей на практике, с отсутствием возможности представить свои полотна ши-

рокой аудитории, однако в настоящее время в мире иранского искусства появилось много оригинальных и выразительных работ» [14, р. 23]. В 2000-е годы не только фильмы иранских режиссеров становятся известны далеко за пределами страны, но и произведения художников и фотографов. Работы авторов в эмиграции, в том числе Ширин Нешат, являются неотъемлемой частью культурного феномена современного иранского искусства.

Свой творческий путь художница начинает с создания серии фотографий «Женщины Аллаха», в которой она обращается к жанру портрета. Нешат работает над каждым снимком из цикла поэтапно. Сначала она генерирует идею, затем добивается воплощения задуманного образа на пленке и после печати доводит свой концепт до логического завершения. Для этого она вручную поверх изображения лица, кистей рук и стоп женщин наносит на них каллиграфическим почерком цитаты на персидском языке из стихотворений иранских поэтесс, например, Форух Фаррохзад¹ или Тахере Саффарзаде². Кроме того, фотографии Нешат часто сопровождаются иносказательными подписями, такими как «Я – Его тайна», «Мятежное молчание», «Верность пробуждению», «Лицом к лицу с Богом», «В поисках мученичества».

¹ Форух Фаррохзад (1935–1967) – иранская поэтесса и режиссер. Фаррохзад в лиричной форме делится с читателем интимными, душевными переживаниями от своего лица, она соединяет в своем творчестве чувственный, феминный, во многом инстинктивный, мир и гражданскую позицию за расширение женских прав. Ее документальный фильм «Дом – черный» (1962) является предтечей иранской «Новой волны». Форух Фаррохзад для многих в стране стала кумиром и символом грядущих преобразований в культуре и социальной сфере.

² Тахере Саффарзаде (1936–2008) – иранская поэтесса и писательница, переводчица и ученый. Саффарзаде опубликовала четырнадцать томов стихов. Она также является автором десяти книг о принципах перевода литературных, научных и коранических текстов. Саффарзаде опубликовала свой собственный двуязычный перевод Корана на персидский и английский языки в 2001 году. Это первый двуязычный перевод Корана и первый перевод Корана на английский язык женщиной.

При работе над серией «Женщины Аллаха» Нешат не занимается непосредственно съемкой фотографий, для этого она приглашает к сотрудничеству профессиональных фотографов, сама же художница выступает в качестве автора идеи и координатора процесса, также она становится моделью для этих съемок. Снимки отличаются друг от друга по техническим характеристикам, так как выполнены разными фотографами, однако они объединены общей задумкой и художественным оформлением, реализованным инициатором проекта – Ширин Нешат.

«Женщины Аллаха» тесно связаны с исламской культурой и концептуально отсылают к войне и миру на мусульманском Востоке. Уже в первых фотографиях прослеживаются основные приемы работы, получившие более полное развитие в последующих произведениях художницы. Среди ключевых стилистических особенностей можно назвать минимализм и игру на контрасте. Отсюда пристрастие Нешат к работе с монохромом. Фотографии «Женщины Аллаха» бросают вызов одновременно аудитории Востока и Запада, не случайно художница использует в своем творчестве выразительные образы – женщина в хиджабе (чадоре)³, оружие, кроваво-красные вкрапления в изображение, которые являются практически единственной альтернативой монохромной цветовой гамме. Сюжеты фотографий чередуются «по принципу серии бинарных оппозиций» [13, р. 172], где происходит четкое деление на женское/мужское, жизнь/смерть, Запад/Восток, современное/традиционное, мир/война, насилие/доброта, свобода/тюрьма, запретное/дозволенное,

³ Хиджаб (араб. преграда, завеса) – покрывало, накидка, надеваемые женщинами-мусульманками при выходе на улицу и скрывающая лицо и фигуру. Существуют различные виды хиджаба. Сегодня в мусульманских странах большее распространение получил упрощенный вариант хиджаба – головной платок и одежда, закрывающая руки и шею. Чадор (перс. шатер, палатка) – разновидность хиджаба в Иране, который покрывает фигуру женщины с головы до ног, покрывало обычно придерживают под подбородком одной рукой. Лицо остается открытым.

явленное/сокрытое и пр. Впоследствии о бинарных образах – как о фирменной подписи работ Нешат – будут писать искусствоведы и арт-критики в каталогах выставок [5, р. 557; 16, р. 145] и исследователи в аналитических статьях [1, р. 1; 18, р. 390]. В целом ранние работы художницы можно определить как буквалистские и дидактические. Постепенно система выразительных средств в работах Нешат начинает работать на усложнение формы и углубление содержания ее произведений посредством разнообразия художественных тропов, а, следовательно, поэтизации изобразительного нарратива, а также – через отсылки к философским категориям и мистическим аллюзиям при сохранении минималистичной, одноцветной манеры.

В качестве примера того, как конкретные детали в фотографиях Нешат вытесняют и заменяют реалистичные элементы аллегорическими, можно упомянуть мотив тюльпана. В иранских революционных эмблемах этот цветок используется как повсеместный символ мученичества и самопожертвования⁴. Образ тюльпана, вставленного в ствол винтовки, которую держит в своих руках женщина, также распространен в ИРИ и воспроизводится на плакатах, в журналах, на почтовых марках и в других средствах массовой информации. В своих фотографиях Нешат обыгрывает этот важнейший для Исламской республики символ. Художница перемещает женщину с революционных улиц в пространство студии, в которой та, в свою очередь, держит в руках симметрично винтовку и цветок. Стебель цветка не вставлен в дуло, сам цветок не кроваво-красный, как принято в официальной трактовке государства, а с желтыми краями на лепестках. Правая рука женской фигуры недозволено открыта

⁴ Государственная эмблема ИРИ также представляет собой стилизованную под тюльпан надпись «Аллах». Это дань поверью, согласно которому на могиле павшего за веру (шахида) вырастет красный тюльпан. О роли культа мученичества в жизни Исламской республики и об уважении и почете, который оказывают мученикам, говорит и их упоминание в государственном гимне страны.

по локоть, как и ее шея. В целом наряд больше напоминает одежду монахини, чем иранский чадор. В итоге перед зрителем предстанет броский персонаж, намекающий на революционерку и собранный из важных для ее борьбы элементов, но в целом делающий этот привычный образ из СМИ более живым и лиричным. Стоит заметить, что к цветочному метафоризму в целом прибегают многие иранские деятели искусства, например, известный режиссер Мохсен Махмальбаф в своем фильме «Миг невинности» (1996) (оригинальное название на персидском языке «Хлеб и цветочный горшок») противопоставляет мир войне через символическую победу цветка над оружием.

Вся работа по созданию серии пронизана деликатным отношением к телесному. Нешат запечатлевает женские фигуры на крупных и общих планах, заостряя внимание на отдельных частях человеческого тела. Художница не просто совместно с фотографами композиционно выстраивает кадр, но также выполняет кропотливую работу по нанесению каллиграфических надписей и орнаментов на изображенные лица, ладони, стопы женщин на отпечатанных снимках. Нешат поясняет, что на создание орнаментов и узоров «ее вдохновили южноазиатские и северо-африканские рисунки хной и татуировки, которые не являются иранской или даже исламской практикой. Скорее хна и татуировки распространены в разных странах Азии, например, в Индии и не обязательно в мусульманских регионах этого государства» [3, р. 143]. Нешат подчеркивает отсутствие точной географической и культурной привязки, тем самым объясняет, что она создает некий собирательный образ, отсылающий одновременно к мусульманскому Востоку, а также к Южной Азии и Африке. Гибридность ее творчества состоит не только в диалоге между Востоком и Западом, но и в смешении нарративов внутри самого восточного дискурса. И одним из ключевых проводников этого дискурса для Нешат выступает женское тело, которое неизменно в ее фотоработах превращается в арт-объект.

Фотографии Нешат, на первый взгляд, практически полностью соответствуют законодательным ограничениям в отношении демонстрации женского тела в публичном пространстве в современном Иране. Героини укрыты согласно иранскому дресс-коду, чадор покрывает женские тела с ног до головы, что строго предписано этикой поведения в обществе после провозглашения страны Исламской республикой. Однако на их лицах и прочих частях тела можно наблюдать разнообразные каллиграфические узоры. Иранский зритель знает правила нормативной модели поведения женщин в публичном пространстве и сразу понимает, что элементы декоративной росписи вступают в конфликт с этими нормами поведения. Женские тела в чадорах представлены на фотографиях в своем диалектичном единстве: с одной стороны, позы героинь словно отсылают к иконографии изображения революционерок, боровшихся за идеалы исламской революции, с другой стороны, декоративные каллиграфические узоры, сплетенные арабской вязью из цитат иранских поэтов, творчество которых ассоциируется в Иране с модернизмом и феминизмом, резко контрастируют со статичными фигурами женщин на этих снимках.

В ранних работах Нешат находит воплощение ее обеспокоенность протекающими на Востоке процессами. Запад как таковой не представлен на этих фотографиях. Однако основной аудиторией творчества художницы был и остается, в первую очередь, западный мир искусства⁵. Именно продвижение европейскими и американскими кураторами и искусствоведами работ Нешат на арт-рынок обеспечило ей грандиозный успех по всему миру и сделало ее, пожалуй, самым авторитетным автором, который говорит на языке ви-

зуальных медиа о статусе женщины в исламе, о роли гендера в современной общественно-политической жизни мусульманских стран, о взаимодействии мужского и женского с позиций традиционного и модернизированного. Творческий прием художницы состоит не в прямом раскрытии социальной реальности и документальном погружении зрителя в политический контекст, а рассчитан на аллегорическое прочтение визуального нарратива. Портретные, близкие по жанру к журналистским фотографиям, работы Нешат в сдержанной манере с минимальными подсказками (отсутствует указание на историческое время съемок, насыщение ткани фотографии реквизитом, в качестве вневременных символов присутствуют лишь оружие и/или тюльпан) создают двусмысленность в интерпретации и оценке ее работ. Встречаются буквально противоположные трактовки художественного метода, примененного Нешат в работе над фотосерией «Женщины Аллаха».

Некоторые исследователи творчества Нешат полагают, что ее работы ставят под сомнение западный подход к изображению фигуры человека с акцентом на индивидуальности личности. Нешат подвергает художественной критике образ иранской революционерки в средствах массовой информации, где анонимный и массивный силуэт женщины в чадоре стал клише с первых дней революции. В «Женщинах Аллаха» художница отталкивается от абстрактного неперсонифицированного образа иранки и переходит к репрезентации индивидуума, отказывается от стереотипного общего портрета коллектива в пользу более личного и индивидуального изображения одной фигуры, созданного в студийной обстановке. И все же, тем не менее, в западной традиции принято считать, что проницательная портретная фотография раскрывает что-то в характере и внутренней личности субъекта. Однако фотографии Нешат отсылают скорее к форме, чем к психологическому портрету. Женщины сняты в нейтральном состоянии, они лишены эмоций, на их лицах невозможно прочесть злость или, на-

⁵ В России творчество Ширин Нешат было представлено в 2003 году на выставке (совместно с американским художником, автором работ в жанре видеоарта, Б. Виллоу) в Государственном Эрмитаже. Кроме того, В. Пелевин в своем романе «iPhuck 10» (2017) пишет о работах художницы как о знаковых произведениях искусства рубежа XX–XXI вв. и посвящает ей отдельный раздел.

оборот, радость. Отстраненность от событий внешнего мира в фотографиях дополнительно усиливается декоративностью: орнаментальный и необъемный узор, покрывающий тела женщин, делает изображение более плоским, отсутствие внутренней глубины кадра и психологизма персонажей работает на создание внеисторического эффекта и делает фотографии открытыми для аллегорического прочтения (См. подробнее: 3, р. 144).

Если И. Дади пишет о стилистической природе фоторабот Нешат на стыке западного и восточного понимания формы и содержания в положительном ключе, некоторые исследователи упрекают художницу в чрезмерной условности и невозможности коммуникации западного зрителя с восточной культурой через ее фотографии. «Тела в работах Нешат безмолвны и искусственны, покрыты украшениями и почти безличны. Современные иранские стихи, которые призваны дать им голос, не читаемы для западной публики (на выставках тексты с фотографий Нешат редко сопровождаются переводом), что создает дистанцию между изображением и его зрителями» [1, р. 11]. Автор приведенной цитаты сетует на то, что трудно испытать какое-либо сочувствие к аллегорическому изображению мусульманки без проявленных на фото эмоций и чувств; с его точки зрения, женщины Нешат не пассивны и не активны, их тела одновременно и не покрыты, и не представлены во всей их полноте.

Современное иранское искусство часто связывают с терминами «искусство чадора» («*chador art*») (17, р. 562) или «экзотика» («*exoticism*») [8]. Разумеется, тема ношения хиджаба, угнетения, лишения женщин прав и гендерное неравенство в обществе – популярный мотив в произведениях иранских авторов, в особенности, в работах художниц [10, р. 6–7]. Тело становится главным символом протеста и объектом художественной игры. Посредством отсылок к телесному деятелю искусства привлекают внимание аудитории к проблемам и от имени женского тела обличают многие противоречия социального и политического

порядка как внутри страны (борьба консерваторов и реформаторов в самом Иране), так и за ее пределами (столкновение привычек и этических установок в повседневных практиках западного и восточного образов жизни).

Ширина Нешат является влиятельным художником современного иранского искусства в эмиграции и, несомненно, ее работы тесно связаны с искусством, педалирующим гендерную проблематику. При этом художница, работая со сложными социальными и культурными процессами, протекающими на мусульманском Востоке, в своем искусстве и в публичном пространстве стремится избегать громких политических лозунгов [13, р. 166] и, тем более, обвинений в адрес господствующего режима за их «антигуманную позицию» по отношению к женщинам или иным социальным группам в обществе. Сюжеты ее фотографий вписываются в политический и культурный контекст иранской истории и претворяются в жизнь согласно логике этой истории. Однако посыл работ Нешат выходит за пределы узконаправленной критики политического строя или социального уклада в Иране и шире – в мусульманском мире; ее работы не о сиюминутном споре с традицией, а попытка проникнуть вглубь этой традиции, показать художественными средствами природу гендерных отношений. Строго говоря, ее работы не о борьбе за равноправие полов, а визуализация идеи гендера. Ширина Нешат удается создать дистанцию между зрителем и произведением, этот эффект отстранения способствует прочтению ее работ не линейно, а как развернутую метафору мужского и женского. Художница многократно говорила в интервью: «Я не активистка. Я не феминистка. Я художница из Ирана, живущая здесь (на Западе, в США)» [4, р. 53]. Фотоработы Нешат – это не приговор, а попытка разобраться в особенностях и тонкостях взаимоотношений между мужчиной и женщиной на стыке разных культур.

Не менее распространенная позиция искусствоведов и арт-критиков рассматривать работы Нешат с позиций транснационального подхода. Известный ирано-американский ис-

следователь Х. Дабаш в своем эссе применяет к произведениям Нешат термин «*трансэстетика*» («*transaesthetics*») [2, p. 53], рассуждая о том, что «искусство художницы не является иранским, исламским, западным, восточным или действительно разделенным на две части в строгом смысле слова, любая такая национальная, региональная или биполярная дихотомия или спектр эмоций не применимы к описанию ее творчества» [2, p. 53]. Следуя логике Дабаш, сама фигура Нешат на фотографиях аллегорична: она не воспринимается ни как свободный индивидуум, ни как неотъемлемый член коллектива в неволе, она не принадлежит ни Ирану, ни иному другому месту; художница одновременно обыгрывает стереотипные образы «молчаливой мусульманки» и «грозной революционерки и террористки» и противостоит им.

В продолжение мысли Х. Дабаш можно привести пример поэтической оценки творчества и миссии Нешат как художника: «Нешат определяет свою работу как персональную эстетику и художественное путешествие, а не как политический манифест <...> Вероятнее всего, это нежелание самой Нешат как транснационального художника определять свою роль в искусстве в качестве переводчика визуального языка одной культуры на язык другой. Однако то обстоятельство, что она обращается к иранскому наследию, заставляет ее находиться одновременно в двух ипостасях: и выступать интерпретатором, и отрицать сам этот факт. В своих работах она представляет Восток как внеисторическую и вневременную вещь в себе, возможно, это образ Востока, вызванный ностальгией и воспоминаниями,

однако это тот Восток, который можно представить только находясь на территории Запада, собственно того места, откуда она и ведет переговоры» [15, p. 52].

Итак, художница в своем творчестве опирается на репертуар классических востоковедных образов завуалированной, бесстрастной фигуры, которую следует прочитывать в пространстве аллегории. Нешат так объясняет свое взаимодействие с телесностью: «Моей первой художественной работой была серия фотографий «Женщины Аллаха», посвященная теме революции и понятию «мученичества». В этой серии был элемент перформанса, так как я сама для нее позировала. Фотографии были минималистичными, несколько элементов на них повторялись снова и снова: женское тело – очень проблемная тема в исламской культуре, поскольку она наводит на мысли о стыде, грехе и сексуальности; каллиграфически написанные прямо на фотографиях стихи иранских поэтов; оружие, явный символ насилия; и, наконец, хиджаб, чрезвычайно противоречивый, считающийся как символом репрессий, так и символом сопротивления Западу и освобождению от его влияния» [9, p. 628]. Ширин Нешат фиксирует мельчайшие нюансы взаимодействия и разобщения между людьми одновременно внутри одной и внутри разных культур на Востоке и Западе. В качестве посредника она выбирает свою персональную идентичность и превращает свое собственное тело в арт-объект. В итоге Нешат создает в буквальном и переносном смысле реальность, художественно очерченное «третье пространство» [12, p. 55] между символическим Востоком и Западом.

Список литературы

1. Cherem Y. The Absent Subversion, the Silent Transgression: The Voice and the Silence of the Body in Some Contemporary Iranian and Arab Artists // Journal of Art History. 2016. Vol. 85 (4). P. 1–28.
2. Dabashi H. Transcending the Boundaries of an Imaginative Geography. In Shirin Neshat: La ultima palabra / The Last Word by Shirin Neshat and Hamid Dabashi. Milan: Charta. 2005. P. 30–85.
3. Dadi I. Shirin Neshat's Photographs as Postcolonial Allegories // Signs. 2008. Vol. 34 (1). P. 125–150.
4. Ebrahimian B. Passage to Iran (Shirin Neshat interviewed by Babak Ebrahimian) // PAJ: A Journal of Performance and Art. 2002. Vol. 72. P. 44–55.

5. Hasegawa Y. Selections for the Tenth New York Digital Salon // LEONARDO. 2002. Vol. 35 (5). P. 549–558.
6. Imber K. Contemporary Iranian Art: New Perspectives (Reviews) // Iranian Studies. 2006. Vol. 49 (1). P. 176–180.
7. Keshmirshakan H. Contemporary Iranian Art: The Emergence of New Artistic Discourses // Iranian Studies. 2007. Vol. 40 (3). P. 335–366.
8. Keshmirshakan H. The Question of Identity vis-à-vis Exoticism in Contemporary Iranian Art // Iranian Studies. 2010. Vol. 43 (4). P. 489–512.
9. MacDonald S. Between Two Worlds: An Interview with Shirin Neshat // Feminist Studies. 2004. Vol. 30 (3). P. 620–659.
10. Moore L. Frayed Connections, Fraught Projections: The Troubling Work of Shirin Neshat // Women: A Cultural Review. 2002. Vol. 13 (1). P. 1–17.
11. Nakjavani E. Amidst Shadow and Light: Contemporary Iranian Art and Artists (Reviews) // Iranian Studies. 2012. Vol. 45 (6). P. 831–837.
12. Navab A.D. Unsayng Life Stories: The Self-Representational Art of Shirin Neshat and Ghazel // The Journal of Aesthetic Education. 2007. Vol. 41 (2). P. 39–66.
13. Rounthwaite A. Veiled Subjects: Shirin Neshat and Non-liberatory Agency // Journal of Visual Culture. L.A., L., New Delhi, Singapore, 2008. Vol. 7 (2). P. 165–180.
14. Saadi-Nejad M. Mythological Themes in Iranian Culture and Art: Traditional and Contemporary Perspectives // Iranian Studies. 2009. Vol. 42 (2). P. 231–246.
15. Shaw W.M. Ambiguity and Audience in the Films of Shirin Neshat // Third Text. 2001. Vol. 15 (57). P. 43–52.
16. Sonnenberg B., Stein J. Women of Allah: Secret Identities // Grand Street. 1997. Vol. 62. P. 140–145.
17. Torshizi F. The Unveiled Apple: Ethnicity, Gender, and the Limits of Inter-discursive Interpretation of Iranian Contemporary Art // Iranian Studies. 2012. Vol. 45 (4). P. 549–569.
18. Traficante A. Shirin Neshat: Soliloquy (Exhibition Review) // The Senses and Society. 2016. Vol. 10 (3). P. 390–393.

References

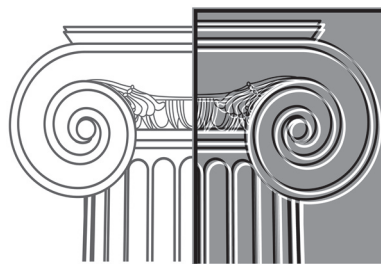
1. Cherem Y. The Absent Subversion, the Silent Transgression: The Voice and the Silence of the Body in Some Contemporary Iranian and Arab Artists // Journal of Art History. 2016. Vol. 85 (4). P. 1–28.
2. Dabashi H. Transcending the Boundaries of an Imaginative Geography. In Shirin Neshat: La ultima palabra / The Last Word by Shirin Neshat and Hamid Dabashi. Milan: Charta. 2005. P. 30–85.
3. Dadi I. Shirin Neshat's Photographs as Postcolonial Allegories // Signs. 2008. Vol. 34 (1). P. 125–150.
4. Ebrahimian B. Passage to Iran (Shirin Neshat interviewed by Babak Ebrahimian) // PAJ: A Journal of Performance and Art. 2002. Vol. 72. P. 44–55.
5. Hasegawa Y. Selections for the Tenth New York Digital Salon // LEONARDO. 2002. Vol. 35 (5). P. 549–558.
6. Imber K. Contemporary Iranian Art: New Perspectives (Reviews) // Iranian Studies. 2006. Vol. 49 (1). P. 176–180.
7. Keshmirshakan H. Contemporary Iranian Art: The Emergence of New Artistic Discourses // Iranian Studies. 2007. Vol. 40 (3). P. 335–366.
8. Keshmirshakan H. The Question of Identity vis-à-vis Exoticism in Contemporary Iranian Art // Iranian Studies. 2010. Vol. 43 (4). P. 489–512.
9. MacDonald S. Between Two Worlds: An Interview with Shirin Neshat // Feminist Studies. 2004. Vol. 30 (3). P. 620–659.

10. Moore L. Frayed Connections, Fraught Projections: The Troubling Work of Shirin Neshat // *Women: A Cultural Review*. 2002. Vol. 13 (1). P. 1–17.
11. Nakjavani E. Amidst Shadow and Light: Contemporary Iranian Art and Artists (Reviews) // *Iranian Studies*. 2012. Vol. 45 (6). P. 831–837.
12. Navab A.D. Unsayng Life Stories: The Self-Representational Art of Shirin Neshat and Ghazel // *The Journal of Aesthetic Education*. 2007. Vol. 41 (2). P. 39–66.
13. Rounthwaite A. Veiled Subjects: Shirin Neshat and Non-liberatory Agency // *Journal of Visual Culture*. L.A., L., New Delhi, Singapore, 2008. Vol. 7 (2). P. 165–180.
14. Saadi-Nejad M. Mythological Themes in Iranian Culture and Art: Traditional and Contemporary Perspectives // *Iranian Studies*. 2009. Vol. 42 (2). P. 231–246.
15. Shaw W.M. Ambiguity and Audience in the Films of Shirin Neshat // *Third Text*. 2001. Vol. 15 (57). P. 43–52.
16. Sonnenberg B., Stein J. Women of Allah: Secret Identities // *Grand Street*. 1997. Vol. 62. P. 140–145.
17. Torshizi F. The Unveiled Apple: Ethnicity, Gender, and the Limits of Inter-discursive Interpretation of Iranian Contemporary Art // *Iranian Studies*. 2012. Vol. 45 (4). P. 549–569.
18. Traficante A. Shirin Neshat: Soliloquy (Exhibition Review) // *The Senses and Society*. 2016. Vol. 10 (3). P. 390–393.

*

Поступила в редакцию 19.08.2022

СОВРЕМЕННЫЕ
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
ПРАКТИКИ

А РТ-МЕНЕДЖЕР В СПЕКТРЕ РИСКОВ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

УДК 005 : 7 : 004.5

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-81-87>

Т. Н. Суминова

Московский государственный институт культуры, Химки, Московская область, Российская Федерация

e-mail: tsuminova@yandex.ru

Аннотация: Впервые арт-менеджер и специфика его деятельности представлены в спектре рисков информационной цивилизации. Обозначены значимые качества и навыки арт-менеджера как гармонично развитой креативной личности для достижения устойчивого стратегического развития политики и солидарной экономики России. Рассмотрены проблемы взаимодействия человека и машины как естественного и искусственного интеллекта в процессе управления проектами в сфере искусств и культуры в условиях Нового гуманизма эпохи «Нового Ренессанса».

Ключевые слова: арт-менеджер, риски информационной цивилизации, антропологический кризис, символическая продукция, навыки гармонично развитой креативной личности, солидарная экономика, нравственная экономика, Новый гуманизм, Новый Ренессанс.

Для цитирования: Суминова Т.Н. Арт-менеджер в спектре рисков информационной цивилизации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №4 (108). С. 81–87. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-81-87>

ART MANAGER IN THE SPECTRUM OF RISKS OF INFORMATION CIVILIZATION

Tatyana N. Suminova

Moscow State Institute of Culture, Khimki, Moscow region, Russian Federation

e-mail: tsuminova@yandex.ru

Abstract: For the first time, an art manager and the specifics of his activity are presented in the spectrum of risks of an information civilization. Significant qualities and skills of an art manager as a harmoniously developed creative personality to achieve the strategic sustainable development of politics and the solidarity economy of Russia are indicated. The problems of human-machine interaction as natural and artificial intelligence in the process of managing projects in the sphere of arts and culture under the conditions of the New Humanism of the era of the “New Renaissance” are considered.

СУМИНОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – доктор философских наук, профессор кафедры социально-культурной деятельности, директор Издательского центра Московского государственного института культуры

SUMINOVA TATYANA NIKOLAEVNA – Full Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Social and Cultural Activities, Director of the Publishing Center of the Moscow State Institute of Culture

© Суминова Т.Н., 2022

Keywords: art manager, risks of information civilization, anthropological crisis, symbolic production, skills of a harmoniously developed creative personality, solidarity economy, moral economy, New Humanism, New Renaissance.

For citation: Suminova T. N. Art manager in the spectrum of risks of information civilization. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 4 (108), pp. 81-87. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-81-87>

В информационной цивилизации как «галактике Маркони» (М. Маклюэн) со спектром современных и грядущих рисков актуальна преобразующая/трансформирующая деятельность, креатив, инноватика самостоятельной/суверенной личности арт-менеджера, применяющей в своей активности спектр теоретико-методологических оснований (парадигмы, концепции, принципы, подходы, методы), что способствует рациональному осуществлению проектной деятельности (в данном случае – в сфере искусств и культуры) для достижения стратегического устойчивого развития политики и солидарной экономики России.

Одна из ключевых проблем современности – это антропологический кризис, связанный с «уничтожением человеческого в человеке» (Ю. А. Шрейдер), в данном случае – в арт-менеджере как «коммерсанте от искусства». В качестве решения данной проблемы может стать антропологическая революция, к которой еще в 1970-е годы призывал Аурелио Печчеи, создатель Римского клуба как гуманистической организации по исследованию будущего. Суть такой революции состоит в генерации Нового гуманизма, влияющего на самотрансформацию человека изнутри и поднятию такового на качественно новый уровень бытия/развития/жизнедеятельности, соответствующий современной уникальной VUCA-реальности. Творческий и убедительный Новый гуманизм приведет к появлению новых «духовных, философских, этических, социальных, эстетических и художественных» ценностей и мотиваций [7, с. 215], реанимации в человеке высших потребностей (любовь, дружба, взаимопонимание, солидарность, жертвенность, сосуществование), благ, приоритета духовности.

Неслучайно арт-менеджер, как и любой человек в современных условиях, обращает внимание на самоидентичность, задавая себе вопрос: «Кто я?» Осуществляя поиск ответов на данный вопрос, человек обращается в недра «Я» как некоей отправной точке роста, что способствует его самоидентификации, постижению своей сущности, генерированию целостной картины мира/«образа мира» как коммуникативной системы координат, осознанию собственного места в таковой, встраивания себя в эту целостность для реализации потенциала.

Пребывание арт-менеджера в информационной/диджитальной/ машинной/роботизированной цивилизации актуализирует постановку одного из философских вопросов о взаимодействии/взаимопонимании человека/естественного интеллекта и машины/искусственного интеллекта [5]. Программисты, робототехники, нейробиологи, компьютерные дизайнеры справедливо утверждают, что в настоящее время искусственный интеллект вторгся и категорически изменил пространство/реальность/повседневность/«образ мира»/профессиональную деятельность.

Арт-менеджер как современный цивилизованный человек осознает, что прошлое уже не вернется. Поэтому необходимо быть пластичным и находить собственное новое адекватное место под информационным «солнцем». В этой связи логично трактовать искусственный интеллект, информационные технологии исключительно в качестве средства для реализации различных идей. Однако в некоторых случаях возникает вопрос: можно ли воспринимать цифровые машины как партнеров по бизнесу в качестве значимых

элементов для осуществления предпринимательской деятельности в том или ином виде искусства? Конкретный ответ на этот философский вопрос человечество может получить и получит, вероятно, в течение ближайшего или через незначительный период времени. И всё-таки в условиях нового мирового диджитального порядка при соблюдении этического равновесия возможно мирное и эффективное сосуществование человека/естественного интеллекта и машины/искусственного интеллекта [4]. В целом обязательно и даже неизбежно наступят времена, когда люди и машины сфокусируются в единой глобальной открытой информационной матрице [3] с колоссальной динамикой потока, увлекающего Мир, в том числе сферы искусств и культуры, в воронку кодов/символов/смыслов.

В условиях агрессивного и сверхпродуктивного влияния «эпохи машин» (К. Руз) / «второй эры машин» (Э. Бриньолфсон, Э. Макафи) на реальность, на сферу искусств и культуры, безусловно, возможно появление «бесполезного класса» (Ю. Н. Харари), или «лишних людей» (Ф. М. Достоевский), которые вытесняются информационными технологиями, искусственным интеллектом и становятся невостребованными в любых индустриях, в том числе, в креативных. Чтобы противодействовать такой ситуации, арт-менеджеру важно быть устойчивым с различных позиций не только к настоящему, но и к будущему.

Следствием этого является актуальность развития ключевых навыков будущего, адекватных современным трендам, оказывающих существенное влияние на бытие и динамику развития арт-менеджмента, креативных индустрий того или иного вида искусства. Так, согласно исследованию «Навыки будущего. Что нужно знать и уметь в новом сложном мире», суммирующему многолетнюю совместную работу Global Education Futures и WorldSkills Russia по определению образа рабочих мест в экономике будущего [6], на формирование экономической ситуации в наступившем будущем оказывают влияние технологические

(цифровизация всех сфер жизни, автоматизация и роботизация), техносоциальные (глобализация (экономическая, технологическая, культурная), экологизация), социальные (демографические изменения, становление сетевого общества) тренды.

Метатренд, связанный со скоростью происходящих изменений [6, с. 7], способствует ускорению обновления окружающей реальности, в том числе в сфере искусств и культуры. Вследствие этого значимыми для современного деятельного управленца проектами в том или ином виде искусства, как креативной индустрии, являются следующие навыки: концентрация и управление вниманием; эмоциональная грамотность, в том числе эмпатия, что важно для осуществления грамотных коммуникаций и развития антропоцентричной экономики; цифровая грамотность, информационная гигиена; творчество и креативность, что объясняется изменчивостью социокультурной реальности; экологическое мышление; кросскультурность; способность к (само)обучению [6, с. 75], выбору собственной стратегии и траектории образования/развития.

В наше время – в начале третьего тысячелетия – любому грамотному человеку, а тем более арт-менеджеру, кроме умения читать, писать и считать, необходимы следующие «4К» грамотности – критическое мышление, коммуникация, командная работа и креативность, или в оригинале – «Four Cs of 21st century learning: critical thinking, communication, collaboration, and creativity».

Для осуществления в условиях цифровизации эффективного и конкурентоспособного управления проектами, персоналом и различными бизнес-процессами в том или ином виде искусства арт-менеджерам необходимо использовать синтез возможностей/ресурсов и человека, и машины. Данный подход требует от руководителей и сотрудников конкретных учреждений/организаций/институций креативных индустрий гибкости, пластичности, адаптивности, открытости для неизбежных трансформаций, а также – применения следу-

ющих интегрированных действий: постоянное переосмысление деятельности, создание совместных решений, ответственная стандартизация, взаимное обучение, разработка ментальных моделей, регуманизация времени, расширение возможностей с помощью ботов, умное запрашивание для решения ряда проблем [2].

К трендам современной информационной цивилизации как особым вызовам и проблемам относится «снижение темпов роста экономики, увеличение безработицы, усиление социального неравенства, проблемы экологии, достижение целей устойчивого развития» [12]. Отсюда значимой для нового поколения лидеров системы управления проектами в различных видах искусства и культуры становится новая стратегическая повестка, отражающая «корпоративные принципы устойчивого развития – ESG: environment (ответственное отношение к окружающей среде), social (социальное благополучие сотрудников), governance (высокое качество корпоративного управления).

В этой связи для бизнес-деятелей и топ-менеджеров в сфере искусств и культуры важна не столько максимизация прибыли, сколько экологическая проблематика и приложение усилий для генерации всеобщего блага во внутренней и внешней среде учреждений/организаций/институций, а также осознание новой миссии и нового предназначения структуры в условиях происходящих изменений реальности.

В эпоху «цифровой трансформации» (Т. Сибел) с облачными вычислениями, IoT, big data и искусственным интеллектом, арт-менеджерам важно прочувствовать то состояние, в котором находятся их структуры/организации/учреждения, а также понять, каким образом и в каком направлении необходимо двигаться, эффективно используя современные технологии, чтобы достичь значимого уровня в профессиональной активности для динамики развития собственного дела и экономики отрасли.

Для успешного арт-менеджмента в той или иной структуре/организации/учреждении

актуальной видится «трансформация культурной ДНК» (Г. Пизано) с акцентом исключительно на креативного созидателя лидера как гармоничную личность.

В условиях информационной цивилизации арт-менеджеру необходимо быть неординарным, социальным, непредсказуемым, исключительным, неожиданным, не позволять гаджетам управлять собой и своим личным пространством, сопротивляться машинному дрейфу, говорить «нет» цифровой диктатуре [10], а также разрабатывать такие продукты и программы, которые будут не заменять, а лишь расширять способности *homo sapiens sapiens*.

Арт-менеджер сегодня – это «*homo informaticus*» [8], образованная и креативная личность, управляющая проектами в сфере искусств и культуры, не столько заглядывает в будущее, сколько самостоятельно генерирует таковое.

Ярчайших представителей российского арт-менеджмента отличает уникальная индивидуальность, яркий ум и темперамент, энциклопедическая образованность, утонченность натуры, предприимчивость, чувство собственного достоинства, целеустремленность, энергия, сила воли, пассионарность (Л. Н. Гумилев). Данные грани личности были обозначены еще в эпоху Возрождения.

Для успешной реализации проектного управления в сфере искусств и культуры, или в конкретном виде искусства, арт-менеджеры используют широчайший спектр технологий – художественно-творческие, организационно-управленческие (в том числе психологические), финансово-экономические, маркетинговые, нормативно-правовые.

Сегодня важно восприятие оцифрованных знаний и информации (произведения различных видов искусства) в качестве ключевого фактора производства, информационных сетей – носителя востребованной информации как символической продукции, информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) – движущей силы производительности и оптимизации структуры циф-

ровой экономики [11], которая есть новый вариант бытия арт-менеджеров в информационной цивилизации и креативном бизнесе.

К очередным проблемам арт-менеджмента в креативных индустриях в условиях цифровой эпохи относятся и проблемы, связанные как с защитой интеллектуальной собственности, авторского права, смежных прав, так и с борьбой с пиратством [9].

В целях реализации государственной культурной политики важным является и финансовая обеспеченность проектов, а тем более – в условиях диджитализации. К актуальным технологиям как вариантам решения данной проблемы относится, например, краудсорсинг, генерирующий пространство «викиномики» (Д. Тапскотт, Э. Д. Уильямс), и краудфандинг.

Цифровые/информационные технологии, в том числе блокчейн как «машина правды» (П. Винья, М. Кейси), воспринимаются как локомотив развития и роста цифровой экономики (Н. Негропonte, Д. Тэпскотт), «энерджайзер» информационной цивилизации для дальнейшего развития различных сфер жизнедеятельности социума, в том числе сферы искусств и культуры.

Деятельность арт-менеджера в современном нелинейном сингулярном VUCA-мире требует доверия, креативности, вовлеченности, вдохновения, гибкости, «эстетического интеллекта», или «альтернативного интеллекта» (П. Браун), быстроты выполнения задач, использования небольшими проектными коллективами концепции «быстро и вовремя», а также – создания новой культуры организации, и т. п. [1].

В условиях «нового цифрового мира» (Э Шмидт, Д. Коэн), где практически все переведено в диджитал, действует «закон ускорения отдачи». Суть такового состоит в том, что, если «технология – это продолжение эволюции другими средствами, следовательно, это эволюционный процесс» [13]. Вот почему в арт-проектировании в процессе обмена знаниями и творческой энергией, безусловно, происходит экспоненциальный рост коллек-

тивной выгоды, а отсюда возникает и экономическая прибыль, значимая для этого «дивного, дивного, дивного Мира» проектного менеджмента в сфере искусств и культуры.

Арт-менеджмент имеет отношение и к ритейлу, связанному с трансграничной торговлей музыкальными инструментами, картинами, книгами и т. п. В процессе «онлайфикации» (В. Йонген) с отсутствием грани между онлайн и офлайн-торговлей, для эффективности деятельности структуры учитывают несколько элементов, т. е. вариантов бытия экономики, а именно: цикличную, совместно-потребления (шеринг-экономика), умную, экономику. И действительно, в клиентоориентированном/антропоцентричном мире это приводит к сверхположительной и успешной динамике продаж продукции конечным потребителям.

Информационные технологии – это важнейший ресурс, значимый не столько для экономики потребительской/экономики впечатлений/ «оранжевой» экономики, сколько для «экономики нравственной» (М. Форд), в основе которой – не удовлетворение спектра в большей степени материальных потребностей, а духовная и нравственная составляющая современного человека – создателя и потребителя различных художественных произведений (картина, выставка, роман, опера, фильм и т. д.) того или иного вида искусства как символической продукции в информационной цивилизации.

Арт-менеджеру, эффективно осуществляющему профессиональную деятельность в условиях великого Маркетинга как Хозяина Мира, необходимо содействовать ревитализации в потребителе результатов проектной деятельности в сфере искусства и культуры аксиологической составляющей, духовных и нравственных ценностей, внимания к культурному наследию, к Просвещению, к Красоте и Прекрасному!

Трансформации различных мировоззренческих концепций/установок предшествующих времен/эпох/систем привели к генерации ценностно-смысловой матрицы Текста культу-

ры современного информационного социума (Й. Масуда), постиндустриального социума (Д. Белл), цифровой/информационной эпохи (М. Кастельс), посттехногенной цивилизации. Одним из ключевых элементов данной матрицы является восприятие и трактовка Человека как гармонично развитой созидательной/креативной личности, функционирующей в условиях «оранжевой» экономики/ экономики впечатлений/ экономики символического обмена/ экономики счастья/ цифровой экономики.

В уникальную «эпоху открытий», как в эпоху «Нового Ренессанса», или «Второго

Ренессанса» (Й. Голдин, К. Кутарна) с приоритетом гражданственности, подвижничества, креативности, гениальности, таланта и способности арт-менеджера к риску, ответственности, предпринимательству, инновациям появляется необходимость противостоять возникающим и существующим вызовам/проблемам/кризисам информационной цивилизации, генерировать и реализовывать безумные идеи и трансформировать – не столько сегодня, сколько завтра – Мир искусств и культуры, Мир экономики, Мир нового Человека третьего тысячелетия.

Список литературы

1. Блуммарт Т., Брук С. ван ден. Четвертая промышленная революция и бизнес: как конкурировать в эпоху сингулярности /Пер.с англ. Москва: Альпина Паблишер, 2019. 202 с.: ил., цв. ил.
2. Доэрти П., Уилсон Д. Человек + машина. Новые принципы работы в эпоху искусственного интеллекта / Пер.с англ. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 297 с.
3. Келли К. Неизбежно. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее /Пер.с англ. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 343 с.
4. Ли Кай-Фу. Сверхдержавы искусственного интеллекта: Китай, Кремниевая долина и новый мировой порядок / Пер.с англ. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 233 с.
5. Маркофф Д. Homo Roboticus?: люди и машины в поисках взаимопонимания /Пер.с англ. Москва: Альпина нон-фикшн (АНФ), 2017. 404 с.: ил.
6. Навыки будущего. Что нужно знать и уметь в новом сложном мире /Е.Лошкарева, П.Лукша, И.Ниненко, И.Смагин, Д.Судаков. Москва, 2017. 93 с.
7. Печчеи А. Человеческие качества /Пер. с англ. 2-е изд. Москва: Прогресс, 1985. 312 с.
8. Соколов А.В. Философия информации: профессионально-мировоззренческое учебное пособие. Санкт-Петербург: СПбГУКИ, 2010. 365 с.
9. Todd Д. Цифровое пиратство: как пиратство меняет бизнес, общество и культуру /Пер.с англ. Москва: Альпина Бизнес Букс, 2013. 319 с.: ил.
10. Харари Ю.Н. 21 урок для XXI века /Пер.с англ. Москва: Синдбад, 2019. 412 с.
11. Цифровая трансформация Китая: опыт преобразования инфраструктуры национальной экономики / М. Хуатэн, М. Чжаоли, Я. Дели, В. Хуалей; Пер. с кит. Москва: Альпина паблишер: Интеллектуальная лит., 2019. 249 с.: ил.
12. Шваб К., Ванхэм П. Капитализм всеобщего блага: новая модель мировой экономики /Пер. с англ. Москва: Эксмо, Бомбора, 2022. 348 с.
13. Kurzweil R. The Age of Spiritual Machines: When Computers Exceed Human Intelligence. New York: Penguin Books, 1999. 372 p.

References

1. Bloommarth T., Brook S. van den. The Fourth Industrial Revolution and Business: How to Compete in the Age of the Singularity / Translated from English. Moscow: Alpina Publisher, 2019. 202 p.: ill., color. ill. (In Russ.)

2. Doherty P., Wilson D. Man + machine. New principles of work in the era of artificial intelligence / Translated from English. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2019. 297 p. (In Russ.)
3. Kelly K. Inevitably. 12 technological trends that determine our future / Translation from English. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2017. 343 p. (In Russ.)
4. Lee Kai Fu. Artificial Intelligence Superpowers: China, Silicon Valley and the New World Order / Translated from English. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2019. 233 p. (In Russ.)
5. Markoff D. Homo Roboticus?: people and machines in search of mutual understanding / Transl. from English. Moscow: Alpina non-fiction (ANF), 2017. 404 p.: ill. (In Russ.)
6. Future skills. What you need to know and be able to in the new complex world / E. Loshkareva, P. Luksha, I. Ninenko, I. Smagin, D. Sudakov. Moscow, 2017. 93 p. (In Russ.)
7. Peccei A. Human qualities / Transl. from English. 2nd ed. Moscow: Progress, 1985. 312 p. (In Russ.)
8. Sokolov A.V. Philosophy of information: professional and ideological textbook. St. Petersburg: SPbGUKI, 2010. 365 p. (In Russ.)
9. Todd D. Digital piracy: how piracy is changing business, society and culture / Transl. from English. Moscow: Alpina Business Books, 2013. 319 p.: ill. (In Russ.)
10. Harari Yu.N. 21 lessons for the XXI century / Transl. from English. Moscow: Sinbad, 2019. 412 p. (In Russ.)
11. China's Digital Transformation: The Experience of Transforming the Infrastructure of the National Economy / M. Huateng, M. Zhaoli, Ya. Delhi, V. Hualei; Transl. from Chinese Moscow: Alpina publisher: Intellectual lit., 2019. 249 p.: ill. (In Russ.)
12. Schwab K., Vanham P. Capitalism of the common good: a new model of the world economy / Transl. from English. Moscow: Eksmo, Bombora, 2022. 348 p. (In Russ.)
13. Kurzweil R. The Age of Spiritual Machines: When Computers Exceed Human Intelligence. New York: Penguin Books, 1999. 372 p.

*

Поступила в редакцию 13.07.2022

ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК КВИНТЭССЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ ИНДУСТРИИ ДОСУГА

УДК 351.85 : 379.8

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-88-95>

Н. В. Шарковская

Московский государственный институт культуры, Химки, Московская область, Российская Федерация

e-mail: 7948493@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается сущность феномена полифункциональности применительно к организации управленческой деятельности менеджера. В контексте вызовов современного социума охарактеризованы имманентные признаки индустрии досуга: цифровая трансформация, эдьютеймент, кастомизация, иммерсивность, сетевая интеграция инновационных форматов маркетинговых коммуникаций, определяющие спектр модернизации ресурсного потенциала ее секторов. Раскрываются содержательные основы управленческой деятельности, формы реализации ее функций, создающие основу для реализации социальных ролей менеджера как лидера. Подчеркивается значимость учета требований, актуализирующих полифункциональную значимость управленческой деятельности в развитии индустрии досуга, к которым автором отнесены адаптивность и коррелятивность. Уделяется внимание конкретизации принципов системы социального управления, обеспечивающих возможность стабилизации полифункциональной управленческой деятельности в индустрии досуга.

Ключевые слова: менеджер, индустрия досуга, социальные роли менеджера, полифункциональность управленческой деятельности, принципы социального управления, культурные услуги.

Для цитирования: Шарковская Н.В. Полифункциональность управленческой деятельности как квинтэссенция развития индустрии досуга // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №4 (108). С. 88-95. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-88-95>

MULTIFUNCTIONAL MANAGEMENT ACTIVITIES AS THE QUINTESENCE OF THE DEVELOPMENT OF THE LEISURE INDUSTRY

Natalia V. Sharkovskaya

Moscow State Institute of Culture, Khimki, Moscow region, Russian Federation

e-mail: 7948493@mail.ru

Abstract: The article examines the essence of the phenomenon of polyfunctionality in relation to the organization of managerial activity of a manager. In the context of the challenges of modern society, the immanent features of the leisure industry are characterized: digital transformation, edutainment, customization,

ШАРКОВСКАЯ НАТАЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА – доктор педагогических наук, профессор, Московский государственный институт культуры

SHARKOVSKAYA NATALIA VLADIMIROVNA – Doctor in Pedagogy, Professor, Moscow State Institute of Culture

© Шарковская Н.В., 2022

immersiveness, network integration of innovative marketing communication formats that determine the spectrum of modernization of the resource potential of its sectors. The article reveals the substantive foundations of managerial activity, the forms of implementation of its functions that create the basis for the implementation of the social roles of the manager as a leader. The importance of taking into account the requirements that actualize the multifunctional significance of management activities in the development of the leisure industry is emphasized, to which the author refers adaptability and correlativity. Attention is paid to the specification of the principles of the social management system, which provide the possibility of stabilizing multifunctional management activities in the leisure industry.

Keywords: manager, leisure industry, social roles of the manager, multifunctional management activity, principles of social management, cultural services.

For citation: Sharkovskaya N. V. Multifunctional management activities as the quintessence of the development of the leisure industry. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 4 (108), pp. 88-95. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-88-95>

В современных реалиях формируется концепция нового качества экономического роста общества и, в частности, отраслевой системы экономики культуры, поэтому обращение к исследованию сущностных основ развития индустрии досуга становится актуальным. Известно, что индустрия досуга – это динамично обновляющийся сектор экономики культурных услуг, включающий организацию разумных развлечений, активного отдыха, а также предоставляющий возможность получения дополнительного художественного образования, осуществления профессиональной / любительской деятельности в институциях культуры [10, с. 127].

К имманентным признакам индустрии досуга, определяющим общие и специфические особенности ее развития в контексте вызовов современного общества, нами отнесены следующие:

- *цифровая трансформация* – процесс продвижения структурными подразделениями индустрии досуга цифровых технологий, сопровождаемый оптимизацией системы управления;
- *эдьютейнмент* в виде праздничных, экранных, интеллектуально-познавательных развлечений посетителей на основе применения игровых, информационно-просветительских и прочих технологий;
- *кастомизация* – индивидуализация процесса изготовления культурных продуктов с учетом заказов конкретных потребителей на основе внесения дизайнерских изменений;
- *брендинг и продвижение новой культурной продукции* в локальных креативных кластерах – самоорганизующихся системах социально-культурного пространства индустрии досуга;
- *сетевая интеграция инновационных форматов маркетинговых коммуникаций* в едином коммуникационном пространстве индустрии досуга с целью стимулирования оптимальных факторов привлечения посетителей;
- *иммерсивность* – погружение в моделируемую виртуальную (техногенную) реальность, интерактивную конструкцию включения посетителей в процесс ее освоения, аргументированный чувством непосредственного полного / частичного присутствия;
- *конструктивное взаимодействие* государственного и частного секторов индустрии досуга в сфере производства и предоставления культурных благ для удовлетворения многообразных жизненных потребностей посетителей.

Фактически указанные направления определяют спектр модернизации системы воспроизводства кадровых, информационно-методических, финансовых и материально-технических ресурсов индустрии досуга с акцентуацией на управлении созданием и продвижением основных и сервисных услуг. Именно управлению принадлежит ключевая роль в деятельности менеджера, способного регулировать технологические процессы организации продуктивного досуга посетителей, принимать разнотипные конструктивные решения, связанные с наличием нестандартных общепрофессиональных ситуаций.

Социальная по своему предназначению и полифункциональная по содержанию управленческая деятельность менеджера ориентирована на координацию системы межличностных и межкультурных отношений, мотивацию ответственного профессионального поведения персонала, занятого в индустрии досуга. Несмотря на то, что в ходе управленческой деятельности не создается общий формат реестра культурных товаров и услуг, она конструирует основания для осуществления активной досуговой деятельности посетителей, являясь одним из условий результативности поставленных менеджером общих и частных задач. Тем самым организованный досуг становится ценностью управления, а процесс достижения его эффективности детерминирует вектор развития самой индустрии досуга.

Изучение управленческой деятельности как социокультурного феномена и специфики его трансформации в современной индустрии досуга показывает, что базовыми объектами управления выступают сегменты индустрии досуга: сегмент аттракционов и игровых зон, сегмент природной рекреации, сегмент клубной рекреации, сегмент экстремальных развлечений [13, с. 127–128]. А субъектами являются руководители разных уровней управления, персонал, посетители, социальные партнеры, информационно-педагогическое воздействие на которых обусловлено применением различных по типу человековедческих технологий [8; 11; 12].

Имея четко выраженную предметную направленность, управленческая деятельность определяется как совокупность последовательных профессиональных действий, в результате которых формулируются и достигаются приоритетные целевые установки повышения качества управления, проектируются модели взаимодействия в подсистемах «менеджер – персонал», «менеджер – социальные партнеры», «менеджер – посетители». А также распределяются должностные обязанности между менеджером и конкретными участниками данного вида деятельности [3; 9].

В соответствии с вышесказанным представляется значимым осмысление полифункциональной сущности управленческой деятельности как движущей силы развития индустрии досуга, ибо через совокупность конкретных функций проявляется прикладной аспект эффекта самого управления, его отдельных свойств. Несмотря на распространенность положения о необходимости учета полифункционального аспекта управленческой деятельности, единой системы функций данной деятельности не существует, потому что ее формирование сопряжено не только с наличием множественной взаимосвязанности функций, но и с амбивалентностью их профессионального отбора. Для нивелирования объективных сложностей в определении границ их предназначения в развитии современной индустрии досуга следует выделить и охарактеризовать наиболее распространенные функции, входящие в ядро системы управления: целеполагающую, прогнозную, административную, координационную, контрольно-диагностическую и рефлексивную [5, с. 32–34; 7].

Непосредственными формами реализации данных функций в ведущих сегментах индустрии досуга выступают:

- *социальный краудсорсинг* и его разновидности (конкурсные проекты / просветительские платформы, различные модели организационной поддержки социокультурных инноваций) – этапы создания и разработки дизайна

- культурных продуктов для пользователей при поддержке цифровых и информационных технологий;
- *импровизация и деловой риск* как инструменты собственного влияния менеджера на субъектов управления с целью разрешения противоречия между методическими приемами и выбранными им рациональными методами и средствами, прежде всего психолого-педагогическими и техническими, для осуществления конкретных управленческих действий;
 - *фасилитация* – стиль партисипативного управления менеджера, сконцентрированный на содействии введению новых креативных практик, современных концепций управления изменениями в секторах индустрии досуга; использование эффективной коммуникации в организации официальных встреч, совещаний на регулярной основе; методическое обеспечение продвижения многоцелевых моделей тимбилдинга;
 - *шеринг* – перспективное направление экономики культуры, ориентированное на конечного потребителя и заключающееся в передаче ему на правах временной аренды востребованной традиционной / инновационной культурной продукции, возможности ее реализации и послепродажного обслуживания;
 - *компьютерно-опосредованная модель вербальной коммуникации* как целенаправленный процесс обмена информацией, в том числе, сообщениями в мессенджере, участием менеджера в диалоге и полилоге с субъектами индустрии досуга на основе применения мультимедийных, информационно-коммуникационных и цифровых технологий.

Названные формы осуществления функций управленческой деятельности создают основу для социальных ролей менеджера

в индустрии досуга: коуч-наставник, генератор креативных бизнес-идей, консультант бизнес-проектов, координатор коммуникативного взаимодействия, эксперт в области организации культурного досуга и др. Как утверждает Мередит Р. Белбин, роли в командах менеджеров предполагают прежде всего принятие функций лидера – единоличного или командного типа. Если единоличный лидер не ограничивает свою роль рамками, добивается от персонала следования заданным правилам, определяет цели, то командный лидер выбирает предпочтительную для себя роль (делегировать полномочия), ищет таланты, превращает коллег по работе в своих сторонников, формулирует миссию, т. е. предлагает свое видение целей [1, с. 162]. Проектирование, реализация условий для полноценной актуализации указанных ролей менеджера как лидера и, соответственно, выбора ролевых типов управления является побудительным мотивом его профессионального роста, прежде всего, в аспекте расширения диапазона доминирующих видов мыследеятельности, в том числе – когнитивной, прогностической, а также надситуативной активности, социальной и личной ответственности.

В свою очередь, при выявлении показателей взаимной согласованности функций управления важно принимать во внимание фактор достижения единства теоретических и эмпирических знаний менеджера в таких научных сферах, как производственный менеджмент, управление персоналом организации, проектный менеджмент, синхромаркетинг, командный менеджмент, стратегический маркетинг. Исходя из анализа комплексной системы интегральных показателей развития индустрии досуга [2, с. 230–235; 4, с. 63–67], выделяют следующие типы основных задач в управленческой деятельности менеджера:

а) *стратегические* (соблюдение баланса личностно-профессиональных интересов субъектов конкретного сегмента досуга; реализация рефлексивной линии поведения менеджера в моделировании служебных вза-

имоотношений, коррекции технологий разрешения и профилактики организационных конфликтов; структурирование деятельности отдельных сегментов индустрии досуга в соответствии с их бизнес-планами);

б) *тактические* (контроль качества продвижения и оказания многопрофильных досуговых услуг; реинжиниринг системы управления инновационными процессами в секторах индустрии досуга; применение соответствующих тактических приемов как в деятельности, нацеленной на совершенствование форм управления, так и в ситуациях интерпретации выбора форм стимулирования труда персонала);

в) *проблемно-развивающие* (динамическое расширение спектра материально-технических, сетевых информационных ресурсов успешного формирования и функционирования сферы социально-культурных, в том числе, зрелищных услуг; разработка критериев эффективности экономических, организационных условий сбалансированного развития ведущих секторов индустрии досуга; согласование экспертных оценок технологических приемов оптимизации системы управления в данной индустрии).

Способы поиска вариантов успешного разрешения этих задач коррелируют с применением конкретно-методологических подходов: личностно-ориентированного, компетентностного, средового и полисубъектного, позволяющих менеджеру выявлять не иллюзорные, а действительно существующие противоречивые ситуации; рефлексировать наиболее значимые вопросы, связанные с мониторингом регулирования управленческих решений (координационных, методических, административных), установлением их иерархического соотношения.

Будучи детерминированной разной степенью объема выполнения практико-ориентированных предназначений, а также – временным фактором решения оперативных проблем, возникающих в сегментах индустрии досуга, полифункциональность управленческой деятельности менеджера фиксируется

двумя органичными линиями руководства: вертикальной и горизонтальной.

Так, полифункциональность осуществляемых менеджером профессиональных действий, сопряженная с реализацией основ государственной культурной политики, проектированием новых направлений продуктивного досуга посетителей, применением социальных технологий управления персоналом, присуща вертикальной линии управления. Воплощая в своей деятельности достаточно широкий спектр инициатив (личных, общественных, профессиональных), менеджер осуществляет организационный процесс, в частности, координирует межличностное взаимодействие с персоналом, посетителями, планирует нормативные предметные действия с ориентацией на достижение оптимальных личностных / командных результатов и т. д.

Горизонтальная линия управления, представленная подсистемой «менеджер – посетители», сориентирована на конструктивное решение локальных неоднозначных вопросов зрителей, слушателей, читателей, связанных, как правило, с оказанием комплекса массовых / индивидуальных услуг: развлекательно-эстрадных, музыкальных, театральных, спортивных и т. д. Для достижения соответствия данных услуг профессиональным стандартам их качества, для проведения оперативного мониторинга производственных процессов, обусловленных перспективами предоставления новых культурных благ, менеджер, непосредственно контактируя с командой специалистов и социальными партнерами, использует весь арсенал доступных средств, методов управленческой деятельности: словесных, информационных, психологических, рекламных и пр.

Соотношение данных осей управления – это двуединый процесс, реализующийся через технологические платформы ресурсных баз организаций культуры, входящих в состав сегментов индустрии досуга и соответственно ориентированный на повышение их рейтинга посредством оптимизации ключевых характеристик предоставляемых услуг, стабилизации

количественных / качественных показателей эффективности стилей руководства менеджеров.

Аналитический обзор специальной литературы [3; 5; 8; 12] позволил нам выявить основные требования к управленческой деятельности менеджера, подтверждающие ее полифункциональную значимость в развитии индустрии досуга:

- *адаптивность*, то есть управленческая деятельность призвана обеспечивать адаптацию культурно-зрелищных услуг и продуктов к досуговым запросам и потребностям посетителей, их интенсивное продвижение в конкретных сегментах индустрии досуга; создавать возможности для конструирования многовариантных моделей сочетаемости функций, оценок эффективности их резервных потенциалов;
- *коррелятивность*, то есть управленческая деятельность призвана стимулировать возможность принятия менеджером конструктивных решений с учетом влияния ситуаций неопределенности на практику реализации ее ведущих функций; предопределять векторы трансформации общих и специфических закономерностей процесса формирования управленческой компетентности менеджера.

Для выполнения этих требований первостепенное значение имеют следующие факторы: а) наличие достаточного количества информационно-коммуникационных и цифровых каналов связи, гарантирующих успешное внедрение конкретных функций; б) социальная обусловленность профессиональных действий менеджера по снижению уровня нестабильности на стадии реализации функций; в) возможность реагирования на установленные отклонения от запланированных параметров действующей системы управления.

При этом, наряду с осуществлением данных требований, успешность управленческой деятельности определяется соответствием

ее ведущих функций общим принципам реализации системы социального управления, к которым отнесены следующие группы принципов:

а) *принципы кадровой политики в системе управления*: обязанность менеджера признавать и соблюдать права посетителей, уважать свободу и автономию выбора тех или иных видов досуговых занятий, их тематических особенностей; желательность совершенствования профессиональных и общекультурных компетенций в условиях изменений структуры маркетинговой сегментации индустрии досуга; доступность и индивидуальное адаптирование к электронным ресурсам средствами цифровых технологий; квалифицированное исполнение менеджером должностных обязанностей в рамках установленного рабочего времени;

б) *принципы научности*: взаимосвязь познания специфики ресурсов управления и социальной практики как основы профессиональной культуры менеджера; ориентированность управленческой деятельности на формирование единства толерантного самосознания и профессионального поведения менеджера; направленность взаимодействия менеджера с социальными партнерами на поиск рациональных способов и образцов проектирования трендовых секторов индустрии досуга; совершенствование системы методической работы по повышению квалификации персонала.

в) *принципы моделирования управленческих компетенций*: сопряженность функций менеджера и персонала в практике разработки аналитического функционала управленческих компетенций; интеграция специально ретранслируемых действий *soft skills* и *hard skills* в подсистемы управления качеством предоставляемых культурных услуг; информационная поддержка процесса апробации компетентностного инструментария управления персоналом в условиях цифровой трансформации; выявление и апробирование оптимальной структуры управленческих компетенций с учетом методов динамического тестирования и рефлексивного анализа.

Данные принципы гносеологически адекватны совокупности методологических подходов к управлению социальными системами в целом; не противоречат научным принципам теории и практики социального управления объектами индустрии досуга; соответствуют выявленным требованиям, обеспечивающим возможность стабилизации полифункциональной управленческой деятельности в индустрии досуга.

Таким образом, полифункциональность управленческой деятельности менеджера как квинтэссенция развития индустрии досуга рассматривается нами как новый объект научного анализа и общекультурной практики

в его целостности. Такой подход предполагает выявление отличительных особенностей имманентных признаков данной индустрии в социуме, обоснование значимости востребованных форм реализации функций управленческой деятельности в ведущих сегментах индустрии досуга. А также – определение степени эффективности решения стратегических, тактических и проблемно-развивающих задач управленческой деятельности, их коррекцию в соответствии с конкретными принципами социального управления, представленными в методологии исследования досуговой инфраструктуры.

Список литературы

1. *Белбин Меридит Р.* Типы ролей в командах менеджеров [Пер. с англ.] Москва: Изд-во НИРРО. 2003. 232 с.
2. Менеджмент XXI века: когда-нибудь мы все будем так управлять / С. Чоудхари, М. Андерсон, К. А. Бартлетт и др. Под ред. С. Чоудхари. Москва: Изд-во ИНФРА-М, 2002. 447 с.
3. *Михеева Н.А., Галенская Л. Н.* Менеджмент в социально-культурной сфере: (социально-экономические механизмы и методы управления): Учебное пособие. Санкт-Петербург: Изд-во «Михайлов», 2000. 169 с.
4. *Секретова Л. В.* Индустрия досуга: Учебное пособие. Омск: Изд-во Омского государственного университета, 2020. 98 с.
5. *Сукало А. А.* Функциональные диспозиции менеджера и объект менеджмента досуговых объединений // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 1 (5). С. 30–35.
6. *Суминова Т. Н.* Арт-менеджмент в контексте вызовов современности // Деятельность учреждений культуры в современных условиях: проблемы и пути решения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 21–22 октября 2021г., Улан-Удэ: Изд-во: Восточно-Сибирский государственный институт культуры. 2021. С. 27– 36.
7. *Чижиков В. В.* Современное учреждение культуры: механизмы управления // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 5 (73). С. 149–154.
8. *Чижиков В. М.* Управление сферой культуры – технологии эффективного развития // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 5 (55). С. 70–76.
9. *Шарковская Н. В.* Аксиологическая направленность современной индустрии досуга // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 4 (102). С. 112–118.
10. *Шарковская Н. В.* Индустрия досуга как социально-культурный феномен // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 2 (94). С. 126–134.
11. *Шекова Е. Л.* Управление учреждениями культуры в современных условиях: Учебное пособие. Санкт-Петербург: Изд-во Лань. 2014. 416 с.
12. *Шепель В. М.* Менталитет руководителя: управленческое мышление. Москва: Народное образование, 2010. 351 с.

13. Ярошенко Н. Н. Индустрия развлечений в современном культурном пространстве России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 3 (71). С. 122–132.

References

1. Belbin Meredith R. Types of roles in management teams [Trans. from eng.] Moscow: Publishing house of NIRRO. 2003. 232 p. (In Russ.)
2. Management of the XXI century: Someday we will all manage like this / S. Choudhary, M. Anderson, K. A. Bartlett, etc.; Edited by S. Choudhary. Moscow: INFRA-M, 2002. 447 p. (In Russ.)
3. Mikheeva N.A., Galenskaya L.N. Management in the socio-cultural sphere: (socio-economic mechanisms and management methods): Textbook. St. Petersburg: Mikhailov Publishing House, 2000. 169 p. (In Russ.)
4. Secretova L. V. Leisure industry: A textbook / L. V. Secretova. Omsk: Publishing house: Omsk. state University, 2020. 98 p. (In Russ.)
5. Sukalo A. A. Functional dispositions of the manager and the object of management of leisure associations // Bulletin of the St. Petersburg State University of Culture and Arts. 2010. No. 1 (5). pp. 30–35. (In Russ.)
6. Suminova T. N. Art-management in the context of modern challenges. In the collection: The activities of cultural institutions in modern conditions: problems and solutions. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference on October 21–22, 2021, Ulan-Ude: Publishing House: East Siberian State Institute of Culture. 2021. pp. 27–36. (In Russ.)
7. Chizhikov V. V. Modern cultural institution: management mechanisms // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2016. No. 5 (73). pp. 149–154. (In Russ.)
8. Chizhikov V. M. Management of the sphere of culture – technologies of effective development // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2013. No. 5 (55). pp. 70–76. (In Russ.)
9. Sharkovskaya N. V. Axiological orientation of the modern leisure industry // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2021. No. 4 (102). pp. 112–118. (In Russ.)
10. Sharkovskaya N. V. Leisure industry as a socio-cultural phenomenon // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2020. No. 2 (94). pp. 126–134. (In Russ.)
11. Shekova E. L. Management of cultural institutions in modern conditions: A textbook / E. L. Shekova. - St. Petersburg: Lan Publishing House. 2014. 416 p. (In Russ.)
12. Shepel V. M. The mentality of the head: managerial thinking. / V. M. Shepel. Moscow: Public Education, 2010. 351 p. (In Russ.)
13. Yaroshenko N. N. Entertainment industry in the modern cultural space of Russia // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2016. No. 3 (71). pp. 122–132. (In Russ.)

*

Поступила в редакцию 25.07.2022

ПАРТНЁРСТВО КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ И НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

УДК 316.7

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-96-101>

Н. В. Кузьмина

Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации
e-mail: nv.kuzmina@igsu.ru

Аннотация: В настоящей статье автор концептуализирует проблемное поле, связанное с формированием партнерств некоммерческих организаций и компаний, ведущих свою деятельность в сфере творческих индустрий. На сегодняшний день в культурной политике развитых стран мира отчетливо прослеживается тренд на поддержку и развитие креативных индустрий. Во многом это связано с тем, что они являются наивысшим проявлением развития человеческого капитала, что подчеркивается в докладах ООН «Креативная экономика». В статье показано, что деятельность организаций сферы креативных индустрий основывается на взаимодействии разных субъектов социальной жизни, некоммерческих организаций. Такое сотрудничество позволяет как креативным индустриям, так и учреждениям культуры привлечь новую аудиторию, в коллаборациях создать новые продукты (от сувениров до мобильных приложений), включить в орбиту своей деятельности новые смыслы.

Ключевые слова: творческие (культурные) индустрии, идентичность, партнёрства, смысловая кооперация, территориальное развитие, творческие бизнесы, социальный капитал.

Для цитирования: Кузьмина Н. В. Партнёрство креативных индустрий и некоммерческих организаций в контексте территориального развития // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №4 (108). С. 96-101. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-96-101>

PARTNERSHIP OF CREATIVE INDUSTRIES AND NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN THE CONTEXT OF TERRITORIAL DEVELOPMENT

Natalia V. Kuzmina

Russian Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: nv.kuzmina@igsu.ru

Abstract: In this article, the author conceptualizes the problem field associated with the formation of partnerships of non-profit organizations and companies operating in the field of creative industries. Today, the

КУЗЬМИНА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЕВНА – кандидат культурологии, директор Центра креативных индустрий, старший преподаватель кафедры ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

KUZMINA NATALIA VALERYEVNA – Candidate in Cultural Studies, Director of the Center for Creative Industries, Lecturer at the UNESCO, Russian Academy of National Economy and Public Administration

© Кузьмина Н. В., 2022

cultural policy of the developed countries of the world clearly shows a trend towards the support and development of creative industries. This is largely due to the fact that they are the highest quality of human capital development, which is emphasized in the annual thematic reports of the United Nations. The article shows that the activity of creative industries is based on the interaction of different subjects of social life, non-profit organizations. Such cooperation allows both creative industries and cultural institutions to attract a new audience, create new products (from souvenirs to mobile applications) in collaborations, and include new meanings in the orbit of their activities.

Keywords: creative industries, identity, partnerships, semantic cooperation, territorial development, creative businesses, social capital.

For citation: Kuzmina N. V. Partnership of creative industries and non-profit organizations in the context of territorial development. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 4 (108), pp. 96-101. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-96-101>

На сегодняшний день в культурной политике развитых стран мира наблюдается тренд на развитие и поддержку креативных индустрий, стимулирование деятельности творческих бизнесов и их взаимодействия с некоммерческими организациями. В разных государствах формируется нормативная база, закрепляющая креативные индустрии в качестве одних из главных инструментов территориального развития и социального благополучия. Пионером в исследовании творческих индустрий и провозглашении их как приоритетного направления развития государства стала Великобритания в 1998 году [5]. В Австралии с 2011 года действует государственная программа «Creative Industries, a Strategy for 21st Century Australia», нацеленная на поддержку креативных индустрий как видов деятельности, генерирующих интеллектуальную собственность творческого характера с перспективой коммерциализации [6]. В Юго-Восточной Азии выделяется Китай, где в октябре 2000 года на съезде Коммунистической партии было решено включить поддержку креативных индустрий в число рекомендаций к пятилетнему плану государственного развития. При этом список стран, политика которых ориентирована на развитие креативной экономики, этими примерами не ограничивается и показывает глобальность интереса к творческим индустриям и их признания как инструмента повышения конкурентоспособности страны.

Что касается России, то в сентябре 2021 года была принята «Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года» – единственный утверждённый документ федерального уровня на сегодняшний день. Но он позволяет сделать деятельность учреждений культуры – таких, как музеи, библиотеки, театры, концертные залы и т. д. – более заметной за счёт тех направлений, которые сегодня мы ещё не привыкли включать в сферу культуры. Однако что собой представляют эти виды деятельности и насколько широк этот список?

Творческие (креативные) индустрии включают в себя самые разные виды деятельности, отличающиеся по способу производства, возможностям капитализации, занятости и т. п., начиная от кино, телевидения, исполнительских искусств и заканчивая компьютерными играми, модой, гастрономией. При этом перечень отраслей и сфер творческой активности социума, входящих в креативные индустрии, не является единым и незыблемым для всех стран. Он формируется каждым государством, регионом, областью и т. д. самостоятельно в зависимости от локальной социально-культурной специфики: традиций и обрядов, национально-этнических и религиозных особенностей населения, ремёсел, устоявшегося уклада жизни и т. д.

Иными словами, какие виды деятельности относятся к креативным индустриям, зависит от политики конкретной страны в области поддержки и развития креативной экономики. Так, например, Великобритания не включает в перечень творческих индустрий ремёсла, поскольку считает, что в их страновой ситуации они представляют собой исключительно предметы дизайна и коммерческого потенциала у них нет. Таиланд же относит к творческим индустриям медицину, т. к. медицинский туризм – значимый сегмент экономики государства [2], а Финляндия делает упор на ландшафтные парки.

В целом креативные индустрии состоят из очень разных элементов. Во-первых, это отрасль экономики. В то же время это важный социально-культурный ресурс, область социально-культурных практик. Это связано с тем, что часто творческие бизнесы начинаются с некоммерческих инициатив и за счёт человекоцентричности творческих индустрий становятся важным элементом социальной политики и ресурсом для развития брендов городов и территорий. И, наконец, это инструмент развития человеческого капитала: в докладах ООН, посвящённых развитию креативной экономики в двухстах странах мира, отдельно подчёркивается, что отрасль креативных индустрий – это наивысшее качество человеческого капитала [7]. Причём в креативные индустрии не просто попадают высокообразованные творческие люди; креативные индустрии формируют этих самых творческих, креативных людей, помогая в их самореализации, и служат, таким образом, некоторым ориентиром для их человеческого развития и самообразования.

Кроме того (и это особо отмечается в российской Концепции), креативные индустрии служат источником профессиональной самореализации и занятости для большого количества людей, в том числе, речь идёт и о так называемой альтернативной занятости: «Сектор творческих (креативных) индустрий открывает широкие возможности для альтернативной занятости, в том числе для женщин, молоде-

жи и лиц с ограниченными возможностями здоровья, что особенно актуально в период кризисных явлений в экономике» [1]. Иначе говоря, креативные индустрии предоставляют возможность вовлечь в созидательную, творческую, трудовую деятельность тех людей, которые по тем или иным причинам не имеют возможности трудиться полный день, или не имеют возможности работать на традиционном производстве, или в большей степени заинтересованы в самореализации и творчестве, нежели в однообразном труде.

Многообразие сфер деятельности, входящих в круг творческих индустрий, формирует инновационный потенциал данной территории, её туристическую привлекательность, вектор культурного и социального развития. Хотя креативность сама по себе, по сути, свободна, создание ценности того или иного продукта в современной экономике тесно связано с местом, что очевидно в таких видах деятельности, как музыкальный туризм, кинотуризм, гастрономический туризм, fashion-туризм, архитектурный туризм. По мысли Энн Никодимус, актуализация креативного потенциала территории оживляет общественные пространства, способствует обновлению уличных ландшафтов, повышает жизнеспособность местного бизнеса, а также консолидирует социум [8]. Главным актором этого процесса выступают организации, ведущие свою деятельность в сфере креативных индустрий, креативные предприниматели, заинтересованные в создании и использовании творческого или интеллектуального капитала. Как подчёркивает Т. Н. Суминова, «творческое предпринимательство, творческие бизнесы представляют собой колоссальный ресурс модернизационного развития социально-экономического потенциала региона, отрасль экономики конкретной территории, фактор конкурентоспособности» [4, с. 107].

Важно подчеркнуть, что особый социальный, культурный и экономический эффект деятельность творческих бизнесов приобретает, когда начинается их сотрудничество с бюджетными учреждениями культуры,

искусства и образования, некоммерческими организациями. Ведь партнёрство – это, в первую очередь, смысловая кооперация, направленная на совместное создание тех или иных культурных продуктов: от сувенирной продукции до экскурсий и фестивалей; экономический эффект при таком взаимодействии, безусловно, важен, однако не он является ключевым. Такие партнёрства способны не только привлечь новую аудиторию к деятельности учреждений культуры и коммерческих организаций, за счёт этого приобретая экономические выгоды, но и «оживить» местную культуру, привлечь население к сотворчеству, тем самым формируя у него активную гражданскую позицию.

Примеров такого партнёрства и смысловой кооперации на сегодняшний день становится всё больше, причём не только в крупнейших городах, но и в регионах. В частности, это и проект «Koko.kokoshnik», переосмысляющий культурное наследие в современном дизайне, и проект «Алтай традиция», рассказывающий всему миру про Алтай через его историю и культуру крестьянства, используя в дизайне посуду, домашний текстиль и сувениры, мотивы росписи крестьянских домов конца XIX века.

Однако, несмотря на многообразие примеров, важно подчеркнуть, что кросс-коллаборации некоммерческих организаций с креативными индустриями – это ответ на современные тренды общественного развития и поиск актуальных направлений.

Однако создание такого рода культурных партнёрств имеет некоторые сложности, связанные, во-первых, с целеполаганием (учреждения культуры зачастую ошибочно считают, что взаимодействие с творческими индустриями предполагает только финансовые выгоды, хотя в действительности это всегда смысловая кооперация); во-вторых, с анализом среды: некоммерческим организациям (музеям, домам культуры, театрам, галереям...) бывает сложно выделить, какие коммерческие компании в сфере творческих индустрий наиболее заметны в их регионе; в-третьих, эти трудно-

сти обусловлены непосредственным взаимодействием с выбранными творческими бизнесами (сюда входит и телефонное общение, и другие способы налаживания контактов); в-четвёртых, важны форматы тестирования возможных партнёрств, которые могут быть самыми разными (арт-резиденции, проектные лаборатории, конкурсы идей, совместные мероприятия, ярмарки и др.).

Чтобы помочь компаниям и учреждениям «построить мосты» и создать совместный культурный продукт, обладающий позитивным потенциалом как для общества, так и для экономики той или иной территории, проводятся специализированные конкурсы. Яркий тому пример – конкурс Благотворительного фонда Владимира Потанина «Креативный музей», который ставит перед собой следующие цели: «Содействие консолидации творческих сил в регионах для производства культурного контента и креативных продуктов нового качества; создание благоприятной среды для успешного развития новых направлений музейной деятельности и привлечения в музеи новых аудиторий и партнеров; укрепление позитивного имиджа регионов России благодаря формированию или укреплению их идентичности» [3]. Такие конкурсы позволяют поддерживать на методическом, организационном и финансовом уровнях региональные культурные инициативы некоммерческих организаций, что сегодня является серьёзным вкладом в социальное и культурное развитие территорий.

У ресурсных центров в разных субъектах России есть запрос на развитие креативных индустрий «на местах», а также – на создание в партнёрстве с творческими бизнесами культурных продуктов, которые бы способствовали формированию позитивного имиджа территории, консолидации местного сообщества, укреплению коллективной идентичности населения и его духовно-культурной связи с Родиной.

Таким образом, креативные индустрии сегодня позитивно влияют на решение социальных, экономических и культурных актуальных проблем, среди которых особое

место занимает необходимость вовлечения в общественную жизнь социально незащищённых категорий населения, актуализация историко-культурного наследия, развитие человеческого капитала и образования, ответственное экологическое потребление и т. д. В связи с этим деятельность креативных индустрий основывается на взаимодействии

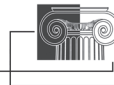
разных субъектов социальной жизни, некоммерческих организаций. Такое сотрудничество позволяет как креативным индустриям, так и некоммерческим организациям привлечь новую аудиторию, в сотрудничестве создать новые продукты (от сувениров до мобильных приложений) и включить в орбиту своей деятельности новые смыслы.

Список литературы

1. Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2021 г. № 2613-р. [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/HEXNAom6EJunVIxBCjIAtAya8FAVDUfP.pdf>.
2. Ковалева И.П. Современные тенденции развития медицинского туризма: опыт Таиланда // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2015. № 32. С. 177–184.
3. Официальный сайт Благотворительного фонда Владимира Потанина. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fondpotanin.ru/competitions/kreativnyy-muzey/>.
4. Суминова Т.Н. Творческое предпринимательство в контексте формирования креативной экономики и региональной политики в сфере культуры и искусства // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2014. № 1 (12). С. 103–109.
5. Creative Industries Mapping Document. L.: Department for Culture, Media and Sport, 1998. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/creative-industries-mapping-documents-1998>.
6. Creative Industries, a Strategy for 21st Century Australia. URL: <http://ict-industry-reports.com.au/wp-content/uploads/sites/4/2013/07/2011-Creative-Industries-A-Strategy-for-21st-Century-DIISR-Spet-2011.pdf>.
7. Creative Economy Outlook 2022. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ditctsce2022d1_en.pdf.
8. Gadwa Nicodemus, A. Fuzzy vibrancy: Creative placemaking as ascendant US cultural policy // Cultural Trends. 2013. № 22(3–4). P. 213–222. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09548963.2013.817653>.

References

1. Concepts for the development of creative industries and mechanisms for the implementation of their state support in large and largest urban agglomerations until 2030. URL: <http://static.government.ru/media/files/HEXNAom6EJunVIxBCjIAtAya8FAVDUfP.pdf>. (In Russ.)
2. Kovaleva I.P. Modern trends in the development of medical tourism: the experience of Thailand // Modern trends in economics and management: a new look. 2015. № 32. С. 177–184. (In Russ.)
3. The official website of the Vladimir Potanin Charitable Foundation. URL: <https://www.fondpotanin.ru/competitions/kreativnyy-muzey/>. (In Russ.)
4. Suminova T.N. Creative entrepreneurship in the context of the formation of creative economy and regional policy in the field of culture and art // Culture and education: scientific and informational journal of universities of culture and arts. 2014. № 1 (12). С. 103–109. (In Russ.)
5. Creative Industries Mapping Document. L.: Department for Culture, Media and Sport, 1998. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/creative-industries-mapping-documents-1998>.

6. Creative Industries, a Strategy for 21st Century Australia. URL: <http://ict-industry-reports.com.au/wp-content/uploads/sites/4/2013/07/2011-Creative-Industries-A-Strategy-for-21st-Century-DIISR-Spet-2011.pdf>.
7. Creative Economy Outlook 2022. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ditctsce2022d1_en.pdf.
8. Gadwa Nicodemus, A. Fuzzy vibrancy: Creative placemaking as ascendant US cultural policy // Cultural Trends. 2013. № 22(3–4). P. 213–222. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09548963.2013.817653>.

*

Поступила в редакцию 27.06.2022

ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИК КАК СИНТЕЗ ТРАДИЦИОННОГО И СОВРЕМЕННОГО

УДК 323.2

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-102-107>

Е. В. Матвеева

Кемеровский государственный институт культуры, Кемерово, Кузбасс, Российская Федерация

e-mail: mev.matveeva2020@yandex.ru

А. В. Сат

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Республика Тыва, Российская Федерация

e-mail: aliya_sat@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются современные черты политической культуры национальных республик на примере Республики Тыва, сформированные в результате длительного исторического развития. В отличие от других национальных республик Республика Тыва, вошедшая в состав советского государства одной из последних в конце Великой Отечественной войны, сохранила свою самобытность и культурные ценности – язык, религию, традиции, социальную организацию и др. Воздействие таких исторических процессов советской системы, как «культурная революция», коллективизация, раскулачивание, репрессии, переселение, не просто не подорвали веру тувинского общества в сакральность власти, но и способствовали еще большему цементированию подданнического-патриархального типа политической культуры. Современная Республика Тыва демонстрирует собой господство клановых отношений при формировании региональной вертикали власти и высокий уровень поддержки курса, реализуемого в стране главой государства и «партией власти».

Ключевые слова: политическая культура, традиции, архаика, сакрализация власти, национальные республики, Республика Тыва.

Для цитирования: Матвеева Е. В., Сат А. В. Феномен политической культуры национальных республик как синтез традиционного и современного // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №4 (108). С. 102-107. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-102-107>

МАТВЕЕВА ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры культурологии, философии и искусствоведения Кемеровского государственного института культуры

САТ АЛИЯ ВИКТОРОВНА – главный научный сотрудник, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва

MATVEEVA ELENA VIKTOROVNA – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Cultural Studies, Philosophy and Art History of the Kemerovo State Institute of Culture

SAT ALIYA VIKTOROVNA – Tuva Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tyva

© Матвеева Е. В., Сат А. В., 2022

THE PHENOMENON OF POLITICAL CULTURE OF NATIONAL REPUBLICS AS A SYNTHESIS OF TRADITIONAL AND MODERN

Elena V. Matveeva

Kemerovo State Institute of Culture, Kemerovo, Kuzbass, Russian Federation
e-mail: mev.matveeva2020@yandex.ru

Aliya V. Sat

Tuva Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tyva, Kyzyl, Republic of Tyva, Kyzyl, Republic of Tyva, Russian Federation
e-mail: aliya_sat@mail.ru

Abstract: The article pays attention to the consideration of modern features of the political culture of national republics on the example of the Republic of Tyva, formed as a result of a long historical development. Unlike other national republics, the Republic of Tyva, which became part of the Soviet state one of the last at the end of the Great Patriotic War, retained its traditional identity and cultural values – language, religion, traditions, social organization, etc. The impact of such historical processes of the Soviet system as the «cultural revolution», collectivization, dispossession, repression, resettlement not only did not undermine the faith of the Tuva society in the sacredness of power, but also contributed to the further cementing of the subject-patriarchal type of political culture. The modern Republic of Tyva demonstrates the dominance of clan relations in the formation of the regional vertical of power and the high level of support for the course implemented in the country by the head of state and the «party of power».

Keywords: political culture, traditions, archaic, sacralisation of power, national republics, Republic of Tyva.

For citation: Matveeva E. V., Sat A. V. The phenomenon of political culture of national republics as a synthesis of traditional and modern. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 4 (108), pp. 102-107. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-102-107>

Российская Федерация – многонациональное государство, которое включает в себя 22 национальных республики, в том числе присоединившуюся в 2014 году Республику Крым. Каждая из национальных республик имеет свои культурные особенности, включая язык, традиции, религию, сохранившиеся сегодня в большей или меньшей степени и интегрированные в систему современных политических отношений. Однако, несмотря на равноправие национальных республик в составе Российской Федерации и особого статуса в системе конституционных основ, разрешающей установление двух государственных языков (наряду с русским языком этнически сложившегося языка), далеко не все республики сумели сохранить языковую и культурную самобытность, утратив многие этнические характеристики. В рамках данной статьи авторы уделяют вни-

мание рассмотрению политической культуры Республики Тыва как одной из национальных республик России, сохранившей практически в первоизданном виде свои традиционные черты культуры, проявляющиеся сегодня в разных сферах жизни общества и прежде всего – в общественных настроениях по отношению к политическим институтам и процессам.

Как и многие национальные территории, Тува формировалась достаточно самобытно, начиная с упоминания первых поселений в эпоху раннего палеолита и последовавшими за этим столетиями распрей между монгольскими и китайскими династиями, завершившимися вхождением в состав маньчжурской империи Цин. Но в 1914 г. Урянхайский край получил российское подданство в составе Енисейской губернии на правах протектората. Итогом столетних поисков своей госу-

дарственности стало решение о вступлении в 1944 г. Тувинской Народной Республики в состав советского государства, что окончательно завершает процесс интеграции тувинского этноса в российскую государственность, синтез русских и тувинских культурных обычаев и традиций.

Однако политика «культурной революции» тувинского общества, в отличие от других этнических народов, вошедших в состав советского государства в начале XX в. (например, бурятов), происходила более медленно, учитывая статус протектората Тувы, а ее активная фаза приходится только на 1930-е годы в связи со сменой руководства республики. Приход к власти в 1929 г. в Тувинской Народной Республике нового правительства во главе с С. К. Тока приводит к изменениям во внутренней и внешней политике. Фактически С. К. Тока постарался создать собственную модель власти с опорой на советский опыт решения текущих вопросов, что повлекло за собой аналогичную, как и по всей стране, политику коллективизации, раскулачивания, репрессий и переселения и пр.

В научных исследованиях, затрагивающих вопросы установления в Тыве протектората и последующие изменения в статусе республики, оцениваются неоднозначно. В частности, как отмечает З. В. Доржу, в условиях установления протектората была сохранена существовавшая до этого времени административно-территориальная система управления тувинцев (хошуны, сумоны и арбаны) и одновременно с этим осуществляла работу колониальная администрация. В плане культуры в условиях протектората русские власти проводили политику по отмене повинностей (албан, сузун, уртельная служба), долгов и процентов, круговой хошунной поруки; и самое важное в данный период: не изменился статус буддизма, сохранялись прежние традиции и обычаи. В итоге протекторат оказал положительное влияние как на экономическое развитие самой Тувы, так и на дальнейшее развитие русско-тувинских связей [1, с. 159–160].

По мнению С. В. Саая и С. Ч. Сат, прямое влияние советской власти на политику репрессий в Тыве достаточно очевидно. При этом без поддержки тувинской политической элиты на местах политики репрессий реализовать ее было бы невозможно. К марту 1939 г. количество приговоренных к расстрелу в Тувинской Народной Республике составило 412 человек. По сути политика репрессий, как считают ученые, была направлена на быстрый переход к социализму [7, с. 65]. Данная политика сопровождалась антиправительственными протестами тувинцев в первой половине 1930-х гг. [5].

Сошлемся и на мнение британского ученого К. Хамфи, которая при объяснении происходящих в советском государстве процессов в первой половине XX в. обращается к такой специфической черте российской государственности, как сильная центральная власть, которая с момента первых проектов по созданию государства и заканчивая современным развитием всегда была ориентирована на применение «сильной руки» как ключевого ресурса по установлению порядка, как средства борьбы с инакомыслием среди подданных. Причин этому достаточно много: это и многонациональный состав государства, и большая территория, и страх потери управления страной, которая не только может присоединять новые территории, но и терять ее определенные части [9, с. 88].

Однако при всей сложности развития Тувинской Народной Республики в первой половине XX в. культурные традиции и обычаи сохранились, что составляет сегодня основу феномена политической культуры тувинского общества. Можно говорить и о том, что на протяжении периода вхождения Тувы в состав советского государства, а в последующем – в число субъектов Российской Федерации, это не только не привело к утрате традиционных ценностей в рамках политической культуры, но и усилило их в некоторой степени, о чем говорят достаточно высокие результаты по явке на выборах и поддержке политического курса главы государства В. Пу-

Кандидат/политическая партия	Количество голосов,%	Явка избирателей,%	Количество голосов,%	Явка избирателей,%
1. Кандидат	2012		2018	
В. Путин	90,0	92,63	91,88	93,66
П. Грудинин			3,51	
В. Жириновский	1,74		1,71	
Г. Зюганов	4,32		–	
2. Политическая партия	2016		2021	
«Единая Россия»	82,61	90,0	85,3	83,3
КПРФ	4,17		4,2	
ЛДПР	3,12		1,8	
«Справедливая Россия» / «Справедливая России-патриоты-за правду»	4,35		3	
«Новые люди»	–		2,3	

Таблица 1. Итоги выборов Президента РФ и депутатов Государственной думы ФС РФ в Республике Тыва

тина, партии «Единая Россия» на федеральном и региональном уровнях [2].

Достаточно важным индикатором проявления общественных настроений и поведения населения выступает политическая культура. Согласно предложенной еще в 50-е годы прошлого века типологии политической культуры Г. Алмонда и С. Вербы тувинская политическая культура относится к смешанному патриархально-подданническому типу, в котором преобладают локальные ценности (ценности клана, племени, нации) в сочетании с элементами аполитичности, пассивного политического участия и высокого уровня поддержки институтов власти [11, с. 38].

Рассмотрим наиболее устойчивые черты политической культуры тувинцев, определяющие современное политическое поведение населения и объясняющие высокий уровень доверия и поддержки институтов власти.

Весомое место в характеристике политической культуры тувинского общества играют архаические черты [3, с. 111], оказывающие

влияние на устойчивость традиционного уклада общества и господство традиционных черт, а также – опора на сильного лидера, который ассоциируется, как правило, с главой государства В. В. Путиным и министром обороны РФ С. Шойгу (родился в г. Чадан Республики Тыва) [4, с. 166].

Архаичность политической культуры интегрирует такие компоненты, как сакрализация политики, мифологизация и идеализация власти (например, в форме боготворчества), значимость политических традиций, основанных на игровом элементе в политике, персонализации государства с его лидером. Как отмечает Н. Г. Щербинина, в России божественным началом выступает понятие справедливости, включающее такие принципы, как порядок, закон, благосостояние, мир, добродетель без опоры на религию [10, с. 128]. В Тыве архаика власти проявляется через придание конкретному политику или партии сакральных черт, обеспечивая в итоге высокий уровень народной поддержки, что достаточно четко проявляется

по отношению к Президенту РФ, главе Республики и утрачивает свою роль в случае потери статуса лидера (например, утрата доверия к бывшему главе республике Ш. В. Кара-оол после его отставки в конце 2021 г.).

Помимо архаики отметим важную роль такой черты в политической культуре Республики Тыва, как традиции. По нашему мнению, именно традиции, сохранявшиеся столетиями, позволили существенным образом противостоять тенденции ассимиляции тувинцев с русским этносом в период советской власти. Как отмечает в своих работах тувинский ученый Ч. К. Ламажаа, в отличие от якутов, калмыков и бурятов тувинцы сумели незначительным образом ассимилироваться с русскими, сохранив язык, религию, внешний облик, основы своей культуры, в частности – традиционные для тувинского этноса фамилии и имена, происходящие от родов («Монгуш», «Ооржак», «Куулар» и др.). Согласно результатам исследований десяти тысяч тувинских имен в рамках лингвистических экспедиций Н. Д. Сувандии по Туве предпочтение отдавалось тувинским именам независимо от политической системы и находящейся у власти элиты [8, с. 5].

Еще одна важная черта политической культуры Тувы – персонализация политики в лице харизматического лидера. Так Ю. С. Пивоваров выделил такую характеристику персонализации политики, как концентрация власти в одних руках, что обеспечивает достижение стабильности государства, особенно в периоды кризиса. В условиях многонационального состава России и ее огромных территорий персонализация политики – это необходимая неизбежность [6, с. 13].

Итак, современная политическая культура тувинского общества – это сочетание совершенно разных черт общей культуры, формировавшихся на протяжении всей истории складывания данного этноса. Наиболее точно синтез различных черт политической культуры объединяет такой тип политической культуры, как патриархально-подданнический, при этом второй компонент данного типа, подданнический, как показывает история развития тувинцев, обеспечивает одновременно устойчивость культурных традиций и высокий уровень легитимности власти и политической системы в целом.

Список литературы

1. Доржу З. В. К вопросу об установлении протектората России над Тувой в 1914 г. // Власть. 2014. Т. 22. № 4. С. 157–161.
2. Избирательная комиссия Республики Тыва. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tyva.izbirkom.ru>
3. Матвеева Е. В. Экспертная культура регионов как синтез традиционного и современного // Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура: сборник научных трудов; науч. ред. Т. И. Грабельных. Иркутск. 2022. С. 109–112.
4. Матвеева Е. В., Сам А. В. Политическая культура избирателей республики Тыва как индикатор отношений власти и общества (по результатам социологических исследований) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 159–167.
5. Отрощенко И. В. Из истории протестного движения в ТНР первой половины 1930-х гг. // Новые исследования Тувы. 2012. № 3. С. 74–85.
6. Пивоваров Ю. С. Русская власть и публичная политика (Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита) // Полис. Политические исследования. 2006. № 6. С. 12–32.
7. Саая С. В., Сам С. Ч. Причины политических репрессий в Тувинской народной республике в 1930-1940 гг. // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. 2009. № 1. С. 60–65.
8. Сувандии Н. Д. Тувинская антропонимия: автореф. ... кандидата филологических наук. Москва. 2004. 24 с.

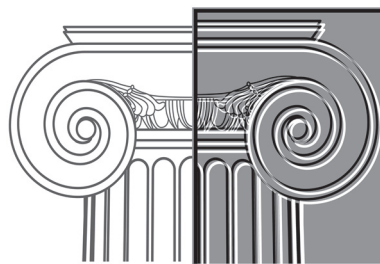
9. Хамфри К. Постсоветские трансформации в азиатской части России (антропологические очерки) = Post-Soviet Transformations in Asiatic Russia. Anthropological Sketches / предисл. Б. Базарова, пер. с англ. А. Космарская, Н. Космарских. Москва: Наталис. 2010. 382 с.
10. Щербинина Н. Г. Архаика в российской политической культуре // Полис. Политические исследования. 1997. № 2. С. 127–139.
11. Almond G. A., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton. 1963. 500 p.

References

1. Dorzhu Z. V. On the question of the establishment of the protectorate of Russia over Tuva in 1914. Power. 2014, vol. 22, no. 4, pp. 157–161. (In Russ.)
2. Election Commission of the Republic of Tyva. Official website. Available at: <http://www.tyva.izbirkom.ru>
3. Matveeva E. V. Expert culture of regions as a synthesis of traditional and modern. Expert institutes in the XXI century: principles, technologies, culture: collection of scientific papers; scientific ed. by T. I. Grabelnykh. Irkutsk, 2022, pp. 109–112. (In Russ.)
4. Matveeva E. V., Website A.V. Political culture of voters of the Republic of Tyva as an indicator of relations between government and society (based on the results of sociological research). Bulletin of Tomsk State University. 2022, no. 476, pp. 159–167. (In Russ.)
5. Atroschenko I. V. From the history of the protest movement in the TNR of the first half of the 1930s. New studies of Tuva. 2012, no. 3, pp. 74–85. (In Russ.)
6. Pivovarov Yu. S. Russian power and public policy (Notes of a historian on the reasons for the failure of democratic transit). Polis. Political studies. 2006, no. 6, pp. 12–32. (In Russ.)
7. Saaya S. V., Sat S. Ch. The causes of political repression in the Tuvan People's Republic in 1930-1940. Bulletin of the Tuvan State University. Social sciences and humanities. 2009, no. 1, pp. 60–65. (In Russ.)
8. Suwandii N. D. Tuvan anthroponymy: abstract. ... candidate of philological sciences. Moscow, 2004. 24 p. (In Russ.)
9. Humphrey K. Post-Soviet transformations in the Asian part of Russia (anthropological essays) = Post-Soviet Transformations in Asiatic Russia. Anthropological Sketches. Moscow: Natalis, 2010. 382 p. (In Russ.)
10. Shcherbinina N. G. Archaika in Russian political culture. Polis. Political studies. 1997, no. 2, pp. 127–139. (In Russ.)
11. Almond G. A., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963. 500 p.

*

Поступила в редакцию 07.07.2022

ПЕДАГОГИКА КУЛЬТУРЫ

СОТРУДНИЧЕСТВО МУЗЕЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧАЩИХСЯ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 069.1 : 378

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-109-118>

А. А. Кондрашкина

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет,
Нижний Новгород, Российская Федерация

e-mail: kond-antonina@yandex.ru

Аннотация: В статье констатируется противоречие между возрастающим значением культурной компетентности для полноценной жизни личности в современном мире и неготовностью образовательной системы к созданию условий для её всестороннего развития. Проблемы формирования и развития культурной компетентности осмысливаются в тесной связи с теми вызовами и противоречиями, с которыми сталкиваются участники образовательного процесса на современном этапе. В связи с этим обосновывается мысль о целесообразности сотрудничества музея и образовательных учреждений ввиду возможности обогащения педагогического процесса уникальными культурными практиками, в которые учащиеся включаются как активные субъекты деятельности. Автор обращается к собственному опыту участия в подготовке будущих культурологов в условиях тесного взаимодействия вуза и музейных учреждений. На этом основании выявляются наиболее продуктивные формы их сотрудничества, способствующие формированию и развитию широкого общекультурного и профессионального кругозора, соответствующих умений и навыков учащихся, и (косвенно) повышающие степень их инкультурации и социализации.

Ключевые слова: образование, культурная компетентность, личность, музей, школа, вуз.

Для цитирования: Кондрашкина А. А. Сотрудничество музея и образовательных учреждений как фактор формирования и развития культурной компетентности учащихся: вызовы и перспективы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №4 (108). С. 109-118. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-109-118>

COOPERATION OF THE MUSEUM AND EDUCATIONAL INSTITUTIONS AS A FACTOR OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF CULTURAL COMPETENCE OF STUDENTS: SUMMONSES AND PERSPECTIVES

КОНДРАШКИНА АНТОНИНА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой культурологии факультета архитектуры и дизайна Нижегородского архитектурно-строительного университета (ФАИД ННГАСУ)

KONDRASHKINA ANTONINA ALEXANDROVNA – Candidate of Pedagogical Sciences, Head of the Department of Cultural Studies of the Faculty of Architecture and Design of Nizhny Novgorod University of Architecture and Civil Engineering (FAID NNGASU)

© Кондрашкина А.А., 2022

Antonina A. Kondrashkina

Nizhny Novgorod Architecture and Construction University, Nizhny Novgorod, Russian Federation
e-mail: kond-antonina@yandex.ru

Abstract: The article states the contradiction between the increasing importance of cultural competence for the full life of the individual in the modern world and lack of readiness of the educational system to create conditions for its comprehensive development. Problems of formation and development of cultural competence are understood in close connection with those challenges and the contradictions faced by the participants of the educational process at the present stage. In this regard, the idea of the expediency of cooperation of the museum and educational institutions in view of the possibility of enriching the pedagogical process with unique cultural practices, in which students are included as active subjects of activity. The author refers to their own experience of participating in the training of future cultural scientists in close cooperation between the university and museum institutions. On this basis, the most productive forms of their interaction are identified, contributing to the formation and development of a broad general cultural and professional outlook, corresponding skills and abilities of students, and, indirectly, increasing their degree of inculcation and socialization.

Keywords: education, general cultural competence, personality, museum, school, university.

For citation: Kondrashkina A. A. Cooperation of the museum and educational institutions as a factor of formation and development of cultural competence of students: summonses and perspectives. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 4 (108), pp. 109-118. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-109-118>

Вызовы современности (глобализация, массовизация, информатизация, сетевизация, виртуализация и пр.), как фактор и, вместе с тем, результат глубоких перемен во всех областях человеческого существования, стали источником нового видения человека, культуры и их будущего. Его образ, при всем многообразии подходов в области научного прогнозирования, уже аксиоматически связывается с технологическими инновациями, трансформациями глобальных и локальных рынков, растущей взаимозависимостью государств. Вместе с тем будущее осмысливается сквозь призму тех культурных кризисных явлений, которые сопровождают тектонические геополитические сдвиги, экономические и технико-технологические нововведения: кризис метанарративов, ценностный релятивизм, утверждение консьюмеризма, тривиализация высокой культуры. Перед лицом неизвестного будущего взгляд человека неизбежно обращается к тем формам организации его жизни, которые в прошлом уже доказали свою способность стабилизировать

социальные связи и отношения, обеспечивая основания для интеграции людей и их продуктивной деятельности. Разумеется, роль в этих процессах таких социокультурных институций, как учебные заведения и музеи, не вполне однозначна. Так, и школа и музей могут быть не только пространством гармонизации личности и её отношений с реальностью, но и местом рождения разнообразных конфликтов. Однако в условиях кризиса гуманизма и нарастания многочисленных противоречий на первый план выходит их образовательный и воспитательный потенциал, который наиболее полно реализуется в условиях взаимного сотрудничества.

Интерес со стороны отечественных исследователей и практиков к различным аспектам взаимодействия образовательных учреждений и музеев сохраняется на протяжении многих десятилетий. Последние годы это внимание во многом определяется модернизацией образования, к важнейшим задачам которой относят создание условий для подготовки молодежи к профессиональной деятельности,

требующей сегодня не только соответствующих узкоспециальных компетенций, но и креативного мышления, определенного уровня духовно-нравственной культуры, активной и ответственной жизненной позиции. И, как показывает опыт, эффективность решения подобных задач возрастает при обращении к тем культурным институтам, которые способны существенно обогатить традиционные формы образовательной деятельности и предоставить уникальные возможности постижения мира. Наиболее заметным потенциалом в данном отношении обладает музей как хранилище памяти и транслятор культуры, пространство инкультурации и социализации личности. Рассуждая об образовательном потенциале музея, М. Б. Гнедовский подчеркнул его способность «... дать человеку то, чего не могут обеспечить ни школа, ни книги, ни другие новейшие достижения цивилизации – опыт личного соприкосновения с реальностью истории и культуры, опыт переживания времени через пространство, содержащее зримые, соразмерные человеку и человеком порождённые ценности. Не знание истории как совокупности истин и сведений, но отношение к ней, личное отношение – вот что призван формировать музей...» [2, с. 21]. Эта мысль созвучна идеям Е. Н. Мастеницы, которая, формулируя задачу музея, отмечает, что состоит она «не в том, чтобы дать фундаментальные знания, а в формировании (совершенствовании, закреплении) отношения человека к миру, его прошлому» [8, с. 124].

Выражая солидарность, хотелось бы уточнить необходимость формирования и развития *осмысленного* отношения. Это подразумевает не только передачу и закрепление в сознании человека фундаментальных знаний о феноменах культуры прошлого и настоящего времени, но и оснащение его тем познавательным инструментарием, который задает векторы обдуманного «погружения» в мир культуры, осознанного восприятия и, как следствие, отношения. Отметим, что гармоничное развитие индивидуального субъекта социокультурных отношений возможно толь-

ко при условии деятельного, систематического освоения личностью мира культуры и социального опыта, в ходе которого происходит становление её культурной компетентности.

Как показывает анализ литературы, исследования культурной компетентности имеют преимущественно прикладной характер и направлены на выявление её потенциала в разных областях профессиональной и непрофессиональной деятельности человека. При этом в трудах отечественных авторов отсутствует демаркация понятий общекультурная и культурная компетентность, нет четко сформулированных критериев, характеризующих культурную компетентность личности, недостаточно освещены взаимосвязи между уровнем культурной компетентности и профессиональными достижениями и пр. Несмотря на это среди специалистов сложилось устойчивое понимание культурной компетентности как фактора усиления адаптационных возможностей человека, повышения его конкурентоспособности, сопутствующей профессиональному и жизненному успеху. В связи с этим подчеркивается значимость её формирования и развития в процессе становления человека как полноценного члена общества.

В общем плане потребность в формировании и развитии культурной компетентности личности тесно связана с процессами усложнения общественной практики и производных от неё социальных и профессиональных задач. Их решение требует от человека определенных когнитивных, эмоциональных, волевых, поведенческих качеств, соответствующих стремительно меняющимся условиям жизни. Одновременно с этим кризис утилитарно-прагматической модели существования, проявивший себя в начале тысячелетия в самых разнообразных формах, повлек за собой напряженную дискуссию о дальнейшем пути развития системы образования, в том числе и в России. Не углубляясь в детали этой полемики, до завершения которой, без сомнения, далеко, отметим, что в её процессе просматриваются черты переориентации на идею образования как культурной практики, ду-

ховно обогащающей человека, помогающей ему раскрыть и воплотить в реальности свои потенциальные способности. То есть, по сути, речь идет о необходимости гуманизации образования. Идея не нова, опора на принципы гуманизма в образовании насчитывает не одно столетие. Однако сегодня она приобретает новое звучание в связи с многократным умножением ответственности человека за принимаемые решения. Подготовка личности к жизни в многомерном мире требует большего, чем обучение способности воспроизводить тот или иной алгоритм социальных действий. Перманентная перестройка социально-культурного организма, столь свойственная современности, превращает любой алгоритм действий в некий фактор риска, не гарантирующий успеха. Следовательно, знание «технических» решений должно сопровождаться установкой на дивергентное (нелинейное) мышление, понимание мира в его целостности, многогранности и противоречивости. В силу этого в современной образовательной парадигме актуальность приобретают педагогические практики, направленные на формирование и развитие культурной компетентности, способствующей преодолению одномерного утилитарно ориентированного «взгляда» личности на мир.

Обращение к ряду работ учебного, исследовательского и справочного характера [1; 6; 9; 11; 15; 16; 17; 18 и др.] позволило выделить и обобщить несколько ключевых моментов в понимании феномена культурной компетентности:

- культурная компетентность – это интегральная характеристика культуры личности, включающая как знания о культурных явлениях и процессах, так и способности (умения, навыки) личности к коммуникации, пониманию других культур, достижению согласия, познанию, труду, саморазвитию; она содержит ценностно-смысловой аспект, способность к рефлексии и творчеству, а также – личностную позицию к той или иной стороне действительности;

- культурная компетентность означает степень социализированности и инкультурированности индивида в обществе и может быть охарактеризована и как определенного рода утонченность параметров социальной адекватности личности, как идеальная форма ее проявления (А. Я. Флиер);
- культурная компетентность тесно связана с культурным капиталом индивидуума – с его знаниями, опытом, навыками, наградами и пр. и его культурным интеллектом – кругозором, осведомленностью, культурными возможностями;
- уровень культурной компетентности определяет способность успешной адаптации личности в социокультурной среде и эффективность её учебной и профессиональной деятельности;
- формирование и развитие культурной компетентности в условиях образовательных организаций подразумевает наличие гуманитарно-ориентированной среды, повышение роли дисциплин гуманитарного профиля, надпредметный характер культурного развития личности учащегося, активную роль учащихся как субъектов культурной деятельности.

Несмотря на признание специалистами значимости культурной компетентности в жизни человека и общества, проблемы её формирования и развития в условиях образовательных учреждений остаются актуальными и проявляются в разнообразных негативных тенденциях, сопровождающих образовательный процесс. Рассмотрим подробнее.

Деятельное освоение мира культуры, границы которого сегодня стремительно расширяются, требует основательных и разноплановых знаний, а также – наличия соответствующего познавательного инструментария, посредством которого личность овладевает определёнными представлениями и умения-

ми как основой её культурной компетентности. Целенаправленный и систематический характер этот процесс приобретает в системе образования, последовательно усложняясь по мере становления готовности и способности человека понимать, осмысливать, интерпретировать, выбирать, усваивать. Образование, как «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения», подразумевает создание условий, способствующих переводу знаний во взгляды, убеждения и идеалы личности, направляющие её деятельность. В теоретическом плане указанный путь представляется достаточно убедительным. Однако в действительности участники образовательного процесса сталкиваются с комплексом взаимозависимых и разнородных проблем. Прежде всего, приходится признать, что, как правило, школьное образование (с которого должен начинаться этот путь) не вооружает в должной мере ученика необходимым методологическим инструментарием для активного освоения мира культуры и её осмысленного восприятия. Кроме того, следует отметить преимущественно декларативный характер реализации задачи развития ученика как субъекта познавательной деятельности. В чем это выражается и какие последствия влечет?

Системно-деятельностный подход в отечественном образовании, заданный Федеральным государственным образовательным стандартом среднего общего образования (ФГОС СОО), подразумевает формирование готовности обучающихся к саморазвитию и непрерывному образованию. Однако заявленная ориентация на обучение ребенка самостоятельному познанию (научить учиться) сталкивается с изменившимися личностными характеристиками школьников и их отношением к учебно-познавательной деятельности, с одной стороны, и с многочисленными проблемами организационного, методологического, дидактического и т. п. характера, с другой. В частности, исследователи констатируют нарастание отчуждения учащихся от учебно-познавательной деятельности,

которое усугубляется по мере приближения к старшим классам; усиление прагматической ориентации школьников, в том числе, и в вопросах учебы (возрастает значимость приобретаемых знаний в свете получения будущей профессии и снижается их самооценочность). В этих обстоятельствах «школа и учебно-познавательная деятельность не рассматриваются как самодостаточная сфера жизнедеятельности школьника, как пространство самоопределения и самореализации ученика, как «важное для человека настоящее», которое ценно каждым днем и каждым приращением в этой деятельности» [10, с. 127]. Кроме того, отмечаются интеллектуальная пассивность учащихся, неготовность к самостоятельному познанию, нежелание заниматься [13, с. 52]. Выявляются также сложности в работе с текстами, а именно – их анализом, обобщением, интерпретацией, применением; проблемы с установлением причинно-следственных связей, формулировкой и аргументированием собственной позиции [7, с. 132] и т. п.

Подобное положение определяется совокупностью причин, среди которых не последнюю роль играют интенсивно внедряемые во все сферы нашей жизни цифровые технологии. Их влияние отличается противоречивым характером. С одной стороны, повсеместная распространенность новых технологий переводит информацию и навыки её обработки в разряд наиболее значимых ресурсов человеческого капитала, а получение знаний и развитие интеллекта становятся залогом повышения его качества. С другой стороны, скорость обработки, передачи и получения информации может создавать иллюзию доступности знаний, тем самым, снижая их ценность (и самооценочность). Сами же технологии из помощника превращаются в заменитель сознания, а человек из субъекта познания трансформируется в информационного потребителя. В учебном процессе эти тенденции находят «поддержку» в виде субъект-объектного типа взаимодействия педагога и учащегося; усвоения знаний, преимущественно, в готовом виде; ориентации на развитие памяти,

а не мышления; низкого уровня самостоятельности учащихся; преобладания в учебно-познавательной деятельности не внутренних, а внешних мотивов и т. д. В дополнение отметим, что «портрет выпускника школы», представленный ФГОС СОО, предполагает, помимо прочего, его способность «осуществлять учебно-исследовательскую, проектную и информационно-познавательную деятельность». Однако на практике преобладающая доля выпускников, поступающих в вузы, не только не владеет этими способностями, но и не осознает ценности самостоятельно получаемого знания. Зачем тратить время на поиски, выработку знания, когда предоставляемая посредством технологий информация доступна, избыточна и разнообразна.

В плане нашей проблематики нельзя не учитывать и то, что сложности в исполнении требований ФГОС СОО к личностным, предметным и метапредметным результатам освоения обучающимися основной образовательной программы в определенной степени обусловлены противоречиями, которые существуют между указанными требованиями и теми условиями, в которых программа реализуется. Так, И. Ю. Синельников, представляя итоги исследований в области реализации требований Стандарта к метапредметным результатам, констатирует не только низкий уровень выполнения школьниками заданий метапредметного характера, но и неготовность администрации школ и педагогов к внедрению метапредметного подхода в образовательную деятельность [12]. Затруднения в реализации образовательной модели, заданной Стандартом, вызваны отсутствием разработанных дидактических средств, соответствующих новой образовательной парадигме [14, с 3]. Кроме того, преобладают традиционные установки в профессиональной деятельности учителей [3]; большие объемы информации предлагаются к изучению в готовом виде, без анализа; не хватает часов для освоения программы обучения и отработки навыков и закрепления знаний по пройденным темам [4, с. 231].

Преимущество указанных проблем в системе высшего образования не вызывает сомнений. Более того, к вышеперечисленным добавляются новые, специфические, начиная с замены в Федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования третьего поколения (ФГОС ВО 3++) общекультурных компетенций универсальными и заканчивая широко обсуждаемыми последствиями интеграции в Болонскую систему.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов является постепенный дрейф образовательного процесса от академического фундаментального знания к утилитарно-прагматической модели, что на практике означает «сужение фундаментальных знаний до уровня практико-ориентированных компетенций в узких сегментах отдельных дисциплин» [5, с. 92]. Проблема соотношения фундаментальной и специализированной составляющей в процессе профессиональной подготовки является предметом дискуссии в академическом поле достаточно давно и демонстрирует, очевидно, необходимость обновления образовательной парадигмы с учетом достоинств и недостатков существующих подходов и наработанного опыта. А опыт показывает, что ориентация на фундаментальность знаний в условиях четырехлетнего бакалавриата зачастую оборачивается недостатками профессионализма в силу дефицита тех знаний и навыков, которые могут быть востребованы в практической деятельности специалиста. В то же время узкопрофильная направленность может обернуться сужением горизонта профессиональных возможностей ввиду соответствия сформированных компетенций лишь ограниченному сектору деятельности в рамках профессии. И, как указывалось выше, замена в ФГОС ВО 3++ по целому ряду направлений подготовки общекультурных компетенций на универсальные фактически упразднила задачу формирования и развития культурной компетентности студентов. Заметим, что в этой ситуации наиболее уязвимыми оказались учащиеся негуманитарных направлений, где и ранее преобладал преимущественно формальный подход к вопросам их культур-

ного развития. Положение усугубляется набором проблем, ставших уже привычными для отечественной высшей школы: сокращение контактных часов работы (в пользу увеличения часов самостоятельной работы студента); увеличение загруженности преподавателя, в том числе и работой, не связанной непосредственно с учебной и научно-исследовательской работой; бюрократизация учебного процесса и т. д.

Таким образом, можно констатировать противоречие между растущим значением культурной компетентности для полноценного существования личности в современном мире и неготовностью образовательной системы к созданию условий для её всестороннего развития. Преобладающий в настоящее время механистический подход к подготовке человека к будущей взрослой, в том числе и профессиональной, жизни подразумевает ориентацию образовательного процесса почти исключительно на формирование компетенций, соответствующих текущему запросу рынка труда. При этом мало внимания уделяется тем характеристикам личности, которые не обладают свойством прямой капитализации, но, тем не менее, отличаются самоценностью и выполняют функцию «навигатора» в человеческой жизни: формируют осознанный интерес к миру, чувство человеческого достоинства, нравственность, эстетическое отношение к действительности. В свете сказанного, как отмечалось выше, возрастает значение социальных и культурных институтов, способных выходить за рамки узкокомпетентностного подхода и дополнять учебный процесс уникальными образовательными и интеллектуальными практиками. И так как возможности музея вполне отвечают этим задачам, его вовлечение в учебно-воспитательный процесс представляется естественным и логичным, особенно в свете установки на гуманизацию образования.

Хотелось бы подчеркнуть, что консолидация ресурсов и усилий образовательных и культурных учреждений в существенной степени расширяет возможности и тех и других. Этот тезис находит подтверждение в различных примерах плодотворного сотрудничества высших учебных заведений и музеев.

Для автора данной статьи свидетельством продуктивности подобной практики коллаборации стал почти двадцатилетний опыт подготовки будущих культурологов (по программам бакалавриата и магистратуры) в составе профессорско-преподавательского коллектива кафедры культурологии Нижегородского архитектурно-строительного университета (ННГАСУ, г. Нижний Новгород). На протяжении долгого времени между кафедрой и музейными учреждениями города, такими, как Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, Нижегородский государственный художественный музей, Музейно-выставочный центр «Микула», Государственный ордена Почета музей А. М. Горького и др., выстраивались тесные профессиональные и дружеские отношения, позволившие обогатить педагогический процесс, разнообразить учебную и внеучебную деятельность студентов. А для музеев этот процесс усиливает возможности реализации их потенциала как общественного института.

Исходя из задач выпускающей кафедры, необходимость налаживания партнерских отношений с музеями продиктована, прежде всего, задачами формирования и развития профессиональных компетенций будущих специалистов-культурологов. Кроме того, создание совместных образовательных площадок способствует выстраиванию обратных связей с потенциальным работодателем – музейным учреждением, что повышает качество образования и конкурентоспособность выпускников.

Наработанный в области сотрудничества с музеями опыт позволяет выделить ряд наиболее продуктивных форм взаимодействия:

- привлечение сотрудников музейных учреждений для проведения лекционных и семинарских занятий со студентами по дисциплинам учебного плана («Теория искусства», «История искусств», «Музееведение», «Экскурсионная работа», «Прикладная культурология» и т. д.);
- проведение на базе музейных учреждений учебных занятий (лекции, прак-

- тические занятия), учебных и производственных практик;
- посещение студентами постоянных и временных экспозиций музеев, работа с экспонатами (написание эссе, этикетаж, аннотации, подготовка выставочных стендов и т. п.);
- осуществление студентами в рамках практик и курсового проектирования сбора архивной и иной информации по тематическому запросу культурных учреждений;
- разработка и реализация студентами социально-культурных проектов и программ тематических мероприятий для разных целевых групп (например, в рамках курсового проектирования и выполнения выпускной квалификационной работы);
- привлечение ведущих сотрудников и директоров музеев к совместной разработке учебных планов, рабочих программ дисциплин и практик, к работе в составе государственной экзаменационной комиссии, а также в качестве консультантов студентов во время выполнения ими выпускных квалификационных работ;
- участие сотрудников учреждений, преподавателей и студентов кафедры в совместных мероприятиях – в научно-практических конференциях, театрализованных представлениях, мастер-классах, выставках, конкурсах и пр.

Указанные формы совместной работы обеспечивают

- ориентацию на развитие широкого общекультурного и профессионального кругозора учащихся;
- формирование и развитие знаний и умений в областях прикладной культурологии и социокультурной деятельности в соответствии с актуальными задачами практики;
- развитие навыков обработки теоретического содержания относительно дис-

циплин гуманитарного цикла в тесной связи с задачами прикладной деятельности культуролога;

- развитие осознанного отношения к музейному предмету, в целом к истории и культуре посредством погружения в культуротворческую музейную среду;
- становление и закрепление практических навыков работы в соответствии с установленными задачами профессиональной деятельности – проектно-аналитическими, производственно-технологическими, культурно-просветительскими, педагогическими, организационно-управленческими, научно-исследовательскими;
- формирование устойчивых положительных мотивов профессиональной деятельности, социально значимых и профессионально-важных качеств личности;
- содействие целевому распределению выпускников и т. д.

В широком плане данные практики способствуют преодолению фрагментарности общей картины социальной реальности, формированию целостного мировоззрения, более успешному процессу инкультурации и социализации личности учащегося. Студенты, деятельно принимающие участие в совместных с музеем формах культурно-образовательной деятельности, демонстрируют высокую публикационную активность, социальную ответственность, профессиональную мотивированность и целеустремленность, что, на наш взгляд, особенно значимо при отсутствии четко очерченной сферы применения культурологических компетенций.

Очевидно, что становление культурной компетентности будущих культурологов в учебном процессе, можно сказать, естественным образом сопряжено с выработкой профессиональных компетенций. Это, по-видимому, ограничивает возможности применения нашего опыта в рамках других направлений подготовки (прежде всего, негуманитарных). Вместе с тем, адаптивность и многофункциональный харак-

тер музея, накопленный педагогический потенциал закрепляют его образовательную миссию, в основании которой – установка на социокультурное воспроизводство как основу сохранения и развития общества и человека. В этой связи особую ценность приобретает способность му-

зея быть универсальной платформой для формирования и развития высокой личностной культуры, являющейся, с одной стороны, залогом жизненного и профессионального успеха, а с другой, – условием наращивания культурного капитала в масштабах общества.

Список литературы

1. Астахова Л. В. Развитие культурной компетентности студента в постиндустриальном обществе: императивы капитального подхода // Интеграция образования. 2017. Т. 21. № 1. С. 35–45.
2. Гнедовский М. Б., Макарова Н. Г., Юхневич М. Г. Музей и образование: материалы для обсуждения. Москва: ВНИК «Школа», 1989. 52 с.
3. Гурова О. П. Проблемы перехода школы на ФГОС в контексте реализации идей непрерывного образования (из опыта работы лицея № 7 г. Минусинска) // Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 2014. № 9. С. 81–85.
4. Ефимова О. С. Особенности обучения младших школьников в современном цифровом обществе // Педагогика и психология образования. 2022. № 1. С. 224–239.
5. Загребин С. С. Современные проблемы «модернизации» отечественного образования: полемические заметки // Инновационное развитие профессионального образования. 2016. № 3 (11). С. 91–96.
6. Киселева Е. В. Формирование культурной компетентности студентов технического вуза.: автореф. дис. ... канд. пед.наук. Москва, 2007. 26 с.
7. Литовченко О. В. Проблемы развития познавательных умений у современных школьников // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2014. № 167. С. 131–136.
8. Мастеница Е. Н. Культурологический вектор образовательной деятельности музея // Вестник Университета Российской академии образования. 2009. № 5. С. 123–127.
9. Мосолова Л. М. Компетентность культурная // Прикладная культурология. Энциклопедия М.: ООО Издательство «согласие». 2019. С. 274–277.
10. Рослякова С. В. К вопросу об учебно-познавательной деятельности современных школьников // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 3. С. 125–130.
11. Савелова Е. Формирование культурной компетентности // Высшее образование в России. 2004. № 11. С. 61–64.
12. Синельников И. Ю. Метапредметность в школьном образовании: проблемы готовности и мотивации к освоению инновации // Конференциум Академии Социального Управления: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. 2017. № 1. С. 787–794.
13. Суворова Е. П. Новая школа: проблемы междисциплинарного взаимодействия // Universum: Вестник Герценовского университета. 2010. № 1. С. 52–55.
14. Тестов В. А. О некоторых проблемах внедрения в школьное образование новых ФГОС // Школьные технологии. 2016. № 1. С. 3–8.
15. Флиер А. Я. Культурная компетентность личности: между проблемами образования и национальной политики // Общественные науки и современность. 2000. № 2. С. 151–165.
16. Флиер А. Я. Культурология для культурологов: Учебное пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии. М.: Академический Проект, 2000. 496 с.
17. Хорошилова Н. В. Формирование культурной компетентности студентов вуза.: автореф. дис. ... канд. пед.наук. Нижний Новгород, 2013. 23 с.

18. Янова Н. Г., Ральникова И. А., Лужбина Н. А. Культурная компетентность психолога: вопросы диагностики и консультирования // *Человеческий капитал*. 2020. № 7(139). С. 167–180.

References

1. Astakhova L. V. Development of the student's cultural competence in a post-industrial society: imperatives of the capital approach // *Education Integration*. 2017. V. 21. No. 1. P. 35–45.
2. Gnedovsky M. B., Makarova N. G., Yukhnevich M. G. Museum and education: materials for discussion. Moscow: VNIK "School", 1989. 52 p.
3. Gurova O. P. Problems of the School's Transition to the Federal State Educational Standard in the Context of the Implementation of the Ideas of Lifelong Education (From the Experience of Lyceum No. 7 in Minusinsk) N. F. Katanov. 2014. No. 9. pp. 81–85.
4. Efimova O. S. Peculiarities of teaching younger schoolchildren in the modern digital society // *Pedagogy and psychology of education*. 2022. № 1. pp. 224–239.
5. Zagrebin S. S. Modern problems of "modernization" of domestic education: polemical notes // *Innovative development of vocational education*. 2016. No. 3 (11). pp. 91–96.
6. Kiseleva E. V. Formation of cultural competence of students of a technical university.: Ph.D. dis. ... cand. pedagogical sciences Moscow, 2007. 26 p.
7. Litovchenko O. V. Problems of the development of cognitive skills in modern schoolchildren. *Izvestiya RGPU im. A. I. Herzen*. 2014. No. 167. pp. 131–136.
8. Mastenitsa, E. N. Cultural vector of educational activities of the museum // *Bulletin of the University of the Russian Academy of Education*. 2009. No. 5. pp. 123–127.
9. Mosolova L. M. Cultural competence // *Applied cultural studies*. Encyclopedia M.: LLC Publishing House Consent. 2019, pp. 274–277.
10. Roslyakova S. V. On the issue of educational and cognitive activity of modern schoolchildren // *Historical and socio-educational thought*. 2014. № 3. pp. 125–130.
11. Savelova E. Formation of cultural competence // *Higher education in Russia*. 2004. No. 11. pp. 61–64.
12. Sinelnikov, I. Yu. Metasubjectivity in school education: problems of readiness and motivation for the development of innovation // *Conference of the Academy of Social Management: a collection of scientific papers and materials of scientific and practical conferences*. 2017. No. 1. P. 787–794.
13. Suvorova E. P. New school: problems of interdisciplinary interaction // *Universum: Bulletin of Herzen University*. 2010. № 1. pp. 52–55.
14. Testov V. A. On some problems of introducing new federal state educational standards into school education // *School technologies*. 2016. No. 1. pp. 3–8.
15. Flier A. Ya. Cultural competence of the individual: between the problems of education and national policy // *Social sciences and modernity*. 2000. No. 2. S. 151–165.
16. Flier A. Ya. *Culturology for Culturologists: Textbook for undergraduates and graduate students, doctoral students and applicants, as well as teachers of cultural studies*. Moscow: Academic Project, 2000. 496 p.
17. Horoshilova N. V. Formation of cultural competence of university students.: Ph.D. dis. ... cand. ped.sci. Nizhny Novgorod, 2013. 23 p.
18. Yanova N. G., Ralnikova I. A., Luzhbina N. A. Cultural competence of a psychologist: questions of diagnostics and counseling // *Human capital*. 2020. No. 7(139). pp. 167–180.

*

Поступила в редакцию 20.06.2022

ЭТНООРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД В СОВРЕМЕННОЙ ПЕДАГОГИКЕ

УДК 37.013 : 378 : 39

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-119-124>

М. М. Мишина

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация

e-mail: imishinamm@yandex.ru

Аннотация: В современном мире в результате глобализации и возрастающей мобильности населения земного шара человек всё чаще сталкивается с представителями других народов. Поэтому понимание особенностей чужой культуры становится необходимым условием успешной коммуникации и сотрудничества в различных сферах, что напрямую касается высшей школы. Этноориентированный подход в современной педагогике лежит в основе методики преподавания разного рода дисциплин в высших учебных заведениях. Возникает необходимость учитывать языковые и культурные особенности иностранных студентов для оптимизации учебного процесса и создания благоприятных условий для адаптации иностранцев в российском обществе. Именно такой подход лежит в основе этноориентированной методики преподавания ряда дисциплин в российских вузах.

Ключевые слова: воспитание, этноориентированный подход, педагогика, культура, формирование, личность.

Для цитирования: Мишина М. М. Этноориентированный подход в современной педагогике // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №4 (108). С. 119-124. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-119-124>

ETHNOORIENTED APPROACH IN MODERN PEDAGOGY

Marina M. Mishina

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

e-mail: imishinamm@yandex.ru

Abstract: In the modern world, as a result of globalization and the increasing mobility of the world's population, people are increasingly encountering representatives of other peoples. Therefore, understanding the peculiarities of someone else's culture becomes a prerequisite for successful communication and cooperation in various fields, which directly concerns higher education. The ethno-oriented approach in modern pedagogy underlies the methodology of teaching various disciplines in higher educational institutions. There is a need to take into account the linguistic and cultural characteristics of foreign students in order

МИШИНА МАРИНА МИХАЙЛОВНА – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии и педагогики образования института психологии им. Л.С. Выготского, Российский государственный гуманитарный университет

MISHINA MARINA MIKHAILOVNA – Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Department of Psychology and Pedagogy of Education at the Vygotsky Institute of Psychology Russian State University for the Humanities

© Мишина М. М., 2022

to optimize the educational process and create favorable conditions for the adaptation of foreigners in Russian society. It is this approach that underlies the ethno-oriented methodology of teaching a number of disciplines in Russian universities.

Keywords: education, ethno-oriented approach, pedagogy, culture, formation, personality.

For citation: Mishina M. M. Ethnooriented approach in modern pedagogy. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 4 (108), pp. 119-124. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-119-124>

В современном мире преподаватель высшей школы не может оставаться в стороне от межкультурного взаимодействия. Поэтому возрастает роль этнометодических знаний в профессиональной деятельности педагогов. Важным компонентом профессиональной компетенции преподавателя становятся компетенции в области межкультурной коммуникации, связанные со знанием этносов, языков и культур мира. По данным Министерства науки и высшего образования РФ, в российских вузах в 2021 г. обучалось более 300 тыс. иностранцев, и их количество до последнего времени продолжало расти с каждым годом. Поэтому важной задачей современного высшего образования является выявление у иностранных студентов проблем, связанных с языком, а также – с их поведенческими стереотипами и культурной адаптацией.

Иностранцев, приезжающих на обучение в Россию, можно разделить на две большие категории: 1) студенты из ближнего зарубежья, говорящие по-русски; 2) студенты из других стран мира, не знающие русского языка. Первые, так или иначе, уже знакомы с российскими традициями и историей, но вопросы культурно-психологической адаптации остаются актуальными и для них. Такие студенты, как правило, сразу включаются в российские группы, не проходя довузовскую подготовку на подготовительном отделении. Наиболее остро проблема адаптации стоит перед иностранцами из дальнего зарубежья.

Для иностранцев, которые не знают русского языка, но планируют учиться по русскоязычным программам бакалавриата, магистратуры или аспирантуры, обязательным

является этап довузовской подготовки, который длится, как правило, один учебный год. В это время иностранцы изучают русский язык, а также – базовые предметы, связанные с будущей специальностью. Эти предметы проходят обзорно на школьном уровне скорее с целью познакомить иностранцев со специальной терминологией на русском языке, чем научить их чему-то новому по предмету.

На этапе довузовской подготовки иностранцы, как правило, занимаются в смешанном коллективе. Иногда встречаются и моноэтнические группы, но чаще всего учатся вместе представители разных стран. Стоит отметить, что в общежитии иностранцы тоже обычно живут вместе, у них еще нет русских друзей. Поэтому для них главными (и подчас единственными) проводниками в мир русского языка и культуры становятся преподаватели. В связи с этим преподаватели подготовительного отделения в обязательном порядке должны обладать компетенциями в области лингвокультурной адаптации иностранцев.

По окончании предвузовской подготовки иностранные студенты проходят обучение в вузе в смешанных группах с российскими студентами. С одной стороны, они получают больше возможностей для общения и погружения в среду. Но, с другой стороны, оказавшись в меньшинстве, иностранцы часто сталкиваются с проблемой, когда преподаватель не берет в расчет языковые, психологические и прочие трудности, имеющие место на начальном этапе обучения иностранцев, ориентируется только на русскоязычную аудиторию. В настоящий момент в Российских университетах учится большое количество

иностранных студентов и аспирантов из Китая, Венесуэлы, Бразилии, Турции, Индии, Ирана, Сирии, а в конференциях принимает участие много ученых (теоретиков и практиков), аспирантов, студентов, работников образования и людей других специальностей, заинтересованных в разрешении психолого-педагогических проблем [3].

Мы знаем, что Россия многонациональная страна, в которой проживают люди более 150 национальностей. Конкретный регион России предоставляет неодинаковые социокультурные условия жизни для современного человека. При этом контекст публикаций средств массовой информации и процесс обучения и воспитания построен на представлениях об общероссийской, а не региональной, культуре, что несомненно верно. Тем не менее, воспитательные мероприятия при работе с молодым поколением должны учитывать условия этнической среды, в которых проживают многочисленные народы России, включать в образовательные программы региональный компонент.

Таким образом, в настоящий момент возникает необходимость создания учеными практикоориентированных теорий, опирающихся на этноориентированный подход в педагогике. В свою очередь, практика должна опираться на теоретические знания и культурно-просветительскую деятельность, связанную с пониманием этнопсихологических процессов, происходящих в обществе. Важно, чтобы студент и аспирант чувствовали себя субъектом общественной жизни. Выпускники университета должны иметь не «специфические знания», а особое «сознание», в котором наиболее теоретическим является практика, а наиболее практическим – теория. Именно особое сознание является главным критерием воспитания студента и аспиранта, ориентированного на понимание духовной конструкции нашего современника, успешно отвечающего на вызовы времени.

Важно отметить, что иностранный студент или аспирант, поступивший в вуз России, может объективно не иметь достаточного

знания языка для получения профессии или для написания кандидатской диссертации, и причиной тому – несовершенство системы образования, которая отводит слишком мало времени для предвузовской языковой подготовки аспирантов. Преподавателям и научным руководителям надо это знать и учитывать, чтобы помочь аспиранту более эффективно выстроить его научную работу.

При обучении иностранного студента и аспиранта важно учитывать его национально-культурный менталитет, психологические и языковые особенности, обусловленные этнической принадлежностью или страной происхождения. При этноориентированном подходе к обучению обучающийся (студент или аспирант) рассматривается как представитель определённой национальности, обладающий комплексом этнокультурных, этнопсихологических, социальных и языковых особенностей [1; 4; 5; 6].

Этноориентированный подход при обучении иностранных студентов и аспирантов не ограничивается только учётом родного языка при подборе дидактических материалов. Важной составляющей является лингвокультурная адаптация иностранцев, их инкультурация и социализация в условиях образовательной среды.

Опрос арабских и болгарских студентов, проведенный Т. А. Кротовой [2], показал, что только 81 % опрошенных арабских студентов предпочитают учиться в смешанной по гендерному признаку группе. При этом 19 % респондентов из арабских стран указали, что им некомфортно общаться со студентом другого пола в учебном процессе, тогда как среди опрошенных болгарских студентов такого ответа получено не было.

В том же исследовании [2] на вопрос об этническом составе группы были получены следующие ответы: комфортнее всего арабские студенты чувствуют себя в общении с представителями Европы, Азии, России и славянских стран (36 %, 36 % и 29 % соответственно), затем идут Африка и США (по 21 %), на последнем месте представители Латинской

Америки (14%). А среди болгарских студентов 86% предпочитают учиться вместе со студентами из славянских стран.

Таким образом, знакомство студентов с культурами народов мира, налаживание межкультурного диалога должно быть еще одним направлением воспитательной работы в среде обучающихся из других стран. Возможными инструментами для этого могут быть доклады студентов о традициях и об особенностях молодежных движений в разных странах, конкурсы презентаций, общеуниверситетские мероприятия, такие как Международный фестиваль этнической культуры, Этнографическая олимпиада «Москва – столица многонациональной России, Россия – страна возможностей», этнокультурные выставки народного творчества. Такие мероприятия полезны и для самих преподавателей, так как расширяют их социокультурные компетенции.

Для эффективной работы с многонациональной группой и во избежание трудностей, связанных с организацией учебного процесса, преподавателю также желательно иметь представление о системах обучения, принятых в странах, откуда приехали студенты и аспиранты. Если использовать формы и методы работы на занятии, доказавшие свою эффективность в России, но не принятые в образовательной системе, к которой привык студент, он не сможет полноценно участвовать в учебном процессе, будет чувствовать эмоциональные ограничения.

Стереотипы учебного процесса, взаимоотношений между преподавателем и обучающимся, между членами коллектива во многом детерминированы особенностями национальных систем образования, и студентам требуется время для перестройки и привыкания к реалиям российского вуза. Кроме этого, в одной группе могут оказаться студенты, в сознании которых бытуют различные и трудно совместимые дидактические модели. Поэтому в полиэтнических группах возрастает роль преподавателя как организатора учебного процесса, который призван объединить учащихся, адаптировать их к российской

образовательной системе и предотвратить конфликтные ситуации.

Особенности национальных дидактических традиций, к которым привыкли студенты, могут стать причинами возникновения следующих трудностей: предпочтение только устных или только письменных видов работы; отсутствие навыка делать тестовые задания; отсутствие навыка писать связные тексты, письма, эссе; неумение или боязнь высказывать свое мнение и вести дискуссию; отсутствие привычки делать домашние задания, заниматься самостоятельно; нерасположенность или излишняя расположенность отвечать с места, когда вопрос обращен ко всей аудитории. Некоторые студенты всегда молчат, пока преподаватель не обратится к ним по имени, а некоторые всегда выкрикивают с места, даже если вопрос обращен к другому. У некоторых студентов привычка выдерживать паузу при устном ответе; учитывая это, преподаватель должен подождать и дать студенту сформулировать мысль. Возможен и низкий уровень подготовки по отдельным предметам в некоторых странах [2].

Стереотипные представления о роли педагога в учебном процессе и о норме отношений между учеником и учителем также разнятся у представителей разных культурных традиций. Например, в азиатских странах учитель, как правило, является непререкаемым авторитетом, соблюдение дистанции между преподавателем и студентом считается обязательным. А в странах Западной Европы, напротив, учитель рассматривается скорее как партнер, управляющий учебным процессом [2]. Таким образом, могут возникать трудности, когда в одной группе учатся, например, студенты из европейских стран и Вьетнама или Китая. И преподаватель должен это учитывать при выстраивании взаимоотношений со студентами.

Существует также ряд факторов, влияющих на все вышеперечисленные аспекты адаптации. Их тоже необходимо учитывать преподавателю, работающему с иностранной или смешанной аудиторией. Одной из важ-

ных составляющих общения преподавателя со студентами и студентов между собой и с русскоязычной средой является этикет. Важно не только обучать студентов принятым в России правилам этикета, но и иметь в виду правила, принятые в их родных странах, особенно на первых этапах обучения, когда иностранец еще продолжает действовать и оценивать окружающих с позиций сложившихся у него стереотипов.

Особого внимания со стороны преподавателя требуют вопросы конфессиональных различий, системы гендерных ролей, институтов брака и семьи, стереотипов вербального и невербального коммуникативного поведения в родных культурах учащихся.

Для обучающихся в условиях многонациональной группы и для преподавателей также важно правильно интерпретировать невербальное поведение представителей тех лингвокультурных общностей, с которыми они ежедневно вступают в коммуникацию. Есть жесты, которые непонятны представителям других культур или могут быть поняты превратно. Учитывая это, преподавателю в общении с иностранцами не следует опираться даже на привычные жесты (например, кивок), а стоит всегда сопровождать их вербальным комментарием, чтобы студенты могли правильно проинтерпретировать невербальные знаки.

Для лучшего взаимопонимания и для более успешного общения требуется изуче-

ние национальных ценностей, позволяющих верно интерпретировать поведение в процессе межличностного взаимодействия. Следует отметить ряд стран, с которыми у России существуют наиболее тесные академические связи по студенческому и аспирантскому обмену (например, в российских вузах обучается много студентов и аспирантов из Китая). Поэтому для преподавателей было бы полезным углублять свои знания в области ценностных приоритетов и аксиологических особенностей китайской культуры.

Важна наблюдательность преподавателя и стремление формировать собственное представление о культурно-специфических особенностях студентов из разных стран. Организация учебно-воспитательного процесса в многонациональных студенческих коллективах при подготовке будущих преподавателей должна включать дисциплины, формирующие этнокультурную компетентность [5; 6; 7].

Таким образом, с целью получения качественных знаний и компетенций, а также повышения этнической грамотности современного педагога, включенного в интегративный процесс образовательных систем при нарастающей миграции студентов и аспирантов, необходимо внедрять в систему вузовского образования этноориентированный психолого-педагогический подход, направленный на реализацию идей культурно-исторического развития общества.

Список литературы

1. *Анопочкина, Р. Х.* Этноориентированный подход к обучению РКИ в многонациональной группе (предвузовский этап обучения) // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2018. № 6. С. 1365–1370.
2. *Кротова, Т. А.* Этноориентированная система лингвокультурной адаптации арабских учащихся: цели, структура и содержание // Русский язык и культура в зеркале перевода. 2015. № 1. С. 333–341.
3. *Мишина М. М.* Роль мотивации и вдохновения в деятельности психолога образования // Создание мотивирующей образовательной среды. Коллективная монография. Орехово-Зуево, 2019. С. 197–212.
4. *Непрерывное образование: история и современные проблемы: Коллективная монография.* // Сост. Н. Д. Булатов, О. Г. Иванова, Т. В. Христидис, И. В. Черниченко. М.: ООО "ИЗДАТЕЛЬСТВО МБА", 2009. 250 с.
5. *Тянь Ю.* Проблемы коммуникации между российским преподавателем и китайским студентом // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 1(34). С. 287–290.

6. Шабайти И. Этноориентированное обучение в системе методики преподавания РКИ // *Kant*. 2021. № 2(39). С. 441–446.
7. Христидис Т. В., Черниченко В. И. Педагогика высшей школы: учебник. М.: Московский государственный институт культуры, 2015. 432 с.

References

1. Anopochkina, R. H. An ethnooriented approach to teaching RCT in a multinational group (pre-university stage of training) / R. H. Anopochkina // *Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia*. 2018. No. 6. PP. 1365–370. (In Russ.)
2. Krotova, T. A. Ethnooriented system of linguocultural adaptation of Arab students: goals, structure and content / T. A. Krotova // *Russian language and culture in the mirror of translation*. 2015. No. 1. PP. 333–341. (In Russ.)
3. Mishina M. M. The role of motivation and inspiration in the activity of an educational psychologist. In the book: *Creating a motivating educational environment*. Collective monograph. Orekhovo-Zuyevo, 2019. P. 197–212. (In Russ.)
4. *Continuing education: history and contemporary issues: Collective monograph.* // Comp. N. D. Bulatov, O. G. Ivanova, T. V. Hristidis, I. V. Chernichenko. M.: ООО “IZDATEL'stvo IBA”, 2009. 250 P. (In Russ.)
5. Tian Yu. Problems of communication between a Russian teacher and a Chinese student / Yu. Tian // *Baltic Humanitarian Journal*. 2021. Vol. 10. № 1(34). Pp. 287–290. (In Russ.)
6. Shabaaiti I. Ethnooriented learning in the system of teaching methods of RCT / I. Shabaaiti, L. Gao // *Kant*. – 2021. – № 2(39). Pp. 441–446. (In Russ.)
7. Hristidis T. V., Chernichenko V. I. *Pedagogy of higher school: textbook*. M.: Moscow State Institute of Culture, 2015. 432p. (In Russ.)

*

Поступила в редакцию 17.08.2022

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУБЪЕКТОВ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ

УДК 379.8:001.12

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-125-130>

Т. В. Рябова

Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: tv.ryabova812@gmail.com

Аннотация: Рассматривается вопрос о необходимости создания условий для развития и самореализации личности средствами просветительской деятельности, что является актуальным в свете решения задач государственной культурной политики современной России. Дается характеристика субъектов социально-культурной сферы, которые реализуют просветительскую деятельность различной направленности среди разных групп населения. Подчеркивается взаимосвязь просветительской деятельности с информальным и неформальным образованием взрослых и детей, а также обосновывается роль традиционных учреждений культуры, некоммерческих организаций, креативных пространств в осуществлении просветительской и образовательной деятельности с учетом норм действующего законодательства. Делается вывод о социальной ценности просвещения как фактора, обеспечивающего приоритетность культурного и гуманитарного развития личности и общества, а также важного инструмента формирования единого культурного, образовательного, информационного пространства страны.

Ключевые слова: просветительская деятельность, социально-культурная сфера, традиционные учреждения культуры, некоммерческие организации, информальное образование, неформальное образование, государственная культурная политика.

Для цитирования: Рябова Т. В. Просветительская деятельность субъектов социально-культурной сферы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №4 (108). С. 125-130. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-125-130>

EDUCATIONAL ACTIVITIES OF SOCIO-CULTURAL SUBJECTS

Tatiana V. Ryabova

Saint-Petersburg State University of Culture, Saint-Petersburg, Russian Federation
e-mail: tv.ryabova812@gmail.com

Abstract: Question of need to create conditions for development and self-realization of individual by means of educational activities is considered, which is relevant in context of solving problems of state cultural policy of modern Russia. Characteristics of subjects of socio-cultural sphere, which implement educational

РЯБОВА ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социально-культурной деятельности Санкт-Петербургского государственного института культуры

RYABOVA TATIANA VIKTOROVNA – CSc in Pedagogy, associate professor, Saint-Petersburg State University of Culture, Department of social and cultural activities

© Рябова Т. В., 2022

activities of various directions among different groups of population, are given. The relationship of educational activities with informal and non-formal education of adults and children is emphasized, and role of traditional cultural institutions, non-profit organizations, creative spaces in implementation of educational and educational activities, taking into account norms of current legislation, is substantiated. The conclusion is made about social value of education as a factor that ensures the priority of cultural and humanitarian development of individual and society, as well as an important tool for formation of a unified cultural, educational, information space of country.

Keywords: educational activities, socio-cultural sphere, traditional cultural institutions, non-profit organizations, informal education, non-formal education, state cultural policy.

For citation: Ryabova T. V. Educational activities of socio-cultural subjects. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 4 (108), pp. 125-130. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-125-130>

Одной из приоритетных задач государственной культурной политики современной России является просвещение граждан, что предполагает «поддержку государственных, общественных, общественно-государственных институтов в распространении среди граждан знаний и культуры; вовлечение граждан в различные формы просветительской деятельности; развитие культурного просветительства с привлечением к этой деятельности профессиональных сообществ и организаций культуры» [2].

Активную заинтересованность в участии в разнообразных социально-культурных практиках просветительской направленности демонстрируют и граждане, что обуславливает высокий спрос как на традиционные формы информационно-просветительской деятельности (лекции, выставки, тематические вечера и встречи, клубные гостиные), так и инновационные (те же лекции, например, но с использованием цифровых технологий, вебинары, воркшопы), предлагаемые различными субъектами сферы культуры, образования, рекреации, досуга. Востребованность просветительских программ объясняется не только задачами культурной политики государства, но и реальными потребностями в знаниях, новых компетенциях, структурированной информации по различным предметным областям, проявляемыми разными группами населения, а также стремлением граждан

получать информацию в неформальной, более непринужденной, свободной форме. Можно утверждать, что в современном российском обществе, как и столетия назад, утвердилась идея социальной ценности просвещения как важного инструмента создания и развития единого культурного, образовательного, информационного пространства страны, что актуализирует задачу создания условий для развития личности средствами просветительства и просветительской деятельности.

Понятие просветительской деятельности и общие требования, предъявляемые к ее организации и осуществлению, определены в Федеральном законе от 5 апреля 2021 г. № 85 «О внесении изменений в ФЗ «Об образовании в РФ»». Закон определяет просветительскую деятельность как деятельность, которая осуществляется вне рамок образовательных программ и которая направлена на «распространение знаний, опыта, формирование умений, навыков, ценностных установок, компетенции в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов» [4]. Конкретизировать нормы указанного закона и детали их практической реализации призвано «Положение об осуществлении просветительской деятельности», общественные обсуждения которого еще не завершены.

Просветительскую деятельность следует рассматривать в контексте, прежде всего, неформального образования, представляющего собой деятельность человека в целях самообразования и саморазвития за счет собственной активности в социально-культурной среде. При этом ключевым свойством неформального образования становится именно самообразование, что отличает его от неформального образования, которое также осуществляется за пределами формальной (школы, колледжи, вузы и т. п.) системы образования, но в формате различных курсов, школ дополнительного мастерства и личностного роста, тренинговых программ и т. п. Другими словами, если неформальное образование носит характер организованной и систематической образовательной деятельности, то неформальное протекает спонтанно, с использованием СМИ, через волонтерскую деятельность, путешествия, посещение учреждений культуры, участие в разнообразных просветительских мероприятиях.

Включаясь в различные формы просветительской деятельности, прежде всего, в системе неформального и неформального образования, человек использует широкие возможности социально-культурной среды для своего личностного развития. Он активно реализует просветительский потенциал организаций культуры и рекреации (музеев, библиотек, виртуальных читальных залов, филармоний, театров, спортивных центров) для удовлетворения индивидуальных информационных, художественно-эстетических, коммуникативных потребностей, а также – потребностей в самореализации и саморазвитии [5, с. 117–118].

В настоящее время в стране сложилась успешно функционирующая разветвленная инфраструктура, обеспечивающая включение человека в различные формы просветительской деятельности. Ведущими субъектами просветительской деятельности являются учреждения культуры различного типа, включая следующие:

- просветительские (библиотеки, музеи, выставки, лектории, галереи, мемориальные комплексы, ботанические и зоологические сады и т. п.), предлагающие широкий спектр разнообразных информационно-образовательных мероприятий в онлайн и офф-лайн форматах, которые обеспечивают целенаправленное распространение систематизированных знаний, социально значимых сведений, обогащающих общую культуру человека, формирующих его мировоззрение и развивающих интеллектуальные, творческие, коммуникативные способности;
- культурно-досуговые (дома и дворцы культуры, клубы, центры досуга и рекреации, рекреационно-оздоровительные и туристско-экскурсионные центры и т. п.), ориентированные на реализацию рекреативно-развивающего потенциала досуга в процессе приобщения личности к ценностям культуры, а также – все более активное включение человека в систему так называемого «serious leisure» (или интеллектуального досуга);
- учреждения искусства (театры, студии, оркестры, киностудии, художественные мастерские, творческие союзы), реализующие просветительскую функцию в процессе приобщения человека к искусству и использующие для этого интересные и разнообразные формы социально-культурной деятельности;
- культуроохранные (центры народного творчества, центры ремесел, творческие мастерские, архивы и т. п.), призванные осуществлять просветительскую деятельность посредством включения человека в деятельность, связанную с изучением культурно-исторического наследия, сохранением и дальнейшим

развитием традиционных форм народной художественной культуры, участием в историко-краеведческих и туристско-экскурсионных мероприятиях.

В целом можно заключить, что актуальные социально-культурные практики музеев, библиотек, многофункциональных культурных центров, клубных учреждений ориентированы на расширение спектра информационно-просветительских мероприятий для всех категорий населения; значительный просветительский потенциал заключен в развитии массового краеведческого движения, туризма, в том числе, познавательного, этнокультурного, сочетающего фестивальную практику с работой по широкой пропаганде национальной культуры.

Просветительская деятельность осуществляется также частными музеями, театрами, школами-студиями, творческими мастерскими. Всё большую популярность приобретают креативные арт-пространства и арт-кластеры, предлагающие посетителям разнообразные лекции, мастер-классы, встречи с «интересными» людьми и пр. Подробный анализ образовательного (просветительского) потенциала креативных пространств представлен в исследовании ученых Высшей школы экономики [1], задавшихся целью не только выявить наиболее востребованные образовательные форматы, но и ответить на вопрос, «вытесняют или нет образовательные проекты творческих предпринимателей традиционные учреждения дополнительного образования детей и взрослых». Основной вывод, к которому пришли исследователи, заключается в том, что «креативные пространства обладают большим потенциалом в качестве площадок дополнительного образования для взрослых и детей, но не заменяют на данный момент традиционные учреждения культуры. Они нашли свою нишу, связанную с предоставлением краткосрочных программ в виде семинаров, лекций, тренингов с непостоянной аудиторией и выполняют важную просветительскую функцию» [1, с. 101].

Одним из субъектов просветительской деятельности выступают многочисленные некоммерческие организации. В целях систематизации некоторых сведений об их деятельности нами был осуществлен статистический анализ данных, представленных на портале Каталог НКО – база данных (Каталог НКО <http://so-nko.ru>), информация в котором структурирована по следующим критериям: регионы; организационно-правовые формы НКО; направления деятельности; клиентские целевые группы. Из представленных в каталоге 1704 некоммерческих организаций для дальнейшего исследования были отобраны 520 по основному критерию – «просветительская деятельность». Как показал статистический анализ, с точки зрения организационно-правовой формы почти половину некоммерческих организаций, осуществляющих просветительскую деятельность (49%), составляют общественные организации. Примерно равное количество (около 17%) приходится на автономные некоммерческие организации и фонды. Третью группу составляют такие субъекты, как общественные движения (3%), общественные организации без образования юридического лица (3%) и некоммерческие партнерства (4%). Некоммерческие организации иных организационно-правовых форм (объединения, союзы, ассоциации) юридических лиц, общественных объединений, а также национально-культурные автономии и т. п. представлены минимально. Таким образом, можно сделать промежуточный вывод о том, что чаще всего просветительскую деятельность из числа некоммерческих организаций осуществляют общественные организации, АНО, фонды.

Подавляющее большинство зарегистрированных на указанном портале некоммерческих организаций сочетают просветительскую деятельность с другими направлениями работы. Согласно нашему исследованию, преобладают такие виды деятельности, сопутствующие просветительской, как образовательная (17%), творческая (10%), правозащитная

(8,3 %), профессиональная (7,4 %). В меньшем объеме (от 6 % до 3 %) представлены национально-культурная, консалтинговая, научная, издательская, краеведческая, музейно-выставочная, экологическая деятельность. В целом обозначенные виды деятельности отражают те направления просветительской работы, которые перечислены в проекте «Положения об осуществлении просветительской деятельности», а именно: распространение духовно-нравственных ценностей, исторических и национально-культурных традиций, знаний о гражданских правах, свободах и обязанностях человека; стимулирование творческого самовыражения; популяризация достижений современной науки; формирование экологической культуры и другие.

Некоторая часть анализируемых некоммерческих организаций среди прочих направлений своей деятельности указывала также те, которые связаны с конкретными адресатами, что позволило определить, с какими сегментами целевой аудитории коррелирует просветительская деятельность. Наиболее часто упоминаются молодежь (26,5 %), семьи с детьми (19 %), дети (около 17 %), что в сопоставлении с преобладающими «образовательным» и «творческим» видами деятельности вполне объяснимо и логично. Помимо указанных целевых групп некоммерческие организации работают с социально незащищенными группами людей, в том числе, с инвалидами, мигрантами, бездомными и др. Оказывая всемерную поддержку людям, попавшим в сложную жизненную ситуацию, некоммерческие организации одновременно ведут активную просветительскую деятельность среди остальной части населения, продвигая идеи гуманизма, толерантности, взаимопомощи. Резюмируя, важно подчеркнуть, что некоммерческие организации – как активный субъект формирования и развития гражданского общества – вносят существенный вклад в гармонизацию общественных отношений, воспитание и просвещение граждан, их успешную социализацию, способствуют повышению гражданского самосознания и включению людей в различ-

ные виды социально-культурной активности. С другой стороны, просветительская деятельность, имеющая гуманистическую, патристическую, инновационную направленность, выступает как инструмент развития гражданского общества.

Реализация высокой социальной миссии просвещения, ориентированного на повышение интеллектуального уровня населения посредством доступа к информации, приобщение его к отечественному и мировому историко-культурному наследию, к современным достижениям науки и культуры, предполагает создание условий для дальнейшего развития инфраструктуры просветительской деятельности, представленной различными учреждениями, организациями, неформальными сообществами, а также – совершенствование нормативной базы.

Таким образом, рассматривая просветительскую деятельность субъектов социально-культурной сферы в контексте реализации задач государственной культурной политики, следует отметить, что вне зависимости от их организационно-правовой формы, специфики реализуемых функций в традиционном или инновационном формате в целом они обеспечивают:

- удовлетворение информационно-познавательных, коммуникативных потребностей личности, ее потребности в непрерывном образовании, самообразовании, самореализации;
- реализацию субъект-субъектного характера взаимоотношений между всеми участниками просветительской деятельности, что предполагает все более активную включенность граждан в построение индивидуальной траектории личностного развития, в том числе, за счет использования просветительского и развивающего потенциала социально-культурной среды и отдельных ее субъектов;
- сочетание разнообразных технологий и форм социально-культурной деятельности в комплексном решении

задач социализации, образования, просвещения, инкультурации человека, недопущения распространения деструктивных ценностных установок;
– взаимосвязь просвещения с актуальными задачами формирования гар-

монично развитой личности, укрепления гражданской идентичности и укрепления единства российского общества за счет приоритетного культурного и гуманитарного развития.

Список литературы

1. Гордин В. Э., Кузьмина К. А., Никольская М. В. Анализ образовательного потенциала креативных пространств // Международный журнал исследований культуры. 2017. № 1 (26). С. 89–101.
2. Основы государственной культурной политики: утв. Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 52, ч. 1. Ст. 775.
3. Рябова Т. В. Тенденции развития системы непрерывного образования в сфере культуры // Труды Санкт-Петербургского института культуры. 2021. Том 223. С. 112–121.
4. Федеральный закон от 5 апреля 2021 г. № 85 «О внесении изменений в ФЗ “Об образовании в РФ”» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202104050036>
5. Якушкина М. С., Илакавичус М. Р., Якушкина И. И. и др. Просветительство как ресурс развития пространства образования взрослых государств-участников СНГ: коллективная монография / под общ. ред. М. С. Якушкиной. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский «Институт управления образованием Российской академии образования», 2016. 237 с.

References

1. Gordin V. E., Kuzmina K. A., Nikolskaya M. V. Analysis of the educational potential of creative spaces // International Journal of Cultural Studies. 2017. No. 1 (26). pp. 89–101. (In Russ.)
2. Fundamentals of State cultural policy: approved. Decree of the President of the Russian Federation No. 808 dated December 24, 2014 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 52, part 1. St. 775. (In Russ.)
3. Ryabova T. V. Trends in the development of the system of continuing education in the field of culture // Proceedings of the St. Petersburg Institute of Culture. 2021. Volume 223. pp. 112–121. (In Russ.)
4. Federal Law No. 85 of April 5, 2021 “On Amendments to the Federal Law “On Education in the Russian Federation” [Electronic resource] // Official Internet portal of legal information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202104050036> (In Russ.)
5. Yakushkina M. S., Ilakavichus M. R., Yakushkina I. I. et al. Enlightenment as a resource for the development of the adult education space of the CIS member states: a collective monograph / under the general editorship of M. S. Yakushkina. Saint Petersburg: SPb IUO RAO, 2016. (In Russ.)

*

Поступила в редакцию 11.08.2022

ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ РУССКОГО НАРОДНОГО ТАНЦА

УДК 378

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-131-136>

М. С. Кузнецова

Московский государственный институт культуры, Химки, Московская область, Российская Федерация
e-mail: moon-rusya1995@mail.ru

Аннотация: В данной статье рассматривается вопрос поиска новых подходов в преподавании хореографических дисциплин в системе высшего хореографического образования, в частности, – региональных особенностей русского народного танца. Раскрываются следующие понятия: педагогическая технология, её фундаментальные признаки и критерии; этнопедагогика и этнопедагогическая технология (генезис становления и основные дефиниции). Автор статьи опирается на научные труды выдающегося педагога Я. А. Коменского в развитии народной педагогики. Его работы легли в основу этнопедагогической мысли, которая способствовала дальнейшему формированию этнопедагогика как научного знания. Сущностная сторона понятия «этнопедагогическая технология» раскрывается с учетом специфики образовательного процесса в хореографическом искусстве. Рассматривается понятие «региональные особенности русского народного танца», деятельность основных исследователей русского танца и их научные изыскания. Практический компонент исследования в данной статье опирается на педагогическую деятельность автора и заключается в поиске оптимальных и эффективных условий решения поставленного вопроса о реализации этнопедагогической технологии преподавания региональных особенностей русского танца в системе высшего хореографического образования.

Ключевые слова: педагогическая технология, этнопедагогика, этнопедагогическая технология, региональные особенности русского народного танца.

Для цитирования: Кузнецова М. С. Этнопедагогическая технология преподавания региональных особенностей русского народного танца // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №4 (108). С. 131-136. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-131-136>

ETHNO-PEDAGOGICAL TECHNOLOGY OF TEACHING TECHNIQUES OF REGIONAL FEATURES OF RUSSIAN FOLK DANCE

Maria S. Kuznetsova

Moscow State Institute of Culture, Khimki, Moscow region, Russian Federation
e-mail: moon-rusya1995@mail.ru

КУЗНЕЦОВА МАРИЯ СЕРГЕЕВНА – преподаватель ДШИ МГИК, преподаватель кафедры искусства хореографа РГУ им. А.Н. Косыгина Института славянской культуры

KUZNETSOVA MARIA SERGEEVNA – teacher of the DSHI MGIK, teacher of the Art of Choreography Department of the Kosygin Russian State University of the Institute of Slavic Culture

© Кузнецова М.С., 2022

Abstract: This article discusses the issue of finding new approaches in teaching choreographic disciplines in the system of higher choreographic education, in particular, the regional features of Russian folk dance. The following concepts are revealed: pedagogical technology, its fundamental features and criteria; ethnopedagogy and ethnopedagogic technology – the genesis of formation and the main definitions. The author of the article relies on the contribution of the outstanding teacher Ya. A. Komensky to the development of folk pedagogy. His scientific works formed the basis of ethnopedagogical thought, which contributed to the further formation of ethnopedagogy as scientific knowledge. The essential aspect of the concept of “ethnopedagogic technology” is revealed taking into account the specifics of the educational process in choreographic art. Russian folk dance is considered the concept of “regional peculiarities of Russian folk dance”, the activities of the main researchers of Russian dance and their scientific research. The practical component of the research in this article is based on the pedagogical activity of the author and consists in finding optimal and effective conditions for solving the question posed – the implementation of ethnopedagogic technology for teaching regional features of Russian dance in the system of higher choreographic education.

Keywords: pedagogical technology, ethnopedagogics, ethnopedagogical technology, regional peculiarities of Russian folk dance.

For citation: Kuznetsova M. S. Ethno-pedagogical technology of teaching techniques of regional features of Russian folk dance. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 4 (108), pp. 131-136. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-131-136>

«Можно и нужно каждого учителя научить пользоваться педагогическим инструментарием, только тогда его работа будет высоко результативной, а место учителя самым лучшим местом под солнцем»

Я.А. Коменский

Современные требования высшего хореографического образования предполагают стремление к развитию технологичности учебно-творческого процесса. Решение данной задачи требует исследования творческой профессиональной специфики, определения эффективных условий и компонентов образовательного процесса, разработки инновационных решений и анализа существующих педагогических технологий. Автор данной статьи, основываясь на теоретических изысканиях и собственном педагогическом опыте преподавателя дисциплины «Русский народный танец», обратил внимание на потенциал этнопедагогической технологии и её значение для профессионального становления будущего хореографа по направлениям подготовки: педагогика народно-сценического, классического, современного танца; руководство любительским хореографическим коллективом; балетмейстерская и репетиторская деятельность.

Наследие и исторический опыт русского народа являются богатейшим источником для изучения и анализа в различных областях знаний. В ходе теоретического анализа исследований, посвященных вопросам этнопедагогической, было выявлено, что детерминанты духовных и нравственных качеств, жизненно-философские установки русского народа были основаны на этнографических предпосылках. Этнографический компонент, в свою очередь, раскрывается в совокупности сформированных в ходе исторического развития народа культурных ценностных ориентиров и основополагающих мировоззренческих установок. Таким образом, основными этнопедагогическими принципами воспитания будущего поколения являются: культуросообразность (применение достоинства и наследия предков, усвоение ценностей и норм национальной и человеческой культуры), интегративность (логически вы-

строенный целостный процесс воспитания от младенчества до перехода во взрослую жизнь), практико-ориентированность (труд, как неотъемлемая часть жизни) и субъектность (активная жизненная позиция, самостоятельность и ответственность).

Педагогическая технология определяется учеными как «система педагогических действий и применяемых средств для достижения педагогической цели, осуществляемая в соответствии с определенной логикой и принципами, достаточно легко воспроизводимая любым педагогом» [3, с. 10]. Педагогическая технология раскрывается в стремлении к гарантированному достижению поставленной цели. Фундаментальные критерии педагогической технологии опираются на следующие определяющие признаки:

1. *Концептуальность*, которая предполагает опору на определенный научно-педагогический концепт, имеющий определенную философскую позицию, дидактическую основу, а также – психологическое и социально-педагогическое обоснование достижения образовательных целей.
2. *Логичность*, которая подразумевает наличие признаков системности, целостности и взаимосвязи частей образовательного процесса.
3. *Управляемость*, включающая в себя целеполагание, планирование, диагностику (поэтапную и итоговую), возможность изменения средств и методов с целью изменения конечного результата.
4. *Эффективность*, определяющаяся условием конкурентоспособности, где главным критерием выступает высокий уровень результативности обучения при минимальных затратах образовательного ресурса.
5. *Воспроизводимость*, являющаяся важным компонентом при передаче накопленного опыта и знаний, а также обеспечивающая возможность применения педагогической технологии

другими субъектами в иных образовательных учреждениях.

В 70-е годы XX века происходил основной процесс становления этнопедагогика как науки, как области педагогического знания. Новаторская научно-исследовательская деятельность профессора и педагога Г. Н. Волкова положила начало изучению этнопедагогической мысли в процессе воспитания и обучения. По его мнению, этнопедагогика «изучает процесс социального взаимодействия и общественно-народного воздействия, в ходе которого воспитывается, развивается личность, усваивающая социальные нормы, ценности, опыт; собирает и систематизирует народные знания о воспитании и обучении детей, народную мудрость, отраженную в религиозных учениях, сказках, сказаниях, былинах, притчах, песнях, загадках, пословицах, играх, игрушках и прочем, в семейном и общинном укладе жизни, быте, традициях, а также – философско-этические, собственно педагогические мысли и воззрения, то есть весь педагогический потенциал, совокупный опыт историко-культурного формирования личности» [2, с. 5].

Я. А. Коменский в своей педагогической деятельности раскрыл идеи народного воспитания. Искренней любовью к культуре своего народа проникнуты многие его работы: «Мудрость старых чехов», где были собраны и систематизированы старинные чешские пословицы и поговорки; «Материнская школа», которая явилась первым в истории семейным методическим пособием по воспитанию детей. Обобщение накопленного опыта воспитания и образования детей в семье, где основными средствами педагогического воздействия выступали народные традиции, обряды, обычаи, позволило сформировать принцип природосообразности, который лёг в основу таких важнейших критериев, как целесообразность и важность учета психологических и физических характеристик воспитанников, их индивидуальных особенностей. Именно природосообразность является одним из основных принципов в этнопедагогике и в хореографическом образовании – в особенности.

От основных компонентов понятий «педагогическая технология» и «этнопедагогика» перейдем к понятию «этнопедагогической технологии», которая имеет следующие определения:

- система педагогических действий преподавателя, связанных с его включением в традиционную знаково-символическую танцевальную и художественно-творческую деятельность, которая объединяет его чувственное и рациональное начала и имеет целью получение учащимися творческого опыта этнокультурной деятельности [6];
- совокупность установок, определяющих специальный набор и компоновку педагогических методов, способов, приемов обучения и воспитательных средств, направленных на приобщение детей и учащейся молодежи к ценностям национальной танцевальной культуры [1, с. 383].

Проанализировав данные определения, методологию исследования изучаемой дефиниции, мы можем синтезировать вышеизложенное и сформулировать определение этнопедагогической технологии с учетом специфики образовательного процесса в хореографическом искусстве. **Этнопедагогическая технология в хореографическом образовании** – это народно-педагогический концепт образовательного процесса, который включает в себя фольклорно-этнографический материал изучаемой танцевальной традиции, особенности методики преподавания, имеющей ярко выраженную эмоционально-творческую направленность.

Фольклорно-этнографический материал изучаемой танцевальной традиции предполагает взаимосвязь танцевальной культуры с устным народным творчеством, декоративно-прикладным искусством, обрядами, обычаями и верованиями народа. Методика преподавания включается в синтез традиционных и инновационных педагогических методов, направленных на формирование цен-

ностного отношения к народным традициям, их понимание. А эмоционально-творческая направленность образовательного процесса раскрывается в качественной характеристике эмоционального отношения обучающихся и преподавателей к творческой деятельности, в их стремлении к творческой самоактуализации и реализации.

Немаловажное влияние на формирование личности человека оказывали этническая, природно-географическая и социальная принадлежность. Региональные особенности русского танца подразумевают конкретные средства хореографического творчества русского народа (лексически-композиционные, музыкально-ритмические, исполнительские, иллюстративно-прикладные, семантические [5]), которые относятся к определенному региону, области, району на основе географического, исторического, социального, этнографического, искусствоведческого анализом жизни и быта народа.

Основными литературными источниками по теме региональных и областных особенностей русского народного танца являются «Лексика русского танца: основные элементы русских танцев и плясок» Т. А. Устиновой, «Основы русского народного танца» А. А. Климова, «Областные особенности русского народного танца: Учебное пособие» Н. И. Заикина и Н. А. Заикиной, «Самобытность русского танца: Учебное пособие для вузов культуры и искусств» Г. Ф. Богданова, а также труды многих педагогов-хореографов, исследователей русского народного танца, которые освещали особенности танцевальной традиции отдельно взятого региона (О. Н. Князева, А. В. Руднева, И. И. Веретенников, Г. Я. Власенко, З. Г. Пашкова, Е. А. Земцова, Е. В. Смирнов и др.).

Способами реализации этнопедагогической технологии в хореографическом образовании являются следующие методы:

- практические (метод показа, импровизации, ролевой игры, инсценировки, самоанализа и др.), преимущественно основанные на исполнительской тех-

нике; при этом активно используются такие этнографические феномены танцевальной культуры, как стиль, манера исполнения движений, образ; наиболее распространённые жанры, виды, сюжеты танцев в конкретном регионе/области/районе;

- теоретические (метод беседы, рефлексивного наблюдения, метод идентификации и др.), раскрывающие знаниевый компонент процесса становления и развития народной танцевальной культуры, традиционных обрядов, обычаев, праздников и игр, особенностей пошива и цветовой гаммы костюмов (праздничных и повседневных), подбора музыкального оформления и сопровождения, которые характерны для конкретного региона/области/района.

В заключение хотим подчеркнуть, что этнопедагогическая технология преподавания региональных особенностей русского народного танца направлена на гармоничное, природосообразное профессиональное становление личности студента, способствует его мотивации к эмоционально-творческой деятельности. Главная цель данной технологии заключается в грамотном сохранении и профессиональном развитии этнографических феноменов народной танцевальной культуры, компетентности и конкурентоспособности будущих хореографов. Еще долгое время будет актуален и ценен завет великого мастера, исследователя русского танца А. А. Климова: «Великое танцевальное наследие русского народа надо бережно хранить и творчески обогащать. Но прежде чем обогащать наследие, необходимо его знать и изучать» [4, с. 316].

Список литературы

1. Алексенко Ю. А., Макеева Ю. А., Юркевич О. Ю. Применение этнопедагогических технологий при формировании национальной культуры личности на уроках истории // Сборник работ 70-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета, 15–18 мая 2013 г., Минск: В 3 ч. Ч. 1 / Белорус. гос. ун-т. С. 383–387.
2. Волков Г. Н. Этнопедагогика: Учебник для студентов средних и высших педагогических учебных заведений. Москва: Издательский центр «Академия», 1999. 168 с.
3. Зайцев В. С. Современные педагогические технологии: Учебное пособие. В 2-х книгах. Книга 1. Челябинск: Издательство Челябинского государственного педагогического университета, 2012. 411 с.
4. Климов А. А. Основы русского народного танца: Учебник для студентов вузов искусств и культуры / А. Климов. [3-е изд.]. Москва: Издательство Московского государственного университета культуры и искусств, 2004. 318 с.
5. Кузнецова М. С. Роль и значение средств русского танца в педагогическом процессе высшего хореографического образования // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств / Москва: Издательство Московского государственного института культуры, 2019. № 3 (34). С. 133–141.
6. Ширяева Н. С. Этнопедагогические технологии изучения жанров народного творчества // Человек и образование. Санкт-Петербург: Вестник «ЛОИРО», 2010. № 1 (30). С. 62–65.

References

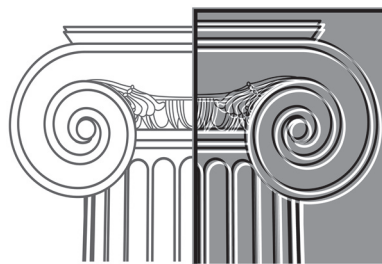
1. Aleksenko Yu. A., Makeeva Yu. A., Yurkevich O. Yu. The use of ethnopedagogic technologies in the formation of the national culture of the individual in the history lessons // Collection of works of the 70th Scientific Conference of students and postgraduates of the Belarusian State University, May 15–18, 2013, Minsk: At 3 p. m. 1 / Belarusian State University. Pp. 383–387. (In Russ)
2. Volkov G. N. Ethnopedagogics: Studies for students. Wednesday. and higher. ped. studies. establishments. Moscow: Publishing Center “Academy”, 1999. 168 p. (In Russ)

3. Zaitsev V. S. Modern pedagogical technologies: a textbook. In 2 books. Book 1. Chelyabinsk: Publishing House of Chelyabinsk State Pedagogical University, 2012. 411 p. (In Russ)
4. Klimov A. A. Fundamentals of Russian folk dance: textbook. for students of universities of arts and culture / A. Klimov. [3rd ed.]. Moscow: Publishing House of the Moscow State University of Culture and Arts, 2004. 318 p. (In Russ)
5. Kuznetsova M. S. The role and significance of the means of Russian dance in the pedagogical process of higher choreographic education // Culture and education: scientific and informational journal of universities of culture and arts / Moscow: Publishing House of the Moscow State Institute of Culture, 2019. No. 3 (34). pp.133–141. (In Russ)
6. Shiryaeva N. S. Ethnopedagogical technologies for studying genres of folk art // Man and education No. 1 (30). St. Petersburg: Bulletin “LOIRO”, 2010. p.62–65. (In Russ)

*

Поступила в редакцию 04.08.2022

НОВЫЕ КНИГИ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ М. ОЖЕ «НЕ-МЕСТА ВВЕДЕНИЕ В АНТРОПОЛОГИЮ ГИПЕРМОДЕРНА»

УДК 008 : 572.028(049.32)

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-138-144>

К. М. Рецова

Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

e-mail: karinarecova@gmail.com

Аннотация: В статье читателю предлагается тезисное знакомство с содержанием книги французского антрополога Марка Оже «Не-места. Введение в антропологию гипермодерна» и размышления над этой работой. Марк Оже – ученый-этнограф, специализирующийся на изучении коренных народов Африки и Южной Америки. Кроме этого в числе его научных интересов находятся темы, касающиеся знаковых изменений в культуре повседневности современных обществ западного типа. Наиболее известен он тем, что ввел в научный культурологический дискурс понятие «не-место», которому дополнительный вес придает тот факт, что Оже использует его в связке с понятием «гипермодерн». Фокус внимания Марка Оже в этой книге сосредоточен на том, чтобы проследить связь постоянно множасьихся «не-мест» гипермодерна с тремя трансформациями современности – трансформаций времени, пространства и индивида. Антропологический анализ этих трансформаций сам по себе представляет большой культурологический интерес. Опираясь на научные традиции этнографии и антропологии, Оже создает стройную, но не догматическую теоретическую систему, в которой есть место как для описательного, так и аналитического сегмента. Используя классическую антропологическую оптику, он утверждает, что современный человек чувствует себя наиболее одиноко в «не-местах», находясь в толпе себе подобных, и при этом переживает позитивный опыт истинного возврата к себе. В рецензии мы фокусируем внимание на основных структурных элементах книги, даем тезисное описание их содержания, останавливаясь на особо значимых моментах работы. Книга Оже, переведенная на основные европейские языки, оказала широкое влияние на работы современных экономистов, социологов, политологов, исследователей культуры и искусства.

Ключевые слова: антропология, гипермодерн, не-места, трансформация, современная культура, культурная парадигма.

Для цитирования: Рецова К. М. Рецензия на книгу М. Оже «Не-места. Введение в антропологию гипермодерна» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №4 (108). С. 138-144. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-138-144>

REVIEW OF M. AUGER'S BOOK «NO-PLACES. INTRODUCTION TO THE ANTHROPOLOGY OF HYPERMODERNITY»

РЕЦОВА КАРИНА МИШАЕВНА – аспирант кафедры социальной философии, Институт философии и социально-политических наук, Южный Федеральный университет

RETSOVA KARINA MISHAEVNA – Postgraduate Student, Department of Social Philosophy, Southern Federal University, Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Southern Federal University

© Рецова К.М., 2022

Karina M. Retsova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation
e-mail: karinarecova@gmail.com

Abstract: The article offers the reader a thesis introduction to the content of the book by the French anthropologist Marc Auger “No-Places. An introduction to the anthropology of hypermodernity” and reflections on this work. Marc Auger is an ethnographer specializing in the study of the indigenous peoples of Africa and South America. In addition, among his scientific interests are topics related to significant changes in the culture of everyday life in modern Western-type societies. He is best known for introducing the concept of non-place into scientific cultural discourse, which is given additional weight by the fact that Auger uses it in conjunction with the concept of hypermodern. The focus of Marc Auger’s attention in this book is to trace the connection of the constantly multiplying “non-places” of hypermodernity with the three transformations of modernity – the transformations of time, space and the individual. The anthropological analysis of these transformations in itself is of great cultural interest. Based on the scientific traditions of ethnography and anthropology, Auger creates a coherent, but not dogmatic, theoretical system in which there is a place for both descriptive and analytical segments. Using classical anthropological optics, he argues that modern man feels most lonely in “non-places”, being in a crowd of his own kind, and at the same time he experiences a positive experience of a true return to himself. In the review, we focus on the main structural elements of the book, give a thesis description of their content, dwelling on especially significant moments of the work. Auger’s book, translated into major European languages, has had a wide influence on the work of modern economists, sociologists, political scientists, researchers of culture and art.

Keywords: anthropology, hypermodern, non-places, transformation, contemporary culture, cultural paradigm.

For citation: Retsova K. M. Review of the book by M. Auger “Non-places. Introduction to the anthropology of hypermodernity”. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 4 (108), pp. 138-144. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-138-144>

Книга «Не-места. Введение в антропологию гипермодерна» была написана французским этнографом и антропологом Марком Оже в 1992 году. На русском языке она была издана в 2017 году. Эта работа относится к тому периоду в исследованиях Оже, который получил название «глобального». Основой для его научных изысканий во многом послужили многочисленные путешествия, которые он совершал в начале своей деятельности, исследуя народы Африки. Вследствие регулярных передвижений на большие расстояния Оже сталкивался с пространствами, с которыми обычно приходится сталкиваться во время путешествий, такими, как аэропорты, автовокзалы, отели и т. д., что послужило базой его концепции «не-мест».

Книга Марка Оже «Не-места. Введение в антропологию гипермодерна» посвящена поиску межкомпонентных соединений и пере-

сечений материальных, знаковых и социальных пространств. Эти многоплановые соединения Оже рассматривает через призму новой социокультурной парадигмы, пришедшей на смену постмодерну, которую он называет гипермодерном. Надо отметить, что в оригинале термин звучал как «surmodernité», в английском переводе – как «supermodernity». А в русском он претерпел еще большую трансформацию: на французском языке приставка «sur...» обозначает не «гипер...», как предположил переводчик, но «сверх...», а буквально – «над...». Семантическая разница этих приставок очевидна: если «гипер...» усиливает модерн, то «сверх...» его превосходит и возвышается над ним [3, с. 69–83]. Заметим, что после создания Марком Оже термина «гипермодерн» он был использован французским философом, писателем и социологом Жилем Липовецки. В соавторстве

с философом С. Шарлем в 2004 году он издал работу «Время гипермодерна» [6], которая через год была переведена на английский язык.

В книге Марка Оже «Не-места. Введение в антропологию гипермодерна» исследуется различие между «местом», наделенным историческим смыслом и творчеством общественной жизни, и «не-местом», с которым индивиды связаны единым бюрократическим образом и где органическая социальная жизнь невозможна. Здесь мы сталкиваемся с двумя основными проблемами: первая – это генеалогия места в антропологии и других областях социальных/гуманитарных наук, построенная между местными фантазиями, укорененными в ландшафте, и этнографическими представлениями о местах посредством операций академической объективации.

Книга состоит из пролога, трех глав и эпилога. Примечательно, что пролог начинается как художественное произведение: описывается рядовая ситуация, в которой герой совершает привычные каждодневные действия – снимает деньги из банкомата. Но далее путь героя пролегает последовательно через трассу, подземную парковку, аэропорт – через эти переполненные людьми места, где тысячи индивидуальных траекторий пересекались незаметно друг для друга [2, с. 6]. Далее описывается, как герой осуществляет привычные действия: приобретает товары в дьюти-фри, садится в самолет, изучает рекламные проспекты. Все это время рядом с ним находятся сотни людей, но он, как и они, ощущает себя совершенно одним, одиноким.

В первой главе «Ближнее и далекое» автор переходит к научному языку. В начале главы он рассуждает об антропологии как науке и ее основных характеристиках. Антропология всегда была наукой, изучающей человека «здесь» и «сейчас». Этнолог за работой – всегда тот, кто находится где-то (в своем моментальном «здесь»), и описывает наблюдаемое или слышимое в этот самый момент [2, с. 8], – пишет Оже. Он делает вывод, что все, что отдаляет ученого от непосредственных

полевых наблюдений, отдаляет его и от антропологии. Далее он формулирует два главных вопроса, касающихся «этнологии ближнего»: может ли этнология Европы претендовать на уровень научности этнологии дальних обществ и могут ли современные общественные институты быть рассмотрены с точки зрения антропологии? На первый вопрос он отвечает утвердительно, тогда как относительно второго полагает, что сегодня объектом рассмотрения является уже не Европа, а современность как таковая, причем в самых агрессивных, тревожащих и актуальных аспектах [2, с. 10].

Важно обратить внимание на три глобальные трансформации современности, которые Оже выводит и формулирует в первой главе:

- трансформация времени (избыток событий в единицу времени);
- трансформация пространства (избыточность пространства в совокупности с «уменьшением» масштабов планеты);
- трансформация эго индивида (возврат в антропологическую рефлексию).

Для иллюстрации второй трансформации Оже и вводит свой известный термин «не-места», под которыми понимает сооружения, обеспечивающие ускоренный круговорот грузов и пассажиров (скоростные магистрали, пересадочные узлы, аэропорты), и сами средства транспорта, а также крупные торговые центры и места длительного пребывания, приютившие в себе беженцев нашей планеты [2, с. 18].

Вторая глава «Антропологическое место» раскрывает термин, помещенный в ее название. Антропологическое место – одновременно является смыслоорганизующим принципом для тех, кто его населяет, и принципом, обеспечивающим познаваемость для наблюдателя [2, с. 25]. Эти места обладают как минимум тремя общими чертами. Они стремятся быть (люди стремятся сделать их) местами идентичности, отношений и истории [2, с. 26]. Понятие места в антропологии

всегда имело большую значимость. Проблема смысла и ценности места в культуре, интерпретации «духа места» в качестве анимистического обобщения, исследование места как поэтической метафоры, эстетической категории или философской концепции составляют содержание научного анализа этого концепта [4, с. 46–51].

В связи с термином «антропологическое место» автор рассматривает понятия маршрута, пересечения и центра в их культурологическом аспекте и анализирует в этом ключе особенности пространств Франции и, в частности, Парижа. Следовательно, можно предположить, что восприятие места не ограничивается зрительным образом. Это сложный процесс, в котором соединяются как субъективные особенности личности, так и множество наслоений, через которые мы воспринимаем это место [5, с. 66–71].

Третья глава «От мест к не-местам» посвящена описанию и дифференцированному анализу понятий «место» и «не-место». Главное их различие, по мнению автора, заключается в том, что «место» может быть определено как создающее идентичность, формирующее связи и имеющее отношение к истории, тогда как «не-место» нельзя определить через вышеназванные понятия [2, с. 36]. «Не-места», расположенные на пересечении человеческих отношений, представляют собой пространства, периодически появляющиеся и пропадающие, отмеченные непостоянством и анонимностью [7].

Гипотеза Оже состоит в том, что новое социокультурное состояние общества, которому он дал определение «гипермодерн», во множестве производит именно такие «не-места». «Место» и «не-место» в некотором роде являются антагонистами: место как таковое не может полностью исчезнуть, а не-место не может полностью воплотиться. Взаимоотношения этой пары понятий представляет собой транстекстуальное семиотическое переплетение идентичности и взаимосвязи. Далее Оже указывает на двусоставность термина «не-место», подчеркивая, что он

строится на двух концептах – пространстве, структурированном в соответствии со своим предназначением, и отношениях, которые возникают между личностями в этом пространстве. Сохраняя свою неприкосновенную индивидуальность, но будучи визуально «таким же, как все», пользователь «не-места» вступает с ним в строго регламентированное взаимодействие, формальная прописанность которого еще более подчеркивается обилием указующих знаков в таком месте (указатели, инфографика, маркировки, предписания).

Транзакционная природа языка, используемого в «не-местах», в свою очередь, определяет отношения между индивидуумами, обитающими в «не-местах». Оже приводит в пример кассу в супермаркете, где взаимодействие между покупателем и кассиром характеризуется тишиной, отсутствием диалога. Клиент передает кассиру кредитную карту, которая проверяется и считывается, оставляя мало места для разговора. Вместо того, чтобы общаться друг с другом, кассир и клиент больше взаимодействуют с карточным автоматом, который инструктирует их и направляет действия. Используемый здесь язык точно так же регулирует отношения между каждым покупателем в супермаркете. Обращаясь к ним одновременно и без разбора, супермаркет формирует «среднего человека», поглощенного общей идентичностью «покупателя».

Кроме того, «не-места» существуют по отношению к конкретным процессам, ориентированным на определенные цели – таким, как использование транспорта, торговля и отдых. Упорядочивая отношения индивидов с пространством, «не-места» навязывают договорный характер взаимодействия между пространством и индивидом. Идентификация человека (как «клиента», «пассажира» или «пользователя») создается и впоследствии стирается при входе и выходе человека из «не-места».

По мере того, как мир возвращается к нормам и практикам передвижения, существовавшим до пандемии COVID-19, вни-

мание к «не-местам» усиливается. Несмотря даже на нормы социального дистанцирования «не-места» продолжали оставаться актуальными в определении отношений между пространством и человеком. Их растущее присутствие сегодня дает опыт неантропологического посредничества между людьми. Эти внеисторические переживания стали неотъемлемым компонентом социального бытия.

Важным представляется приведенный автором в третьей главе критерий отличия понятий пространства и места. Согласно ему понятие «пространства» более абстрактно, чем понятие «места», которое как минимум отсылает нас к событию, мифу или истории [2, с. 38]. С помощью пространства индивид использует места посредством собственного передвижения. Можно предположить, что место служит, прежде всего, для того, чтобы описать нашу взаимосвязь с миром. Это могут быть память о нем, чувства, ощущения – как на физическом, так и на метафизическом уровне [5, с. 66–71].

Краткий эпилог книги представляет собой возврат к прологу. В нем снова появляется герой условного художественного произведения – рядовой житель крупного города, перемещающийся в пространстве, имея отправными точками «не-места».

В эпилоге автор с помощью художественного повествования показывает нам, как условность «не-мест» не препятствует их довольно жесткому диктату относительно поведения человека, находящегося в них. Этот момент репрезентуется ситуацией, когда героя, пролетающего над страной, в которой имеется запрет на употребление алкогольных напитков, оповещают о том, что пока самолет пролетает над этой страной (фактически находясь в ее границах только в условном воздушном пространстве), употребление таких напитков будет невозможно. Автор намеренно не выводит какого-либо умозаключения из описанной ситуации, давая читателю простор для собственных выводов, главный из которых заключается в том, что теоретическое взаимопроникновение мест с их пра-

вилами и «не-мест», имеющих собственные инструкции «по применению», мы можем постоянно наблюдать в повседневной жизни, даже не идентифицируя их как таковые.

Далее часть эпилога, написанного в художественном стиле, продолжается научным анализом всего содержания работы. Ключевая мысль автора заключается в том, что практическое использование «не-мест» является примером беспрецедентного в истории опыта одиночества индивидуальности, объединенного с лишенными человеческого посредника взаимодействиями между индивидом и властью общества [2, с.52].

Эпилог завершается фразой, которая одновременно подводит итог всей работе и очерчивает перспективы в развитии темы. В ней Оже пишет, что «завтра возникнет потребность – а возможно, она уже возникла – в том, что, несмотря на противоречие в терминологии, можно было бы назвать антропологией одиночества». Важно заметить, что это было написано в 1992 году; сегодня актуальность условно названной антропологии одиночества не вызывает сомнений. Сегодня тема «одиночества в толпе» перешла из разряда узких экзистенциальных вопросов в категорию одной из самых болезненных точек современности. Исследователи выделяют две существенные проблемы, с которыми приходится сталкиваться при анализе темы одиночества. Во-первых, разработка понятия одиночества, равно как и экспликация представлений о самом феномене, могут быть осуществлены лишь в контексте понимания всех горизонтов человеческого бытия; во-вторых, проблема состоит в невозможности полного абстрагирования вопрошающего субъекта от самого феномена [1, с. 252–256].

Подводя итог, можно сказать, что в исследовании Оже главными стали два момента: введение в научный антропологический дискурс понятия «не-место» и рассмотрение – в связи с ним – термина «гипермодерн» как названия для новой социокультурной парадигмы. Гипермодерн, можно сказать, является лицевой стороной того, изнанкой чего нам

извечно представляется постмодерн. Однако Оже не утверждает, что концепция гипермодерна так же всеобъемлюща, как постмодерн.

С точки зрения гипермодерна сложность осмысления времени объясняется избытком событий, происходящих в современном мире, а не крушением идеи прогресса, уже давно шаткой [2, с. 17]. Гипермодерн, по мнению автора, трансформирует не только пространство, но и время, что отражается в характеристике его наполненности концентрацией событий в условную единицу времени. Таким образом, и человеческая личность, существующая в координатах сущностно измененного пространства и времени, не может не испытывать на себе этих изменений, она неизбежно претерпевает и собственные трансформации. На изломе этих изменений ярко подсвечиваются не актуализированные ранее зоны экзистенциальных проблем личности, которые отчасти существовали и ранее, но не были осмыслены с использованием научного языка описания.

Актуальность обращения к заявленной теме и одновременно сложность исследования обусловлены тем, что автор анализирует культурные изменения, частью которых является сам. Об этой трудности Оже упоминает в начале своей работы, но обращает наше внимание на то, что это не является непреодолимым препятствием для ученого-антрополога. К попытке оживить дисциплину антропологии в целом относится и его использование новых методов письма – включение в научный текст повествовательных художественных частей.

Марк Оже – в числе прочих проблем антропологии как науки – указывает на многолетнюю дисциплинарную практику антропологии по созданию романтического видения мест как вечных, неизменных, «укорененных в нетронутой почве», поддерживаемых архаичными и экзотическими ритуалами коренных народов. Он также указывает на «искушение тотальности», когда культура представляется как целостная и точно репрезентируемая случайно выбранными людьми, артефактами, местами и практиками изнутри самой себя.

От пролога до эпилога Марк Оже последовательно проводит определенную теоретическую линию. Интересен и сам подход ученого-этнографа: он использует аналитические методы этнографии для исследования современного общества западного типа, частью которого является сам. Примечательно, что автору при этом удалось не потерять объективность и не уйти в догматизм в своих умозаключениях. Он вводит понятие гипермодерна (сверхсовременности), но не настаивает на его тотальности, подчеркивая, что концепция постмодерна была более всеохватывающей. Марк Оже на страницах данной книги обращается к анализу лишь части изменений, которые произошли в современном обществе, но описывает и систематизирует их очень определенно. Введенный автором термин «гипермодерн» после публикации книги зажил собственной жизнью и перекочевал в работы других исследователей культуры, что говорит о его релевантности и востребованности. Лакуна, которая сегодня образовалась в связи с тем, что постмодернизм более не вмещает все многообразие социокультурных проявлений, взывает к появлению новых терминов, однако таковые более ценны не самим появлением, а тем, что каждый из них отражает какую-либо совокупность современных культурных изменений. Гипермодерн среди прочих определений положительно выделяется тем, что он создан на серьезной аналитической базе профессиональным ученым-антропологом. Дискуссионным моментом книги Оже является утверждение о том, что идея прогресса, уже долгое время являясь шаткой, постепенно отмирает. Однако надо учитывать, что книга была написана в 1992 году, а возвращение метанарративов, в том числе и идеи прогресса, началось несколько позже. Поэтому подобный спорный момент, по нашему мнению, не умаляет общей значимости книги и даже, напротив, создает поле для новых размышлений и дискуссий относительно современной социокультурной парадигмы.

Список литературы

1. *Нечаев С. Л.* Одиночество: к особенностям познания феномена // Преподаватель XXI век. 2010. № 2. С. 252–256.
2. *Оже М.* Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. Москва: Новое литературное обозрение, 1992. 55 с.
3. *Павлов А. В.* Образы современности в XXI веке: сверхмодернизм // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 1. С. 69–83.
4. *Полякова И. А.* Антропология места, или Культурные метаморфозы *genius loci* // Вопросы культурологии, 2011, № 10. С. 46–51.
5. *Скопина М. В.* Феномен «места» и «не-места» в постиндустриальном городе // Вестник Московского государственного строительного университета 2013. № 1. С. 66–71.
6. *Lipovetsky G.* Les temps hypermodernes, éditions Grasset. 2004. 196 p.
7. *Srinivasan R.* A non-place. The Hindu [Электронный ресурс] // URL: https://www.thehindu.com/specials/text-and-context/a-non-place/article65308747.ece#comments_65308747

References

1. *Nechaev S. L.* Loneliness: to the peculiarities of the cognition of the phenomenon // Teacher: 21st century. 2010. № 2. p. 252–256. (In Russ.)
2. *Auger M.* Non-places. Introduction to the anthropology of hypermodernity. Moscow: New Literary Review, 1992. 55 p. (In Russ.)
3. *Pavlov A. V.* Images of modernity in the 21st century: supermodernism // Knowledge. Understanding. Skill. 2019. № 1. p. 69–83. (In Russ.)
4. *Poljakova I.* Anthropology of place, or cultural metamorphoses, or cultural metamorphoses of *genius loci* // Issues of Cultural Studies, 2011, № 10. p. 46–51. (In Russ.)
5. *Скопина М. В.* The phenomenon of “place” and “non-place” in a post-industrial city // Vestnik MGSU. 2013. № 1. p. 66–71 (In Russ.)
6. *Lipovetsky G.* Les temps hypermodernes, éditions Grasset, 2004. 196 p.
7. *Srinivasan R.* A non-place. The Hindu [Electronic resource] // URL: https://www.thehindu.com/specials/text-and-context/a-non-place/article65308747.ece#comments_65308747

*

Поступила в редакцию 29.06.2022